

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-01-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул. маршалла Василевского, 2, кв. 4п

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

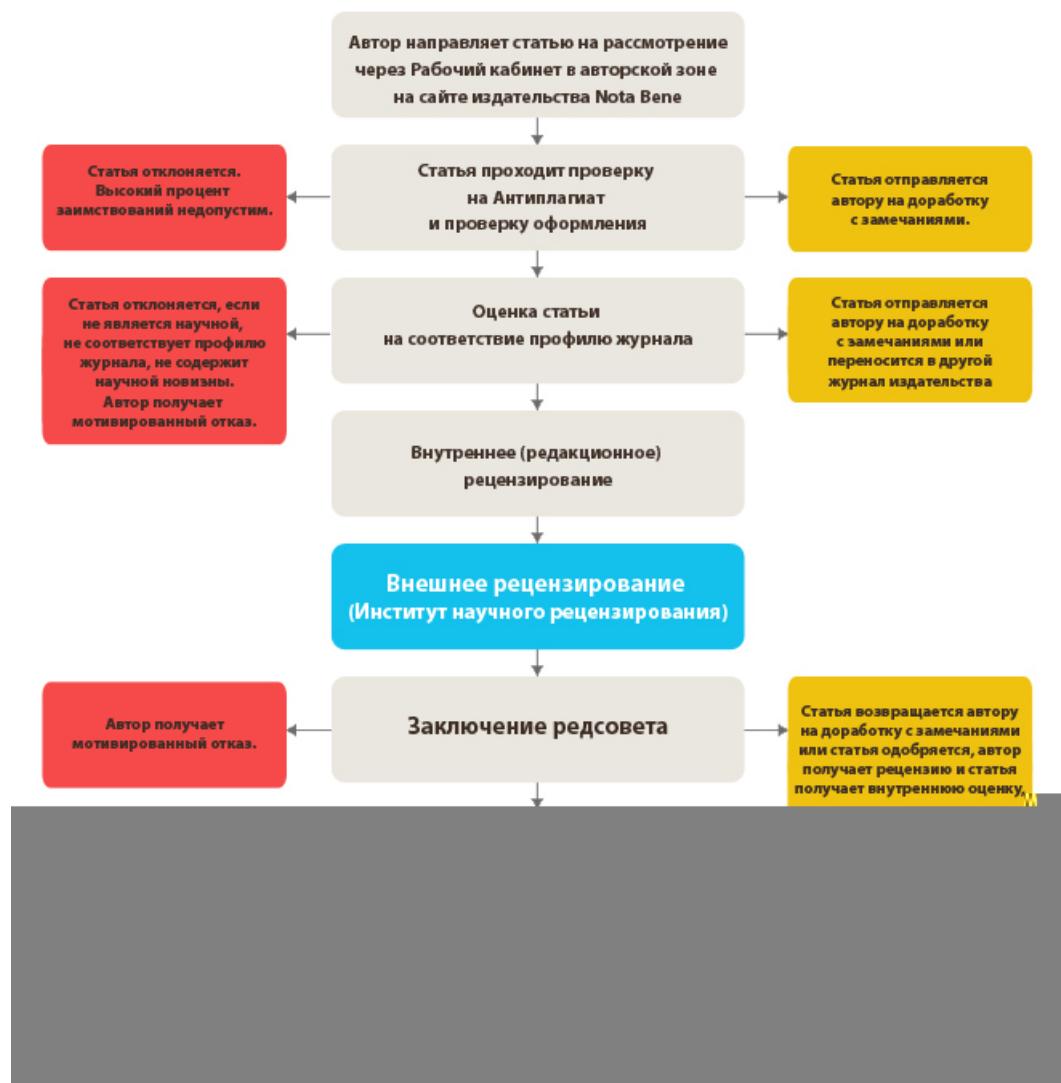
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Григорьев С.А. Скотоводческая культура в хозяйственном пространстве Колымского региона Якутии по материалам историко-этнографических наблюдений середины XX в.	1
Болотова Е.Ю. Проблема периодизации российского кооперативного движения конца XIX – начала XX вв. в работах историков 2000-х гг.	12
Осипов Е.А. Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции	22
Винокуров А.Д., Винокурова О.Е., Гоголева Д.А., Прокопьева Н.И. Родовой состав и места кочевий тунгусов ведомства Управы Кангаласских тунгусских родов в XIX-нач.XX вв.	31
Белолюбская Г.С. Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время	42
Кричевцев М.В. Процессы против адмиралов во Франции при Наполеоне I: к вопросу о роли следственного совета	53
Винокуров А.Д., Винокурова О.Е., Гоголева Д.А., Прокопьева Н.И. Документирование учета населения ведомства Управы Кангаласских (Лено-Алданских) тунгусских родов за 1768-1917-ые гг.	66
Данилов И.Б. Осмысление политico-правовой категории «империя» в юридической науке	76
Юматова Е.А. Коллективные договоры как фактор трудового регулирования в промышленности в период НЭПа (на материалах Владимирской губернии)	84
Лахтионова Е.С. Индустральное наследие как фелицитарный фактор благополучия населения Урала в 1970-1980-е гг.	99
Королева Е.С. Историко-правовая эволюция концепций о юридическом вреде	106
Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в астральных мифах тюрков и финно-угров: на примере мифологем Млечного Пути и Полярной звезды	119
Англоязычные метаданные	143

Contents

Grigorev S.A. Pastoral culture in the economic space of the Kolyma region of Yakutia based on historical and ethnographic observations in the early twentieth century.	1
Bolotova E. . The problem of periodization of the Russian cooperative movement of the late XIX – early XX centuries in the works of historians of the 2000s.	12
Osipov E.A. It all started in 1989. 35 years of the crisis of national and religious identity in France	22
Vinokurov A.D., Vinokurova O.E., Gogoleva D.A., Prokopieva N.I. The tribal structure and localities of the Tungus nomads of the Department of the Kangalas Tungus clans in the XIX-early XX century	31
Belolyubskaya G.S. Disappeared Herds: The Loss of Reindeer Herding in the Evenki Community of Western Yakutia During the Soviet Era	42
Krichevtssev M.V. Trials against admirals in France under Napoleon I: on the role of the Investigative Council	53
Vinokurov A.D., Vinokurova O.E., Gogoleva D.A., Prokopieva N.I. Documenting the population records of the Department of the Kangalas (Leno-Aldan) Tungus clans for 1768-1917.	66
Danilov I. Understanding the political and legal category of "Empire" in legal science	76
Yumatova E.A. Collective agreements as a factor of labor regulation in industry during the NEP period (based on the materials of the Vladimir Province)	84
Lakhtionova E.S. Industrial heritage as a felicitous factor of the well-being of the population of the Urals in the 1970s and 1980s.	99
Koroleva E.S. Historical and legal evolution of concepts of legal harm	106
Ilikaev A., Sharipov R.G. Parallels in the astral myths of the Turks and Finno-Ugrians: on the example of the mythologies of the Milky Way and the Polar Star	119
Metadata in english	143

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Григорьев С.А. Скотоводческая культура в хозяйственном пространстве Колымского региона Якутии по материалам историко-этнографических наблюдений середины XX в. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72585 EDN: TCSWSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72585

Скотоводческая культура в хозяйственном пространстве Колымского региона Якутии по материалам историко-этнографических наблюдений середины XX в.

Григорьев Степан Алексеевич

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, ФИЦ "Якутский научный центр" Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677027, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 403

✉ DeTample@yandex.ru

[Статья из рубрики "Антрапосоциогенез и историческая антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72585

EDN:

TCSWSA

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2024

Дата публикации:

07-12-2024

Аннотация: Основной идеей представленной публикации является освещение процессов распространения скотоводческих практик как отдельного элемента традиционной якутской культуры в Колымском регионе Якутии в первой половине XX в. Объектом исследования являются данные историко-этнографических исследований, проведенных в 1950-е гг. сотрудниками Института языка, литературы и истории Сибирского отделения Академии наук СССР. Собранные ими материалы являются важными источником по этнокультурной истории региона, требующими современной интерпретации полученных ими научных данных. Предметом исследования данной статьи является отражение в этих источниках процессов расширения скотоводческих практик

на северо-восток Якутии в первой половине XX в. и их адаптации к местным природным, культурным и социально-экономическим условиям, что ранее не рассматривалось в подобном ракурсе и не становилось объектом отдельного исследования. Методологической основой статьи стал исторический метод анализа архивных данных и научной литературы, относящейся к теме исследования. Использование историко-сравнительного, историко-системного, проблемно-хронологического и статистического методов позволило наиболее полно проанализировать изучаемые процессы. Выявлено, что исследования проведенные на северо-востоке Якутии в середине XX в. позволяют более отчетливо понять историю и культуру его жителей, а также выявить особенности их повседневной жизни, традиции и обычай. Работы ученых того времени, несомненно, являются ценным источником информации о жизни и общественных отношениях на Колыме. При этом, процессы, влияющие на взаимодействие северных культур в условиях адаптации и формирования новых хозяйственных моделей до сих пор остаются недостаточно изученными. На основе собранных материалов были выявлены основные результаты происходивших интеграционных хозяйственных процессов на северо-востоке Якутии в первой половине XX в. и отмечено, что модернизационные процессы, происходившие в этот период, оказали еще более существенное чем ранее воздействие на этнический состав и хозяйственную деятельность коренного населения ускорив переход местных аборигенных этносов к новым, ранее не свойственным для этого региона видам хозяйства.

Ключевые слова:

Якутия, Колымский регион, скотоводческие практики, коренные народы, традиционное хозяйство, научное изучение, миграция, традиционный уклад жизни, трансформация этнокультурного ландшафта, адаптация

Актуальность: Северо-восточные территории Якутии, относящиеся к Колымскому краю – исторической области охватывающей бассейн реки Колымы и северное побережье Охотского моря, являются во многом уникальным местом сплетения и взаимовоздействия различных этносов и культур на разных исторических этапах. Этот изолированный регион, демографически разряженный и географически отдаленный от остального мира тем не менее, на протяжении последних столетий испытывал постоянное внешнее воздействие, оказывавшее сильное влияние на его социально-экономическое и этнокультурное развитие. Одним из проявлений данных процессов являлась миграция различных групп переселенцев, приносивших с собой новые традиции, культурные инновации, а также свой общественный и экономический уклад жизни. Особое место здесь занимают жители центральных районов Якутии, начавшие миграцию в Колымский регион еще в XVIII в. и значительно расширившие ареал распространения скотоводческих и коневодческих практик на северо-востоке. Влившись в местный социум, состоявший преимущественно из дисперсно разбросанных по огромной территории племен юкагиров, эвенов и чукчей, якутские скотоводы принесли с собой новые формы хозяйства, язык и культуру, тем самым в очередной раз изменив его этнический облик.

На последнем этапе этот растянутый процесс происходил на фоне социальных потрясений, вызванных войнами, революциями, а также реализацией государственных проектов по освоению северных территорий, что несомненно оказало значительное влияние на традиционную жизнедеятельность местных сообществ. В данном ключе,

расширение скотоводческих практик на северо-восток Якутии в XX в. является интересным примером их адаптации не только к нетипичным и суровым природным условиям в инокультурной среде, но также и к быстро трансформирующемуся социально-экономическому устройству Колымского региона вызванным внешними причинами. Доступные нам научные материалы того периода, оставленные немногочисленными экспедициями и исследователями, не выделяют этот фактор в отдельную проблему. Они лишь фиксируют общую хозяйственную и этнокультурную ситуацию в определенный период времени, не погружаясь в динамику происходящих процессов. Вместе с тем, взаимодействие скотоводческой культуры с автохтонными культурами Колымы в советский период еще не рассматривался в подобном ракурсе и не становился объектом отдельного исследования.

В целом, процесс освоения российской Арктики через призму ее этнической истории получил достаточно полное освещение в российской историографии. Среди них выделяются работы, посвященные истории хозяйственного развития северных территорий страны на разных этапах освоения, а также затрагивающие проблемы истории государственной политики по формированию и закреплению населения в районах промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг., когда активно происходили процессы индустриализации и урбанизации, предопределившие коренные социально-экономические и демографические изменения в регионе[1–6].

Достаточно подробно изучались проблемы сохранения и развития традиционного хозяйства коренных народов Севера в условиях модернизационных процессов XX в., которые опираются на базу, созданную еще в советский период такими исследователями как Сергеев М.А., Гурвич И.С., Зибарев В.А., Бударин М.Е., Увачан В.Н., Вахтин Н.Б. Пика А.И. и др. Более подробно, чем в других районах северо-востока России, судьбы коренного населения, занятого в традиционных отраслях, специально изучены на материалах Якутии Атласовым С.В., Тарасовым И.А., Ковлековым С.И., Винокуровой Л.И., Санниковой Я.М. [7–14].

Отдельный интерес представляют работы Бояковой С.И. и Винокурова И.И. [15–17], актуализировавших вопросы взаимоотношений интересов аборигенного населения с индустриальными проектами освоения Севера и Арктики в разные периоды XX в. Важный вклад в изучение и осмысление хозяйственной культуры якутов сделал Николаев-Сомоготто С.И. [18–20] В настоящее время российскими учеными серьезно исследуются проблемы сохранения и развития традиционных культур коренных народов Севера. В круг изучаемых тем входят современные демографические и социальные проблемы, традиционное природопользование, опыт взаимодействия с промышленными компаниями, образование и социолингвистическая ситуация, этническая идентичность, развитие общественного движения и т.п. [21–24]. Особое место в массиве таких работ занимают публикации по итогам проведений этнологических экспертиз. До 90-х годов XX в. проблемы взаимодействия коренного населения и добывающих компаний изучались, в основном, в ракурсе угрозы загрязнения окружающей среды.

Социальный анализ проблем освоения Крайнего Севера и влияния этого процесса на жизнь арктического населения проводится в Якутии начиная с 1970-х годов, со времен функционирования первой социологической лаборатории, возглавляемой И.А. Аргуновым. Аргунов первым использовал сравнительно-исторический анализ освоения арктических районов, выделил несколько этапов индустриальной экспансии в регионе [25]. В 90-х годах XX века вовлеченность местного населения в различные специализации стала трактоваться, исходя из метатеории этнокультурного разделения

труда, якутские социологи, в частности, И.И. Подойницына [26] разрабатывали модели профессиональной престижности разных видов труда.

Отдельно следует отметить работы по истории научного изучения Якутии в XX в. А.А. Сулейманова. В своих последних публикациях им введен в научный оборот и проанализирован значительный комплекс архивных материалов, позволивших реконструировать историю организации и проведения важнейших академических инициатив, определить их направления и результаты, а также оценить вклад ученых в разработку важнейших правительственные решений по развитиюaborигенных этносов региона[27–30].

Основная часть: Нужно отметить, что формирование научного знания об этнической истории арктических районов Якутии, в том числе ее северо-восточных районов происходило на протяжении нескольких столетий усилиями многих исследователей. Однако вплоть до конца первой трети XX в. они носили спорадический характер проводились отдельными энтузиастами и лишь в редком случае специалистами-этнографами. Как отмечается историком научного изучения арктического региона А.А. Сулеймановым: «Если не принимать во внимание разрозненные сведения, относящиеся к материальной и духовной культуре долган, русских арктических старожилов, эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей и якутов, которые фактически попутно были аккумулированы в ходе различных инициатив естественнонаучной направленности, в значительной мере имеющаяся к 1920-м гг. степень этой изученности была достигнута за счет исследователей-самоучек, оказавшихся в Якутии либо по долгу службы, либо по приговору суда» [27, с. 49].

Здесь, в качестве примера, можно привести исследования, осуществленные колымским исправником Г.Л. Майделем во время Чукотской экспедиции 1868–1870 гг., политсырьльными В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом в ходе Сибиряковской экспедиции Императорского Русского географического общества 1894–1896 гг. и Джезуповской экспедиции 1897–1902 гг. в фокусе которых находились чукчи, эвены и юкагиры Колымского региона [31–34].

После революции 1917 г. исследования этнической ситуации в северо-восточных районах Якутии были продолжены в 1920-е гг. участниками Якутской комплексной экспедиции АН СССР. В ее состав которой входили Верхоянский подотряд (братья Д.Д. и Н.Д. Травины) собираяший материалы по русскоустинцам, эвенкам, эвенам, юкагирам и якутам и по пока неподтвержденным данным Колымский подотряд (С.Н. Стебницкий, Н.Д. Травин, А.С. Форштейн и Г.Н. Петров) ориентированный на изучение чукчей [35]. В 1927 г. в бассейне Колымы проводил исследования Н.И. Спиридовон (Текки Одулук) – первый представитель юкагирского народа, получивший высшее образование и ученою степень. Им было составлено подробное описание традиционного быта своих сородичей, а также проведено своеобразное гендерное исследование, в ходе которого была подготовлена характеристика годового хозяйственного цикла мужчин с верховьев Колымы [36].

Особый интерес для данного исследования представляют заметки ученого-экономиста и по совместительству члена правительства Якутской АССР Г.Г. Колесова. Его наблюдения экономического положения Колымского региона охватывают в том числе и состояние животноводства того времени. Им было отмечен регресс местного скотоводства, выражавшегося в сокращении его поголовья. На основании собранных данных в 1924–1926 гг. им утверждалось, что количество скота по всему Колымскому округу к тому моменту сократилось на половину по сравнению с началом XX в. Данную негативную

тенденцию Г.Г. Колесов связывал прежде всего с нарушением в период Гражданской войны транспортного сообщения Колымского края с другими регионами Якутии [14, с. 48–49].

В 1930-е гг. интенсивность изучения этнической картины Колымы заметно сократилась. В этот период была отмечена только экспедиция К.К. Дидаха и В. Кривошеина 1939 г. ходе которой были получены физико-антропологические данные верхнеколымских юкагиров [27, с. 50–51]. После нее научная активность в регионе фактически прекратилась и не возобновлялась вплоть до середины века.

Настоящий подъем научного интереса к северо-восточным районам Якутии произошел в 1950-х гг. с началом его систематического научного изучения академическими структурами. Именно их усилиями был заложен фундамент дальнейших гуманитарных исследований данного региона, а материалы ученых, проводящих комплексные исследования стали первыми информативными свидетельствами, фиксирующими состояние этнокультурной картины за долгое время. Ведущее место в этих исследованиях занимал Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Академии Наук СССР (ИЯЛИ), силами которого в середине XX в. началось систематическое экспедиционное изучение этих территорий.

Первой полноценной этнографической научной экспедицией Института в данный регион стала поездка в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы ЯАССР в 1951 г. Ильи Самуиловича Гурвича, на тот момент кандидата исторических наук, совместно с лаборантом-переводчиком. Задачей этого маленького отряда стало изучение этнического состава, быта и культуры местного коренного населения. Маршрут был составлен таким образом чтобы провести сплошное обследование, охватить все районные наслеги, колхозы, поселки и посетить все этнические группы данных территорий. Таким образом длина общего маршрута, которую преодолели участники экспедиции составила более 3 тыс. км. [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231. Л. 3]. По итогам экспедиции И.С. Гурвичем был составлен научный отчет для Ученого совета ИЯЛИ и который затем в переработанном и усеченном виде был опубликован в 1952 г. журнале «Советская этнография» [37], а затем и в его фундаментальной монографии «Этническая история Северо-Востока Сибири» в 1966 г. [38].

Данное исследование Колымского региона производилось по специальной программе, включавшей в себя определение языковой и этнической самоидентификации для чего привлекались и использовались посемейные хозяйствственные списки и книги. Происходил сбор материала о родоплеменной принадлежности и административном распределении населения. Также производилось изучение культурных и бытовых особенностей каждой локальной этнической группы, а также их взаимоотношений между собой. При этом, И.С. Гурвич в своем отчете особо отмечал, что особенностью методики проведения работ являлось сплошное обследование района, без акцентирования на каком-то отдельном этносе [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Д. 231. Л. 5].

В ходе данной экспедиции в фокусе проводимых исследований вполне естественно оказалось и местное якутское население, к тому моменту уже довольно широко распространившееся на данных территориях. Именно его И.С. Гурвич в своей статье назвал основным населением Среднеколымского района. Согласно полученным сведениям, среднеколымские якуты считались выходцами из центральных районов Якутии. Записанные во время экспедиции легенды свидетельствуют о том, что заселение

якутами Колымы началось с Верхне-Колымского наслега (более южных районов Колымского региона – прим. Авт.), а северные пределы Средне-Колымского района были освоены ими за ста лет до времени проведения экспедиции. Спуская озера, чтобы освободить площадь для лугов, якуты произвели значительные изменения в ландшафте Колымского округа. Вокруг озер выпасали скот. Сохранялись традиционные перекочевки с зимников на летники. В хозяйстве колымских якутов значительное место занимала охота на лосей, диких оленей и водоплавающую дичь [37, с. 204].

По свидетельству И.С. Гурвича в связи с изолированностью среднеколымских якутов в их культуре появились особенности, отличающие их от сородичей из центральных округов. Среднеколымские якуты строили юрты (жилые здания) без хотонов (хозяйственные помещения для проживания скота), носили своеобразные формы обуви. От местных русских старожилов они восприняли набородники, налобники, старинные шапки. Среди части среднеколымских якутов получил распространение чукотский мужской костюм в качестве промысловой одежды [37, с. 204].

Одновременно в Нижнеколымском районе была зафиксирована несколько иная картина, демонстрирующая пределы распространения скотоводческой культуры на север. В данном регионе отмечалось значительное количество обрусевших якутов, находящихся в процессе утрачивания своего языка и идентичности. Как отмечается в отчете «Всего обруселых якутов по приблизительному подсчету 92 хоз. включая одиночек 273 чел. об. пола. В документах они числятся то русскими, то якутами. Якутов, не знающих якутского 16 чел.» [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Д. 231. Л. 24].

В то же время в Нижне-Колымском районе встречались и якуты, сохранившие свой язык и продолжавшие заниматься, наряду с рыболовством и охотой, скотоводством. Как отмечает И.С. Гурвич эта группа особенно увеличилась в 1920-е гг. Часть якутов из различных наслегов Средне-Колымского района переселилась в низовья р. Колымы, привлеченная богатым уловом рыбы, часть прибыла с торговыми целями и осела. По Колыме пришельцы быстро усвоили хозяйство образ жизни местных колымчан т.е. рыболовство, собаководство и охоту.

Привлеченные богатыми рыбными озерами и возможностью промышлять пушных зверей (лисица, песец, белка) якуты с рогатым скотом и лошадьми из лесных зон подошли к границам тундры. Летом на лошадях они кочевали по рыбным озерам доходя до Олерских озер т.е. южных территорий Нижне-Колымского и где даже основали поселения. По рассказам стариков, это происходило в период первого проникновения якутов в Колымский край (т.е. в XVIII-XIX вв.), однако в 1920-е – 1930-е гг. их число в этих районах возросло за счет переселенцев из Средне-Колымского района. Далее на север якуты заходили лишь для промысла, где их привлекали здесь пушные и рыбные богатства. И.И. Гурвич отмечает, что скотоводческое хозяйство этих переселенцев было весьма ограниченным, а основой их существования было рыболовство [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Д. 231. Л. 24–25].

Тем не менее, там же описывается и сложившаяся к тому моменту ситуация, когда большинство якутов в Нижнеколымском районе занималось работой на молокотоварной и конетоварной фермах колхоза «Сутаня-удиран», совмещая ее с рыболовством, охотой и грузоперевозками. Также было отмечено, что в другом колхозе носившим название «Оленевод» большинство якутов было занято привычными занятиями – скотоводством, рыболовством, охотой и только 3 якута перешли к работе по обслуживанию оленевых стад. Подытоживая свои наблюдения И.С. Гурвич констатировал, что якуты к о времени проведения наблюдений вышли за пределы лесной зоны, где они обитали до

коллективизации в тундровые территории – места традиционного проживания коренных малочисленных этносов Севера [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Д. 231. Л. 25]. Это наблюдение свидетельствует о продолжающемся процессе распространения на северо-восток ареала жизнедеятельности и хозяйственных практик якутского этноса не прекратившегося и, вероятно, даже усилившегося в советский период.

Косвенные данные о продолжающейся в советский период хозяйственной трансформации Колымского региона содержатся также в материалах Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г. Данное научное мероприятие стало инициативой руководства ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и получила поддержку со стороны Якутского филиала АН СССР, профинансируя исследование, и ведущих профильных учреждений страны – Института этнографии и Института языкоznания АН СССР. Несмотря на то, что главными задачами экспедиции являлись реконструкция истории, изучение языка и физической антропологии, анализ происходящих этнических процессов, а также фиксирование текущего положения в хозяйстве и культуре юкагиров, ученые не фокусировались только на данном этносе и охватили изысканиями также проживающих бок о бок с ними представителей других этнических групп в том числе и якутов. Руководителем экспедиции был назначен к.и.н., директор ИЯЛИ Захар Васильевич Гоголев [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1-3].

Проведенные участниками экспедиции исследования также продемонстрировали, что социально-экономические изменения первой половины XX в. оказали значительное воздействие на местную этнокультурную среду. В частности, было отмечено влияние коллективизации на этнические процессы в Колымском регионе приведшей, по их мнению, как к интенсивному обмену культурными ценностями, так и к утрате лесными юкагирами этнической самобытности, навыков традиционных занятий охотой и рыболовством, а также обездлюдинание мест их исконного проживания. Причинами этих явлений ученые назвали форсированное переселение коренных жителей в крупные поселки, а также переход к новым, привнесенным извне отраслям хозяйства до этого нехарактерных для данных территорий. В частности, исследователями указывалось, что местные юкагиры стали заниматься в том числе молочным животноводством т.е. занятием, традиционно приписываемым якутскому населению [\[27, с. 72\]](#).

Параллельно с Юкагирской комплексной экспедицией на Колыме сбор материалов для своей научно-исследовательской работы «История аграрных отношений в Якутии с середины XIX в. по 1917 г.» проводил старший научный сотрудник ИЯЛИ, д.и.н. Георгий Прокопьевич Башарин. Собранные им в 1959 г. в результате полуторамесячной командировки данные касались прежде всего исторического описания экономико-культурных процессов, происходивших на северо-востоке Якутии с XVIII по XX век. Также в его отчете была отражена характеристика местных природных условий и приведена оценка местных жителей приспособленности этих территорий для различных видов хозяйств.

В целом, в своем отчете Г.П. Башарин оценивал местные условия как пригодные для развития якутского животноводства, но отмечая при этом дефицит пригодных для ведения хозяйства территорий. Было отмечено, что местные жители отмечали три особенности региона для содержания рогатого скота и лошадей: во-первых, на территории бывшего Колымского округа при его общем обширном пространстве было очень мало сенокосов и пастбищ для рогатого скота и лошадей; во-вторых, здесь часть сенокосов и пастбищ постоянно находилась под водой, была заболочена, покрыта

кочкарниками и кустарниками; в-третьих, сенокосы в большинстве своем располагались далеко от населенных пунктов при плохой, затрудненной болотами, речками, горами и тайгой дороге. Всё это делало острым вопрос об удобных и близких к населенным пунктам участках сенокосов и пастбищ еще в дореволюционный период [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Д. 3460. Л. 3-4].

При этом, Г.П. Башарин в своем отчете повторил выводы И.С. Гурвича 1951 года в которых отмечалось зафиксированное в Нижнеколымском районе достижение пределов распространения якутского скотоводства на север. Именно территории этого района были обозначены им как «крайние северо-восточные пункты распространения отраслей хозяйства якутов» [Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Д. 3460. Л. 7]. На более северных территориях начиналось преобладание таких видов традиционного хозяйства как рыболовство и охота.

Заключение: Таким образом исследования проведенные на северо-востоке Якутии в середине XX в. позволяют более отчетливо понять историю и культуру его жителей, а также выявить особенности их повседневной жизни, традиции и обычай. Работы ученых того времени, несомненно, являются ценным источником информации о жизни и общественных отношениях на Колыме, предоставляя уникальную перспективу на этот значимый период в истории региона. При этом, несмотря на богатую историографию, процессы, влияющие на взаимодействие северных культур в условиях адаптации и формирования новых хозяйственных моделей до сих пор остаются недостаточно изученными.

Обобщая вышесказанное можно отметить, что влияние миграции якутов на протяжении нескольких столетий в Колымский край способствовало интеграции их хозяйственных и культурных практик с традициями местных аборигенных этносов (юкагиров, эвенов, чукчей), что привело к трансформации этнокультурного ландшафта региона. Следует отметить, что особенности природных условий Колымского региона, такие как нехватка пастбищ и сенокосов, а также сложные транспортные условия, создавали ограничения для развития традиционного якутского скотоводства, что требовало адаптации хозяйственных практик к локальной среде. Несмотря на это якуты сумели привнести новые формы хозяйствования, включая скотоводство и коневодство, которые успешно адаптировались к экстремальным природным условиям. Процессы коллективизации и модернизации в XX веке оказали еще более усиленное чем ранее воздействие на этнический состав и хозяйственную деятельность коренного населения. Влияние таких внешних факторов, как индустриализация и переселение якутов из центральных районов Якутии, привело к изменениям в традиционном укладе жизни, включая переход местных народов к новым, ранее не свойственным для региона видам хозяйства.

Библиография

1. Киселев Л.Е. Север раскрывает богатства: Из истории промышленного развития советского Крайнего Севера. М.: Мысль, 1964. 110 с.
2. Славин С.В. Освоение Севера. М.: Наука, 1975. 110 с.
3. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.
4. Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. 174 с.
5. Траектории проектов в высоких широтах. Новосибирск: Наука. 2011. 440 с.
6. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск:

- Паралль, 2017. 494 с.
7. Атласов С.В. История развития скотоводства и коневодства в Якутии (1917-1928 гг.) Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 152 с.
8. Тарасов И.А. КПСС организатор социалистических преобразований хозяйства малых народностей Севера 1930-40 гг. Якутск: Якуткнигоиздат, 1967. 175 с.
9. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971-1985 гг.). Якутск, ЯНЦ СО РАН. 1993. 120 с.
10. Винокурова Л.И. Кадры сельского хозяйства Якутии. 1961-1985 гг. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. 100 с.
11. Винокурова Л.И. Аборигенные этносы в модернизирующемся обществе// Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск: Наука, 2000. С.163-188.
12. Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929-1940 гг.). Якутск: Бичик, 2007. 134 с.
13. Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Севера Якутии в условиях трансформаций XX века: оленеводство на Колыме через призму времени// Научный диалог. 2016. №7(55). С.215-229.
14. Санникова Я.М., Винокурова Л.И. Г.Г. Колесов и его рукописи об экономическом положении Колымского округа Якутии в 1920-е годы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 3(24). С. 43-52.
15. Боякова С.И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 июнь 1941г.). Новосибирск: Наука, 1995. 128 с.
16. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы северо-востока Азии (XIX в. 1917 г.) Новосибирск: Наука, 2001. 160 с.
17. Винокуров И.И. Эвенки зоны Байкало-Амурской магистрали: историко-демографический аспект (1976-1990 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Якутск, 1994. 22 с.
18. Николаев С.И. Обычаи народа Саха. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. 45 с.
19. Николаев С.И. Происхождение народа саха. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. 111 с.
20. Николаев С.И. Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 299 с.
21. Нуваро В.Н., Етылин О.В. Оленеводство Чукотки в период перестройки экономических отношений // Новости оленеводства. 2000. Вып.4. С. 61-69.
22. Василькова Т.Н., Евай А.В, Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямalo-Ненецком автономном округе). 2011. Москва Шадринск: Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати». 268 с.
23. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2012. 363 с.
24. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. / отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М: Издание ИЭА РАН, 2012. 204 с.
25. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.
26. Подойница И.И. Этнокультурные стереотипы трудового поведения в сфере производства. Новосибирск: Наука, 1995. 142 с.
27. Сулейманов, А.А. Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х – 1991 гг. Книга первая: Социогуманитарные направления. Новосибирск: Наука, 2021. 348 с.
28. Сулейманов, А.А. Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 50-е гг. ХХ в // Вестник Томского государственного

- университета. История. 2022. № 78. С. 161–171.
29. Сулейманов, А.А. Якутские комплексные экспедиции Академии наук СССР и исследование арктических районов Якутии в 1950-е годы // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 8. С. 472–490.
30. Сулейманов, А.А. Из истории геокриологических исследований в арктических районах Якутии в 60–70-е гг. ХХ в. // Современная научная мысль. 2023. № 4. С. 152–157.
31. Майдель Г.Л. Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868–1870 годах. СПб: Изд. Императорской Академии наук, 1894. 600 с.
32. Богораз В.Г. Ламуты (из наблюдений в Колымском крае) // Землеведение. 1900. № 1. С. 59–72.
33. Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л.: ИНС ЦИК СССР, 1934. 191 с.
34. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
35. Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 54–57.
36. Спиридовон Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 140 с.
37. Гурвич И.С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 году // Советская этнография. 1952. № 3. С. 200–209.
38. Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 276 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Уже не одно столетие Россия является полиэтническим государством, где на бескрайних евразийских пространствах совместно проживают народы, отличающиеся языком, культурой, хозяйственным укладом, психологическим темпераментом. Несмотря на различные действия со стороны недружественных государств, сегодня наша страна отличается монолитным единством, но это не отменяет и внутренних различий. Как отмечает Президент Российской Федерации В.В. Путин, противники «исходили и исходят из того, что культурное и национальное многообразие России – это наша слабость. Жизнь, вызовы, с которыми мы столкнулись, показали, наоборот, что это наша сила, особая и всепобеждающая сила России». В этой связи вызывает важность изучения различных регионов нашей страны.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является скотоводческая культура в хозяйственном пространстве Колымского региона Якутии. Автор ставит своими задачами рассмотреть историографию вопроса, проанализировать формирование научного знания об этнической истории арктических районов Якутии, раскрыть возможности для развития традиционного якутского скотоводства в Колымском крае.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать скотоводческую культуру в хозяйственном пространстве Колымского региона Якутии по материалам историко-этнографических наблюдений в середине ХХ в. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 38 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена как документами из фондов Рукописного фонда архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, так и материалами путешествий В.Г. Богораза, Г.Л. Майделя, В.И. Иохельсона. Из используемых исследований укажем на работы С.В. Атласова и А.А. Сулейманова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения Арктического региона. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Колымским краем, в целом, так и его изучением, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «формирование научного знания об этнической истории арктических районов Якутии, в том числе ее северо-восточных районов происходило на протяжении нескольких столетий усилиями многих исследователей». Но подлинный подъем начинается в середине XX в.: «работы ученых того времени, несомненно, являются ценным источником информации о жизни и общественных отношениях на Колыме, предоставляя уникальную перспективу на этот значимый период в истории региона». Автор отмечает, что «влияние миграции якутов на протяжении нескольких столетий в Колымский край способствовало интеграции их хозяйственных и культурных практик с традициями местных аборигенных этносов (юкагиров, эвенов, чукчей), что привело к трансформации этнокультурного ландшафта региона».

Главным выводом статьи является то, что «исследования проведенные на северо-востоке Якутии в середине XX в. позволяют более отчетливо понять историю и культуру его жителей, а также выявить особенности их повседневной жизни, традиции и обычай». Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Болотова Е.Ю. Проблема периодизации российского кооперативного движения конца XIX – начала XX вв. в работах историков 2000-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72651 EDN: URMJMW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72651

Проблема периодизации российского кооперативного движения конца XIX – начала XX вв. в работах историков 2000-х гг.

Болотова Елена Юрьевна

ORCID: 0000-0001-6432-2373

доктор исторических наук

профессор; кафедра отечественной истории и историко-краеведческого образования; Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400005, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27, каб. 13-11

✉ eubolotova@yandex.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72651

EDN:

URMJMW

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2024

Дата публикации:

10-12-2024

Аннотация: На основе историографического анализа исследований 2000-х гг., посвященных истории разных аспектов российского кооперативного движения дореволюционного периода, рассматриваются подходы авторов к определению этапов в развитии движения и их ключевых характеристик. В 2000-е годы опубликовано более 500 работ разного уровня и в разных научных жанрах, раскрывающих как общероссийские тенденции, так и региональные особенности в развитии кооперации конца XIX – начала XX вв. Основываясь на достижениях отечественной историографии предшествующих периодов и накопленной широкой фактической основе, современные авторы расширяют проблемно-тематическое поле исследований на основе

модернизационного подхода и в дискурсе гражданского общества, вводя в научный оборот документальный материал преимущественно регионального характера. Общая периодизация российского кооперативного движения и её критерии предлагаются немногочисленными авторами обобщающих работ. На основе фронтального изучения современных публикаций определены авторские подходы к периодизации кооперации. Установлено, что в большинстве работ регионального характера или выполненных на примере истории одного вида кооперации проблемы периодизации не рассматриваются как научная задача, однако авторские подходы видны из структуры работ и объяснения факторов развития кооперации. На примере регионального документального материала авторы конкретизируют общероссийскую периодизацию, исходя из специфики социально-экономического и общественно-политического развития исследуемого региона. Современные авторы предлагают разные критерии периодизации и при анализе процесса кооперативного строительства на примере отдельных видов кооперации и деятельности кооперативных организаций, а также в рамках региональных исследований делают акценты на времени зарождения движения, на отправных точках количественного роста кооперативных организаций и укрепления их правовых и организационных основ.

Ключевые слова:

коопeração, российское кооперативное движение, периодизация, современная отечественная историография, региональные исследования, модернизационный подход, кредитная коопeração, потребительская коопéraция, первая российская революция, рабочая коопéraция

Более 100 лет исследователи анализируют феномен коопerationи конца XIX–начала XX в., определяя причины, этапы в развитии движения, комплекс факторов, действующих на характер и содержание кооперативного движения, выявляя механизмы функционирования кооперативов, обеспечивающие их быстрый количественный рост и качественные изменения. Наполнение научного пространства отечественной исторической науки на рубеже 1980-х–1990-х гг. обширным фактическим материалом позволило в последующие годы создавать работы обобщающего характера (если не в целом по истории российской коопerationи, то по истории её отдельных видов – кредитной, потребительской и пр.) на основе модернизационного подхода, а также применения характеристик гражданского общества при определении сущностных черт кооперативного движения. Однако, несмотря на значительное количество исследований, изучение кооперативного опыта начала XX в. и сегодня сохраняет научную значимость и имеет ясный практический смысл. Усилия исследователей направлены на изучение возможностей коопerationи в обеспечении устойчивого развития общества, в преодолении социально-экономических кризисов, в построении социально-солидарной экономики в исторической ретроспективе и современных условиях [7;8;10]. Кооперативная модель хозяйствования является привлекательной при прогнозировании экономики будущего.

Авторы, включившиеся в изучение проблем истории кооперативного движения в 2000-е годы, значительно расширили документальную основу, позволяющую через погружение в региональные специфические особенности осуществления кооперативами хозяйственной деятельности, их организационной структуры, вовлеченности в общественно-культурную жизнь выходить и на обобщающие характеристики

кооперативного движения в целом. В работах последних лет даются возможности на основе учета данных многочисленных источников раскрывать как общие закономерности в развитии кооперации, так и региональные специфические особенности осуществления кооперативной хозяйственной деятельности, организационной структуры кооперации и её вовлеченности в общественно-культурную жизнь. Представляется, что связать разнообразные данные по истории кооперативного движения, рассмотреть достижения исторической науки в изучении проблем истории кооперации возможно сквозь призму её институционального становления и определения этапов в её развитии. Именно на этом пути обнаруживаются ответы на вопрос о причинах феноменального количественного и качественного роста кооперации, за короткий отрезок времени прошёдшей путь от зарождения отдельных обществ да массового движения, играющего весомую роль в экономической, общественно-политической, культурной жизни страны.

В современной историографии сложилось практически непротиворечивое понимание этапов в развитии российского кооперативного движения, которое строится на учете сложившейся в отечественной историографии традиции. Исследователи отталкиваются от времени появления первых кооперативов 1860-х гг., прослеживают в первую очередь их количественный рост, отмечая, как важные вехи в развитии, институциональное становление отдельных видов кооперации и движения в целом: разработка и принятие кооперативного законодательства, кооперативные съезды, формирование кооперативных центров, создание кооперативных союзов. Как грань перехода от единичных обществ к массовому движению в большинстве работ указывается революция 1905–1907 гг., которая дала импульс развитию кооперативного движения «снизу».

Среди современных исследований есть не столь большое число работ обобщающего характера [2; 7; 9; 10; 11; 15], но именно в них предпринято осмысление кооперативного строительства в целом, что позволяет авторам сформулировать видение общих для движения этапов в развитии и дать их характеристики.

Так, в начале 2000-х гг. Л. Е. Файн, выделяя период от зарождения кооперации и начала её деятельности до 1904 г., отмечает наполнение деревни в этот период дешевым кредитом, который лишь указывал на возможные пути подъема крестьянского хозяйства, но существенной роли еще не играл [15, с.122]. В самой начальной стадии формирования находилась и потребительская кооперация, которая несмотря на неразвитость товарно-денежных отношений, большую зависимость от административного влияния и недостаточное развитие народной самодеятельности, уже демонстрировала «определенную положительную роль», влияя на повышение уровня жизни населения [15, с.142]. Выделяя следующий этап в развитии кооперации – от революции 1905 г. до революционных событий 1917 гг. – автор как характерную черту отмечает превращение кооперации в массовую организацию, подготовленное углублением товарных отношений и ростом экономической необходимости в ней [15, с.166]. По заключению автора, влияние на рост кооперативов в этот период оказали аграрные преобразования правительства, а также политическая обстановка и воздействие революционных процессов на рост сознательности и организованности трудящихся, что не могло не сказаться, в свою очередь, и на развитии кооперативного сплочения трудящихся [15, с.172–173]. Отмечая массовый характер кооперации на этом этапе, Л. Е. Файн пишет о ее всесословном составе и удовлетворении через участие в работе кооперативных организаций самых насущных нужд её членов [15, с.221].

В наиболее полном виде этапы в развитии кооперации и их качественные

характеристики представлены в обобщающей работе А. П. Корелина. Позиция автора отражена в самой структуре работы: 1860–1895 гг. – зарождение кооперативного движения в России (анализ поиска идеи, переход от теории к практике первых обществ, объяснение причин неудач и примеры первых успехов); 1895–1904 гг. – складывание предпосылок для нового подъема (формирование правовой базы, первые кооперативные съезды и союзы, оживление движения); 1905–1914 гг. – развертывание массового кооперативного движения (политизация кооперативов в период первой русской революции, всероссийские общекооперативные съезды 1908 г. и 1913 г., взаимодействие кооперации с земствами и властью, кооперативное строительство – от низовых ячеек до союзных ассоциаций регионального и всероссийского масштаба, проблема разработки общекооперативного законодательства); 1914–1917 гг. – кооперация в годы Первой мировой войны и революции (перестройка организационной структуры и хозяйственно-экономической деятельности, культурно-просветительская деятельность кооперации, кооперация между Февралем и Октябрем) [\[9\]](#). В этой периодизации нашли отражение и эволюция социально-экономических условий для развития кооперации, и количественные показатели роста кооперативных организаций, и качественные характеристики, свидетельствующие об институциональном становлении движения.

Схожий подход используют авторы при анализе истории отдельных видов кооперативных организаций, разделяя их по характеру деятельности (потребительская, кредитная, сельскохозяйственная и др.) или социальному составу участников движения (например, рабочая, крестьянская), либо при рассмотрении истории кооперации в целом на примере отдельных регионов.

Так, анализируя развитие рабочего кооперативного движения конца XIX – начала XX в., К. Е. Балдин предлагает периодизацию, выбрав в качестве основных критериев следующие: интенсивность кооперативного строительства, выражавшаяся в числе созданных потребительских обществ; массовость движения, т.е. число членов кооперативов и средний размер этих организаций; степень влияния рабочего движения на развитие кооперации, роль последней в пролетарском движении; соотношение числа потребительских обществ различных типов; участие в кооперативном движении основных профессиональных отрядов пролетариата; степень консолидации движения, проявившаяся в организации союзов потребительских обществ [\[1, с.21\]](#). Исходя из таких критериев, автор предлагает и этапы кооперативного движения: 1) 1860-е гг.–1905 г. (в основном зависимые кооперативы, всего 22 независимых общества; подавляющее большинство обществ в среде металлистов и железнодорожников; с конца 1890-х гг. постепенное вовлечение в движение текстильщиков, горняков, пищевиков); 2) 1905–1907 гг. (рост массовости рабочего движения заложил предпосылки для роста кооперации; движение за создание независимых кооперативов; эволюция самих обществ, их массовый характер); 3) 1907–1914 гг. (подъём в кооперативном движении в целом, рост независимых кооперативов, охват практически всех профессиональных отрядов пролетариата, создание первых союзов); 4) 1914–февраль 1917 г. (кооперативное рабочее движение стало важной частью рабочего движения в целом, вхождение рабочих кооперативов в состав региональных союзов) [\[1, с.22–23\]](#).

Интересный ракурс для характеристики межреволюционного периода в развитии кооперации на примере кредитной кооперации выбрал А. В. Соколовский [\[14\]](#). Автор рассматривает процесс развития кооперативного кредита, делая акцент на взаимоотношениях кооперативных и государственных структур в кооперативном строительстве (т. е., в качестве критерия периодизации кооперативного движения автор

выделяет специфику взаимоотношений власти и кооперации, в данной работе – кредитной – авт.). Автор развивает тезис о том, что именно государство способствовало стремительному росту кредитных кооперативов [14, с.37]. В начале XX в. автор отмечает мощный подъем в движении, связанный с началом борьбы кооперативных деятелей против государственной опеки. Автор анализирует американскую (формирование кооперации государством сверху ввиду неготовности общества к кооперативному строительству) и европейскую (массовое общественное движение) модели строительства кредитной кооперации и соотносит их с отечественной практикой. При этом автор приходит к выводу, что именно конкуренция между двумя этими несовместимыми моделями, каждая из которой имела и достоинства, и недостатки, и составляла основное содержание периода, на протяжении которого позиции государства по мере углубления кризиса самодержавия постоянно ослабевали [14, с.377, 379].

Традиционно исследователи как переломное время в развитии кооперации указывают 1905 г., говоря в целом о кооперации до революции и после неё [9, с.25]. А. П. Корелин отмечает объективные и субъективные факторы стремительного роста кооперации в послереволюционный период, не имевшего аналогов в международном кооперативном движении того времени. Акцент делается на общем улучшении экономической конъюнктуры – выход экономики страны из затяжного экономического кризиса и депрессии в связи с русско-японской войной и революционными потрясениями, ряд урожайных лет и рост цен на сельхозпродукцию, расширение ёмкости потребительского рынка, расширение и углубление товарно-денежных отношений [9, с.171–172]. Всё это способствовало повышению интереса населения к разным видам кооперативных организаций.

Отмечает исследователь и складывание более благоприятных правовых условий для развития кооперации: рядом законодательных актов был существенно модернизирован гражданский и прежде всего имущественно-правовой статус крестьянства – основного участника кооперативного движения, что оживляло хозяйственную и предпринимательскую жизнь деревни; совершенствование нормативной базы, регламентирующей деятельность кооперативов, введение новых нормальных уставов; оживление внимания к кооперации со стороны земств, которые пытались «сделать кооперацию орудием и средством проведения своих хозяйственных и культурных программ» [9, с.172–173]. И, безусловно, особую роль играл подъем общественной и гражданской активности, который «привел» в кооперативное движение представителей из «образованных» классов, вошедших в правления и советы кооперативов разного уровня и часто возглавлявших их. Автор отмечает при этом как партийные цели и личные «гуманитарные» установки, так и соображения материального порядка, в частности, возможность получить оплачиваемую должность [9, с.173].

На массовость движения и появление в деятельности кооперативов под влиянием революции новых направлений указывает и исследователь истории кооперации Пермского края Н. Л. Габриель. Автор на примере региона отмечает, что после революции не только стремительно развиваются все формы кооперативов и кооперативное движение становится массовым, но и идет активный процесс формирования и функционирования системы хозяйственного механизма в кооперации, кооперативы начинают активно проявлять себя в культурно-просветительской и общественно-политической жизни. На рынке резко обостряется конкуренция между кооперативами и частными хозяйственными предприятиями [6, с.58].

Изучая историю городской потребительской кооперации Сибири, Г. М. Запорожченко также пишет о влиянии первой российской революции, которое выразилось в заметной активизации в развитии городской и рабочей кооперации. Вместе с тем автором отмечается неравномерность в развитии кооперации и частое прекращение деятельности в первые послереволюционные годы, а с 1911 г. – устойчивое развитие вплоть до преобразований советской власти. Автор приводит точки зрения историков старшего поколения – В. Г. Тюкавкина, И. Г. Лашкова, которые послереволюционное время и вплоть до Первой мировой войны выделяли в отдельный период, а также Б. В. Иванова, продлевшего этот период до Февральской революции [7, с.96–97]. Вместе с тем, есть немало работ, в которых авторы, указывая на рубежность 1905–1907 гг. в развитии кооперации вообще и в отдельных исследуемых регионах, в частности, не рассматривают, в чем же конкретно проявилось влияние обстановки революционных лет на процессы кооперирования населения.

Свой критерий периодизации развития кредитной кооперации на примере Рязанской губернии предложила в диссертационном исследовании Ю. Б. Будкина. Автор говорит об историко-нормативном критерии, который включает анализ социально-экономических условий развития кредитной кооперации и кооперативного законодательства: 1) 1870–1906 гг.; 2) 1906–1914 гг.; 3) 1914–февраль 1917 г.; 4) февраль–октябрь 1917 г. [4, с.11]. Важнейшим событием, которое предопределило быстрый количественный рост кооперативного кредита в губернии, автор считает столыпинскую аграрную реформу и показывает, что в ходе её реализации кредитная кооперация становится важным фактором развития как аграрного сектора, так и в целом социокультурной жизни Рязанской губернии. На этой основе происходило укрепление позиций кредитной кооперации в регионе в годы Первой мировой войны, которую автор выделяет в отдельный период [4, с.15].

Рассмотрение в отдельных публикациях особенностей кооперативного движения в условиях Первой мировой войны (его хозяйственной деятельности, вовлеченности в снабжение населения и армии, союзное строительство, включение в политическую борьбу пр.) – в целом распространенная тема в современных исследованиях, о чём на примере сибирской кооперации пишет, например, В. М. Рынков [13]. Это позволяет сделать вывод о выделении авторами периода военного времени как отдельного периода в развитии кооперативного движения.

Что касается в целом исследований истории кооперации отдельных регионов, то для авторов таких работ характерно стремление этапы кооперативного движения рассмотреть в конкретно-исторических условиях развития анализируемого региона, подчеркивая их специфику [3]. Так, Н. И. Бурнашева, исследуя процессы развития кооперации в Якутии, отмечает достаточно позднее зарождение кооперативов в регионе и показывает, что несмотря на целенаправленные усилия губернской власти, в 1870-е годы низкий в целом уровень экономического развития региона, бедность населения, отсутствие грамотных организаторов кредитного дела являлись сдерживающими факторами развития кооперации. Первое ссудо-сберегательное товарищество было создано в Якутской области в 1877 г., потребительское общество – в 1897 г. [5, с.133] Объясняя это, автор обращает внимание на особенности местного хозяйства: развитие кооперации тормозилось особенностями якутского скотоводческого хозяйства, при котором «немного имеется населенных пунктов, деревень и сел, где бы население скучивалось в сотни домов или хозяйств; чаще всего в деревнях с русским населением насчитывается десяток-два дома; в местах с инородческим населением – 1-3 юрты. Населенные пункты

расположены один от другого на десятки верст, хозяйства, занимающиеся посевами, иногда и того дальше» [\[5, с.143\]](#). Следующий этап в развитии кооперации в Якутии автор связывает уже с 1914 годом, отмечая складывание к этому времени более благоприятных условий для развития кооперативов, в том числе и постепенное осознание населением необходимости объединения усилий в решении хозяйственных задач, а в связи с вступлением России в Первую мировую войну на ускорение процесса создания кооперативов в регионе повлияли хозяйственные трудности – ограничение ввоза и вывоза товаров из области, рост цен [\[5, с.146\]](#). Автор, таким образом, делает акценты на изменение экономических факторов, включая условия военного времени, и развитие в целом кооперативного сознания населения.

С особенностями развития крупнейшего региона – Восточной Сибири (Иркутская, Енисейская губ., Забайкальская обл.) связывает периодизацию развития кооперации и С. Ю. Попов [\[12\]](#). Автор исходит из того, что в этом регионе более медленно, чем, например, в Западной Сибири, развивались процессы социально-экономического развития и объясняет это особенностями его естественно-географических условий – огромными лесными пространствами, гористой местностью, а также большей удаленностью от центра страны и центров кооперативного движения, недостаточной разветвленностью дорог и малой заселенностью территорий. Именно эти факторы обусловили, например, специфику развития потребительской кооперации в регионе и особый подход автора к её периодизации. Автор не фиксирует внимания на влиянии революции 1905 г. Первый период в развитии кооперации он продолжает до 1890-х гг., указывая на появление в эти годы первых неустойчивых кооперативных формирований. Следующий период – с конца 1890-х гг. по 1913 гг. – связан с завершением строительства Транссибирской железной дороги, создавшей условия экономического развития края, что стало основой устойчивого развития потребительской кооперации. Характеристикой третьего периода – с 1913 г. по октябрь 1917 г. стал резкий рост потребительской кооперации и превращение её в массовое явление [\[12, с.34–36\]](#). Не выделяя в отдельный период, но отмечая влияние на развитие кооперации в регионе Первой мировой войны, автор приводит данные, что в Восточном Забайкалье потребкооперация в военные годы обслуживала 88% населения [\[12, с.51\]](#).

Время и степень вовлеченности населения в кооперацию авторы выводят исходя из неоднородности социально-экономического развития в пределах отдельных российских регионов. Так, напр., Е. Л. Фурман при анализе кооперативного движения в немецких колониях Поволжья, отмечает, что «более высокий материальный и агрокультурный уровень немецких хозяйств и, как следствие, повышенные требования к организации кооперативных объединений – с одной стороны, не изжитая с годами обособленность, с другой, объясняли сравнительно слабое развитие кооперации в регионе проживания немцев Поволжья до 1917 года», позднее создание кооперативов – с 1906 года, особый характер влияния на развитие кооперации в регионе с немецким населением Первой мировой войны [\[16, с.308–309\]](#).

Таким образом, хотя современные авторы в целом не ставят перед собой задачи специального рассмотрения периодизации развития кооперативного движения, однако при анализе процесса кооперативного строительства на примере отдельных видов кооперации и деятельности кооперативных организаций, а также в рамках региональных исследований делают акценты на времени зарождения движения, на отправных точках количественного роста кооперативных организаций и укрепления их правовых и организационных основ. Принимая в целом сложившееся в историографии

представление об этапах в развитии российского кооперативного движения, авторы при анализе регионального опыта кооперативного строительства корректируют и детализируют периодизацию исходя из влияния региональных особенностей социально-экономических трансформаций и реализации реформ, характера взаимоотношений с органами власти в условиях мирного и военного времени. Первая российская революция признается тем рубежом, который разделяет кооперацию на движение «сверху» и движение «снизу». Однако в силу разнообразия региональных социально-экономических условий и сложившейся специфики кооперативного строительства, единых критериев, а следовательно, единой периодизации и хронологии этапов развития дореволюционной кооперации в отечественной исторической науке пока не сложилось. Осмысление исторического пути российской кооперации продолжается, а многообразие форм кооперативных организаций в России конца XIX-начала XX в. и их многомиллионный состав, разноплановая деятельность и влияние на социально-экономическую и общественно-политическую жизнь страны, культурная миссия кооперации создают основу широкого проблемно-тематического поля будущих исследований и обобщающих построений.

Библиография

1. Балдин К.Е. Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX в.: монография. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. – 312 с.
2. Болотова Е.Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в.: монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 330 с.
3. Болотова Е.Ю. Современная отечественная историография российского кооперативного движения конца XIX – начала XX веков: региональные аспекты исследований // Научный диалог. 2019. № 10. С. 365–379.
4. Будкина Ю.Б. Кредитная кооперация в Рязанской губернии : 1870–октябрь 1917 г. : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Будкина Юлия Борисовна; – М., 2010. – 23 с.
5. Бурнашева Н.И. Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870-1980-е годы). М.: Изд-во МБА, 2011. – 368 с.
6. Габриель Н.Л. Потребительская кооперация в Пермской губернии : вторая половина XIX в. – 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Габриель Наталья Леонидовна. – Пермь, 2010. – 242 с.
7. Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. – Новосибирск: Сибпринт, 2015. – 540 с
8. Запорожченко Г.М. Кооперация в условиях российской модернизации начала XX в.: новые исследовательские подходы // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – Т.28.- № 2. – С.56–62.
9. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860-1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – 391 с.
10. Лубков А.В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907-1917 гг.). – М.: МПГУ, 2019. – 272 с.
11. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. – 280 с.
12. Попов С.Ю. Становление и развитие кооперативного движения России в условиях социально-экономических реформ конца XIX - начала XX века : На примере восточных губерний : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. / Попов Сергей Юрьевич. – Москва, 2001. – 199 с.
13. Рынков В.М. Сибирская кооперация в годы Первой мировой войны: проблемы и итоги

- изучения // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории: сб. науч. тр. Вып.7. – Новосибирск, Сибпринт, 2013. С.27-52.
14. Соколовский А.В. Кооперативный кредит в России в конце XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Соколовский Александр Владимирович. – Иваново, 2007. – 402 с.
15. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861 – 1930. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. – 600 с.
16. Фурман Е.Л. Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1906 – начало 1930-х годов): монография. 2-е изд., доп. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – 320 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

К феномену кооперации в разное время обращались философы, экономисты, социологи, историки, пристальное внимание на кооперативное движение было со стороны государственных деятелей, вспомним, например, работу В.И. Ленина "О кооперации". В то же время проблема кооперации зачастую оказывалась конъюнктурной, зависимой от того или иного вектора политической и экономической жизни. В этой связи вызывает важность переосмысление различных аспектов изучения истории кооперативного движения в СССР.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является периодизация российского кооперативного движения конца XIX – начала XX вв. в работах историков 2000-х гг. Автор ставит своими задачами показать особенности предлагаемой историками периодизации, а также определить выделяемые основные рубежи.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать проблему периодизации российского кооперативного движения конца XIX – начала XX вв. в работах историков 2000-х гг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 16 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором работ укажем на труды К.Е. Балдина, Ю.Е. Болотовой, Г.М. Запорожченко, В.М. Рынкова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории кооперативного движения в конце XIX – начале XX вв. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей кооперативного движения, в целом, так и ее изучением, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "несмотря на значительное количество исследований, изучение кооперативного опыта начала XX в. и сегодня сохраняет научную значимость и имеет ясный практический смысл". В работе показано, что "хотя современные авторы в целом не ставят перед собой задачи специального рассмотрения периодизации развития кооперативного движения, однако при анализе процесса кооперативного строительства на примере отдельных видов кооперации и деятельности кооперативных организаций, а также в рамках региональных исследований делают акценты на времени зарождения движения, на отправных точках количественного роста кооперативных организаций и укрепления их правовых и организационных основ". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, революция 1905 года "признается тем рубежом, который разделяет кооперацию на движение «сверху» и движение «снизу».

Главным выводом статьи является то, что

"многообразие форм кооперативных организаций в России конца XIX–начала XX в. и их многомиллионный состав, разноплановая деятельность и влияние на социально-экономическую и общественно-политическую жизнь страны, культурная миссия кооперации создают основу широкого проблемно-тематического поля будущих исследований и обобщающих построений".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Осипов Е.А. Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72666 EDN: UXSECJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72666

Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции

Осипов Евгений Александрович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН

119334, Россия, г. Москва, ул. Ленинский Проспект 32а, 26

✉ eaossipov@gmail.com

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72666

EDN:

UXSECJ

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Дата публикации:

12-12-2024

Аннотация: В статье рассматриваются истоки зарождения во Франции кризиса национальной и религиозной идентичности, вызванного постепенным распространением ислама в стране и религиозной радикализации молодежи. Среди прочего, автор рассматривает социально-экономические факторы, которые способствовали изменению структуры французской экономики в 1970-е гг., окончанию так называемого «славного тридцатилетия», росту безработицы среди молодежи, что в итоге привело к тому, что созданные в годы послевоенного экономического роста «зоны приоритетной урбанизации» в пригородах крупных городов превратились в «зоны чувствительной урбанизации» с преобладающим мигрантским населением. Внимание удалено и резкому росту цен на нефть в 1970-е гг., что с одной стороны изменило к худшему состояние экономики европейских стран, а, с другой стороны, принесло дополнительные доходы

нефть добывающим странам и позволило Саудовской Аравии вкладывать средства в мусульманские общины Европы, прежде всего Франции. Статья основана на современной французской историографии и документах из архива МИД Франции, позволяющих проследить генезис формирования кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции. Автор приходит к выводу, что основные события произошли в 1989 г. Прежде всего, речь идет о фетве аятоллы Хомейни с призывом к убийству британского писателя индийского происхождения Салмана Рушди. До этого момента считалось, что издаваемые в разных частях исламского мира фетвы распространяются только на ту территорию, на которую распространяется духовная власть ее автора. В данном случае речь шла о территории Ирана. Однако, аятолла Хомейни придал своей фетве всеобщий характер. Европа была названа территорией, где распространяется ислам, а мусульмане в ней перестали быть мигрантами и, соответственно, по логике аятоллы, получили полное право требовать распространения норм шариата на европейскую территорию. А последовавший за этим скандал с ношением религиозной одежды в колледже города Крей в сентябре-октябре 1989 г. вызвал во Франции широкую дискуссию о распространении ислама в стране и впервые поставил этот вопрос в центр политической повестки, став, таким образом, отправной точкой к формированию полноценного кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции.

Ключевые слова:

Франция, Идентичность, Ислам, Аятолла Хомейни, Пятая республика, Школа, Религия, Крей, Мусульманский платок, Кризис

Всё началось в 1989 г. Многие французские ученые, среди них, например, знаменитый арабист Жиль Кепель [1, 2] или не менее известный философ Ален Финкелькраут [3], при описании разрастающегося кризиса религиозной и национальной идентичности, проявляющегося в постепенном распространении ислама в стране и радикализации молодежи, истоки этого кризиса, не только во Франции, но и в целом в Европе, видят именно в событиях 1989 г. Год был богат на события глобального характера. Вывод советских войск из Афганистана, падение Берлинской стены – 1989 год стал одним из самых важных в послевоенной истории мира. Во Франции тогда отмечали еще и двухсотлетний юбилей Французской революции. Каковы основания считать, что именно 35 лет назад во Франции начался тот кризис, про который постоянно говорят и внутри Пятой республики, и за ее пределами.

Существует множество объективных предпосылок, которые превратили вопрос о трудовых мигрантах во Франции в проблему распространения ислама, часто в его радикальных формах, ставшую заметной для французов в конце 1980-х гг. Во-первых, постепенно менялся международный контекст. В 1973 г. в результате новой арабо-израильской войны случился первый, так называемый, «нефтяной шок» [4]. Цены на нефть выросли примерно в четыре раза. Всего за 1970-е гг. они выросли примерно в 10 раз. Для европейских стран, зависимых от поставок «черного золота», эти события имели драматические последствия для экономики. Высокая инфляция, девальвация национальных валют, рост безработицы и снижение покупательной способности населения – все это надолго стало главной составляющей жизни европейцев, а период быстрого восстановления после Второй мировой войны сменился чередой кризисов. Что же касается стран-поставщиков нефти, то для них новая ситуация, наоборот, означала

расширение из возможностей. Некоторые арабские страны, прежде всего Саудовская Аравия, получили, таким образом, возможность финансировать развитие ислама в Европе, что в среднесрочной перспективе коренным образом изменило жизнь мусульманских общин в европейских странах.

В 1977 г. в Париже начала свою работу Мировая исламская лига, которая в будущем будет контролировать значительную часть мест исламского культа во Франции. В 1980 г. в Брюсселе открылся региональный европейский совет Высшего совета мечетей, а в 1982 г. там же возник Исламский институт подготовки проповедников и имамов в Европе.

Существенным образом на мусульманскую диаспору Франции повлияла и Исламская революция в Иране 1978-1979 гг. Несмотря на то, что в отличие от шиитского Ирана, большинство проживавших в Европе мусульман были суннитами, события в Иране придали импульс развитию ислама во всем мире, продемонстрировав, что борьба с западным миром может быть успешной.

События в Иране повлияли и на восприятие ислама во Франции. До Иранской революции выходцы из стран Магриба и Черной Африки рассматривались в Пятой республике, и в Европе в целом, как трудовые мигранты, даже несмотря на то, что многие из них к тому времени уже перевезли во Францию свои семьи, и на улицах французских городов уже стали появляться женщины в традиционных мусульманских одеждах. Архивные документы показывают, что открытие в 1977 г. в Париже при активном участии Саудовской Аравии офиса Всемирной исламской лиги рассматривалось Парижем как часть двусторонних отношений с Эр-Риядом, вопрос же влияния религиозных мусульманских организаций, финансируемых Саудовской Аравией, на мусульманскую диаспору во Франции не принимался во внимание [\[5, 6\]](#).

Исламская революция изменила ситуацию. В сентябре 1978 г. Департамент Северной Африки и Леванта МИД Франции разослал циркуляр во французские посольства в разные страны с заданием подготовить аналитические записки о роли ислама в них [\[7\]](#). В миграционном вопросе, таким образом, стал постепенно возникать религиозный аспект.

Арабо-израильская война 1973 г. и «нефтяной шок» имели последствия, естественно, не только для арабских стран, где увеличились доходы, но и для европейских, где значительно возросла стоимость жизни. Во Франции это стало одной из причин превращения миграционного вопроса, сначала, в миграционную проблему, а за ней последовала и дискуссия о кризисе религиозной идентичности.

Период послевоенного ускоренного экономического роста вошел во французскую историю как «славное тридцатилетие» и продлился, соответственно, примерно до середины 1970-х гг. В это время естественный прирост населения (послевоенный «бэби-бум») успешно сочетался с привлечением в страну большого количества мигрантов. Рост экономики требовал «свободных рук». За 1945-1962 гг. численность населения Франции выросла на 6 млн человек. С 1957 г. была начата реализация программы по созданию «зон приоритетной урбанизации» - новых кварталов в пригородах крупных городов, в основном это были многоэтажные панельные дома. В эти районы переселялись как молодые коренные французы, так и трудовые мигранты. Всего было создано 197 таких зон.

В период бурного экономического роста зоны приоритетной урбанизации успешно справлялись со своей задачей. Однако, нарастание экономических проблем после окончания «славного тридцатилетия», особенно обострившееся после скачка цен на

нефть и заметного роста безработицы, привело к тому, что кризис больше всего ударили именно по жителям этих новых кварталов. Правительство сократило социальные программы. Начался отток представителей среднего класса из пригородов, где, соответственно, заметно вырос процент мигрантов и резко увеличился уровень безработицы – до 30% среди молодежи [8, p.24]. В итоге, пригороды крупных городов стали превращаться в мигрантские «гетто» с уровнем жизни, сильно отличавшемся от того, что был у коренной части населения. Начался закономерный рост социальной напряженности. Первые столкновения с полицией в этих районах прошли уже в 1971 г. А в 1979 г. состоялись массовые погромы в пригороде Лион, в 1980-е гг. они уже воспринимались как часть повседневной реальности во многих городах Франции. «Зоны приоритетной урбанизации» в итоге стали «зонами чувствительной урбанизации», а новые кварталы превратились в «трудные пригороды».

Важно, что ухудшение экономической ситуации во Франции не привело, как думали многие французы, к оттоку мигрантов в свои родные края, поскольку странам Магриба и Черной Африки, освободившимся от колониальной зависимости, к тому времени так и не удалось выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Франция с ее экономическим кризисом и растущей безработицей все равно выглядела лучшим вариантом для людей, приехавших в Пятую республику на заработки. Трудовые мигранты постепенно становились гражданами Франции и перевозили свои семьи. Существует мнение, что изданный в 1976 г. так называемый «декрет о воссоединении семей» [9] стал как раз точкой отсчета к резкому увеличению количества мигрантов в стране. На самом же деле, в этом декрете была прописана практически та же процедура получения разрешения на перевоз семьи во Францию, которая существовала до 1974 г. [10]. В целом же, в 1970-е гг. начался постепенный процесс переезда мигрантов из мусульманских стран во Францию уже на постоянное место жительства, вместе с женами и детьми. А издаваемые правительством законы и декреты в основном фиксировали уже сложившуюся практику. Отсутствие четкой государственной политики по этно-конфессиональному вопросу стало еще одной причиной нарастания кризиса.

На протяжении долгого времени власть самоустранилась от вмешательства в происходившие процессы. Ярким примером стал «марш за равенство и против расизма» 1983 г., когда группа молодых арабов пешком прошла из Марселя в Париж. В начале пути их было всего 17 человек, а по Елисейским полям во французской столице спустя полтора месяца прошло уже около 100 тысяч человек. Марш стал ответом арабской молодежи на рост преступлений против мигрантов, фиксировавшийся тогда в разных частях страны. Фактически марш прошел под лозунгом равенства в правах коренных французов и представителей второго поколения мигрантов. Религиозной составляющей в нем не было.

Сама идея марша возникла в связи с 20-летием знаменитого «марша на Вашингтон за рабочие места и свободу» Мартина Лютера Кинга в 1963 г., где он произнес свою речь «У меня есть мечта...». Для арабской молодежи это шествие в Париж стало настоящим актом самоидентификации, именно тогда они впервые заявили о себе на общенациональном уровне. Для коренной же Франции эти широко освещавшиеся в прессе события стали также поворотным моментом: французы впервые осознали, что речь идет не о трудовых мигрантах, приехавших во Францию на заработки, а о большом количестве их соотечественников, то есть граждан Пятой республики, не собиравшихся никуда уезжать и связывавших свое будущее с Францией.

Несмотря на то, что организаторы марша были приняты в президентском дворце Франсуа

Миттераном, конкретных шагов по упрощению интеграции растущего второго поколения со стороны власти так и не последовало. При непосредственном участии правившей тогда во Франции Социалистической партии была создана существующая и сегодня организация «SOS Расизм». Предполагалось, что именно через нее будет выстраиваться государственная политика в пригородах. Однако, со временем стало ясно, что масштаб ее деятельности был незначительным. В итоге, между мигрантскими организациями и властью в «трудных районах» образовался вакуум, который активно заполнялся радикальными религиозными группировками, действовавшими в основном за счет иностранного финансирования. Со временем появился термин «реисламизация» второго поколения, означавший, что дети приехавших во Францию мигрантов, оказались, во-первых, хуже интегрированы во французское общество, чем их родители (хотя в отличие от родителей многие из них родились во Франции, закончили французские школы и родной язык у большинства из них был французский), а во-вторых, они оказались в большей степени религиозны, чем их родители. Зародилась проблема растущей радикализации арабской и африканской молодежи во Франции.

Все перечисленные выше факторы сформировали французский кризис национальной и религиозной идентичности. Однако, по-настоящему он начался в 1989 г., а отправной точкой к нему послужили два события, одно из них носило международный характер, другое же имело значение именно для Франции.

В феврале 1989 г. высший руководитель Ирана аятолла Хомейни выпустил фетву, в которой фактически призвал к убийству проживавшего в Великобритании писателя Салмана Рушди, автора романа «Сатанинские стихи», который многими воспринимался как богохульство. О значимости фетвы, в том числе, говорит тот факт, что покушение на Салмана Рушди в итоге состоялось в США в 2022 г. Преступником оказался 24-летний выходец из Ливана, то есть он еще даже не родился в тот момент, когда появилась фетва аятоллы. Ее значение, прежде всего, в том, что до этого момента считалось, что издаваемые в разных частях исламского мира фетвы распространяются только на ту территорию, на которую распространяется духовная власть ее автора. В данном случае речь шла о территории Ирана. Однако, аятолла Хомейни придал своей фетве всеобщий характер. Как верно отмечает Жиль Кепель, «приговорив к смерти гражданина Великобритании на территории Великобритании, фетва включила Великобританию в территорию, где действует мусульманский религиозный закон» [\[11, p.15\]](#). Таким образом, Европа была названа территорией, где распространяется ислам, а мусульмане в ней перестали быть мигрантами и, соответственно, по логике аятоллы, получили полное право требовать распространения норм шариата на европейскую территорию. Жиль Кепель, продолжая свою мысль, отмечает, что фетва Хомейни отсыпала ко временам Пророка. Покинув Мекку, Мухаммед и его сподвижники сначала чувствовали свою слабость в Медине, однако со временем стали ее контролировать [\[11, p.14\]](#).

Во Франции, где уже тогда была самая большая в Европе мусульманская община, после фетвы аятоллы организация «Братья-мусульмане» (запрещена в России) придали ей суннитское значение: близкий к ним «Союз исламских организаций во Франции» был переименован в «Союз исламских организаций Франции». Все это должно было свидетельствовать, что несколько волн миграции и демографические показатели среди французских мусульман достигли уже той черты, при которой можно говорить не о мусульманах во Франции, а о французских мусульманах и, соответственно, французском исламе.

Второе событие, непосредственно связанное с первым, произошло в сентябре 1989 г.

Три ученицы колледжа в городе Крей, пригород Парижа, были исключены из учебного заведения после того, как отказались снять мусульманский платок (хиджаб) во время занятий, о чем стало известно широкой публике после публикации статьи 4 октября 1989 г. в газете «Либерасьон». Директор колледжа по этому поводу сказал: «Мы не позволим заразить себя религиозной проблематикой» [\[3, p.25\]](#). Очень быстро этот вопрос стал самым обсуждаемым во Франции. Исламская тематика впервые оказалась в центре общественно-политической дискуссии и сразу же расколола французское общество.

Первыми высказались представители официально существующих во Франции культов, поддержав исключенных учениц. Архиепископ Парижа заявил: «Не надо вести войну с подростками-бёрами (бёрами во Франции называют арабскую молодежь – Е.О.). Остановить огонь!» [\[3, p.25\]](#). Лидер французских протестантов сказал: «Наша дремлющая Франция просыпается, чтобы снова начать войну с религией. Старая история, которая должна кое-что напомнить людям» [\[3, p.25\]](#). Раввин Франции отметил, что попытка заставить учеников отказаться от их религиозных убеждений представляет собой посягательства на религиозную свободу [\[3, p.25\]](#). Стоит отметить, что в 1989 г., как и сегодня, во Франции официально существовало только три религиозных культа – католический, протестантский и иудейский. Связано это с тем, что в 1905 г., в момент отделения Церкви от государства, на территории Франции в основном были распространены только три религии. Ислам, представленный тогда в основном в колониях, в это число не попал. С тех пор религиозное законодательство не менялось. В итоге, сегодня во Франции, несмотря на то, что ислам является второй по численности верующих и самой практикуемой (по числу регулярно посещающих места культа верующих) религией, ислам по-прежнему не представлен на официальном уровне, что сильно затрудняет выстраивание отношений между государственной властью и многочисленными мусульманскими организациями.

Скандал продолжал разгораться и быстро вышел на политический уровень. 23 октября 1989 г. высказалась жена Президента республики Даниэль Миттеран: «Если сегодня, двести лет спустя после Революции, светскость во Франции не способна вместить в себя все религии, все способы выражения, то это регресс... Платок – это форма выражения религии, мы должны принять традиции такими, какие они есть» [\[12, p.21\]](#). Далее настала очередь и министра национального просвещения Лионеля Жосспена: «Прежде всего, руководители учебных заведений должны начать диалог с родителями и учениками, чтобы попытаться убедить их отказаться от манифестации (религиозных символов – Е.О.) и объяснить им принципы светскости... Если, после этих дискуссий, семьи по-прежнему не отказываются от религиозных символов, ребенок, чье обучение является приоритетом, должен быть принят в школе, то есть в классах и коридорах во время перемен. Французская школа создана для того, чтобы обучать и интегрировать, а не для того, чтобы исключать» [\[12, p.22\]](#).

Противоречивое высказывание Жосспена еще больше осложнило ситуацию. Французские интеллектуалы Ален Финкелькраут, Элизабет Бадинтер, Режис Дебре, Элизабет де Фонтеней и Катрин Кинцлер опубликовали в знаменитом «Нувель Обсерватёр» 2 ноября 1989 г. коллективную статью под названием «Преподаватели: не капитулируем» [\[13\]](#). В ней был прямой ответ Жосспену: «Вы говорите, Господин Министр, что запрещено исключать. Хотя мы и тронуты Вашей добротой, мы Вам отвечаем, что разрешено запрещать... Вести переговоры, как Вы делаете, заранее объявляя, что в итоге уступите, значит – капитулировать... Необходимо, чтобы ученики забывали то сообщество, откуда они родом, и думали о других вещах... Право быть другим, которое так дорогое для вас,

является свободой только в том случае, если оно сопровождается правом отличаться от своего отличия. В противном случае это ловушка, даже рабство» [\[13, р.4\]](#).

В том же «Нувель Обсерватор» уже мусульманские интеллектуалы выступали с противоположной стороны и призывали к умеренности в оценках и высказываниях, предупреждали об опасности радикализации общественного сознания [\[12, р.25-26\]](#). Уже тогда, в 1989 г., они писали о том, что будет исключительно актуально для сегодняшней Франции. Попытка регулирования со стороны государства, особенно на законодательном уровне, религиозных вопросов воспринимается мусульманским сообществом как действия, направленные против них, а это, в свою очередь, ведет к тому, что умеренные мусульмане, которых большинство, подпадает под все большее влияние радикальных исламистских течений. Так будет не только с вопросом о религиозной одежде в школах, но и, например, с проблемой карикатур на Пророка.

Министерство национального просвещения в итоге обратилось за разъяснениями в Государственный совет Франции, который, с одной стороны, отказался считать, что религиозные символы противоречат светскости, а с другой стороны, выступил против прозелитизма и пропаганды религиозных взглядов, которые мешают учебному процессу. Далее, государственный советник Давид Кесслер к прозелитизму и пропаганде добавит еще такие термины, как «демонстративный» и «провокативный» [\[3, р.29\]](#). Так начнется долгий путь Франции к законодательному запрету религиозной одежды в государственной школе. Через 15 лет, в 2004 г., будет принят закон, в котором прописано: «В государственных школах, колледжах и лицеях запрещено ношение символов или одежды, нарочито указывающих на религиозную принадлежность. Меры дисциплинарного характера могут быть применены только после диалога с учеником» [\[14\]](#). Слабость и закона 2004 г., и решений государственных органов и комиссий в 1989 г., прежде всего, заключалась в том, что такие термины, как «нарочитость», «демонстративность» или «провокативность» носят оценочный характер, следовательно, ответственность за принятие решений в конкретных случаях была переложена на администрации и персонал учебных заведений, которые и стали главной жертвой кризиса национальной и религиозной идентичности во Франции.

В целом, у дела о мусульманском платке в колледже г. Крей было множество истоков. Осложнившаяся социально-экономическая ситуация во Франции сильнее всего ударила именно по незащищенным слоям населения, прежде всего по бывшим мигрантам. Растущая безработица, снижение уровня жизни порождали напряженность в отношениях между властью и мигрантским сообществом. Нежелание французских властей заниматься этой проблематикой, даже после широко освещавшегося в СМИ пешего марша мигрантов на Париж в 1983 г., только усугубило ситуацию. Радикальные исламистские группировки, финансировавшиеся из зарубежных стран, воспользовались тем «вакуумом», который образовался в пригородах крупных городов, и усилили свое влияние на мусульманскую общину Франции. Произошла так называемая «реисламизация» второго поколения.

Были и чисто объективные причины. К 1989 г. в старших классах французских школ (колледжи, лицеи) стало учиться большое количество тех самых мигрантов второго поколения, то есть детей тех мигрантов, которые в 1960—1970-е гг. приехали во Францию на заработки. Ставшие взрослыми дети и их «укоренившиеся» в Пятой республике родители попытались привнести в учебные заведения традиционные для себя нормы и обычай.

Фетва аятоллы Хомейни против проживавшего в Великобритании Салмана Рушди

придала этому движению глобальный характер, включив европейских мусульман в общеисламские процессы. Скандал с ношением религиозной одежды в колледже города Крей в сентябре-октябре 1989 г. стал, таким образом, отправной точкой к формированию полноценного кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции.

Библиография

1. Kepel G. *La Revanche de Dieu: Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde*. Paris, Seuil. 1991. 288 p.
2. Kepel G. *La laïcité contre la fracture*. Paris, Privat. 2017. 105 p.
3. Finkelkraut A. *L'identité malheureuse*. Paris, Folio. 2013. 218 p.
4. Глазов А. А. Внутренняя оценка СЭВ состояния мирового рынка черного золота накануне первого нефтяного шока 1973—1974 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Выпуск 12 (122). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840024084-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840024084-1
5. Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord — Levant — Généralités — Proche-Orient. 1973—1979. 375QO/376. Direction des affaires politiques. Afrique du Nord et Levant. Note. 5 janvier 1977.
6. Осипов Е. А. Открытие офиса Всемирной исламской лиги в Париже в 1977 г. По документам архива МИД Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028700-9
7. Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord — Levant — Généralités — Proche-Orient. 1973-1979. 375QO/380. Note de R. Richard. Traditionnalisme et modernisme en Arabie Saoudite. 17 octobre 1978.
8. Augustin M. *La vraie histoire de la marche des beurs*. Lyon, 2013.
9. Осипов Е.А. Французский декрет о воссоединении семей 1976 г. в контексте миграционного вопроса // Genesis: исторические исследования. 2023. № 11. С.1-9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68982 EDN: CKAJPM URL: https://e-notabene.ru/hr/article_68982.html
10. Cohen M. Contradictions et exclusions dans la politique de regroupement familial en France (1945-1984) // Annales de démographie historique. № 128. 2014/2. P. 187-213.
11. Bergeaud-Blackler F. *Le Frériste et ses réseaux, l'enquête*. Préface de Gilles Kepel. Paris, Odile Jacob. 2023.
12. Gaspard F., Khosrokhavar F. *Le foulard et la République*. Paris, 2006.
13. Badinter E., Debray R., Finkelkraut A., Fontanay de E., Kintzler C. *Foulard islamique: «Profs, ne capitulons pas!»* // Le Nouvel Observateur. 2 Novembre 1989. P. 4-6.
14. Осипов Е.А. «Пока все хорошо. Но главное приземление». 15 лет закону о запрете ношения религиозной одежды во французской школе // Политика и Общество. 2019. № 3. С.1-7. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.3.29533 URL: https://e-notabene.ru/psmag/article_29533.html

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст "Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции" представляет собой высказывание на актуальную тему кризиса европейской идентичности, автор предпринимает исторический

экскурс во Францию конца 1980-ых гг., чтобы увидеть там отправную точку формирующегося "полноценного кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции". Несмотря на то что основная часть текста посвящена одному инциденту - делу о мусульманском платке в колледже г. Крей - автор доказывает, что это не отдельный инцидент, а маркер глубоких социально-культурных процессов, продолжавшихся десятилетиями. Первая часть статьи как раз постепенно подводит читателя к ситуации 1989 г., обрисовывая фундаментальные - по мнению автора - предпосылки меняющейся социально-религиозной ситуации в Пятой республике: энергетический кризис начала 1970-ых гг., исламская революция в Иране, послевоенная миграционная политика французских властей, издержки "приоритетной урбанизации", реисламизация в среде мигрантской молодёжи и неоднозначные процессы ее самоидентификации и др. Все эти факторы по мнению автора к концу 1980-ых гг. уже прочно укоренились во французской действительности, а их переплетение стало приводить к столь резонансным общественно-политическим событиям как рассматриваемый во второй части статьи инцидент с мусульманским платком в колледже г. Крей, вызвавший широкую дискуссию как в интеллектуальных, так и в околоправительственных кругах, религиозных организациях и т.д. Автор связывает данный инцидент с получившей всеобщий характер фетвой аятоллы Хомейни 1989 г., обозначившей по мнению авторам процесс исламизации Европы. (Реакцию французских властей на подобные инциденты (законы о религиозной символике в учебных заведениях 2004 г.) автор считает запоздалым и малодейственным ("такие термины, как «нарочитость», «демонстративность» или «provocation» носят оценочный характер, следовательно, ответственность за принятие решений в конкретных случаях была переложена на администрации и персонал учебных заведений, которые и стали главной жертвой кризиса национальной и религиозной идентичности во Франции"). При том что текст лишен некоторых традиционных элементов научной статьи (описание методологии, обзор литературы, указание на степень изученности проблемы или на наличие альтернативных точек зрения), сама по себе статья "Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции" является компетентным высказыванием на злободневную тему, а отсутствие вышеупомянутых элементов имеет свою положительную сторону: более динамичное изложение материала, а соответственно - большая привлекательность для читателя. Автор опирается на значительный источниковый корпус архивных материалов, правовых актов и текстов французских авторов. Выводы обоснованы и четко сформулированы. Статья безусловно рекомендуется к публикации.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Винокуров А.Д., Винокурова О.Е., Гоголева Д.А., Прокопьева Н.И. Родовой состав и места кочевий тунгусов ведомства Управы Кангаласских тунгусских родов в XIX-нач.XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72717 EDN: WBGROK URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=72717

Родовой состав и места кочевий тунгусов ведомства Управы Кангаласских тунгусских родов в XIX-нач.XX вв.

Винокуров Александр Данилович

ORCID: 0000-0001-8925-8750

Младший научный сотрудник, ИГИиПМНС СО РАН

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, оф. 410

✉ ad.vinokurov@yandex.ru

Винокурова Ольга Егоровна

кандидат педагогических наук

доцент; институт Физической культуры и спорта; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677013, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 48, оф. 284

✉ olgvin@mail.ru

Гоголева Дайана Айсеновна

Младший научный сотрудник; Отдел энциклопедистики; ГБУ "Академия наук Республики Саха (Якутия)"

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 405

✉ creta12@mail.ru

Прокопьева Нуургуяаана Иннокентьевна

Младший научный сотрудник; Отдел энциклопедистики; ГБУ "Академия наук Республики Саха (Якутия)"

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 405

✉ nyurtolli@mail.ru

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72717

EDN:

WBGROK

дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Дата публикации:

16-12-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования является родовой состав тунгусов (эвенков) ведомства Управы Кангаласских тунгусских родов в XIX – нач. XX вв. Целью исследования является выявление и изучение документальных и статистических источников в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)), которые содержат в себе сведения об административно-территориальном устройстве, родовом составе, демографии и местах кочевий. Достижению поставленной цели соответствуют основные задачи исследования: 1. рассмотреть историю создания, компетенции, изменения структуры и делопроизводства Управы Кангаласских тунгусских родов; 2. проанализировать формирование документального комплекса и места хранения документов; 3. изучить тенденции развития архива после упразднения части родовых управлений, передачи дел отсоединившихся родов и родовых групп выбывших в другие регионы. В исследовании применялись общенаучные (анализ, системный подход) так и специальные методы (историзма, историко-генетический, архивной эвристики) исследования. Методом анализа было изучено место Управы Кангаласских тунгусских родов в системе административно-территориального управления, его функции и задачи. Системный подход позволил выявить характерные принципы структуры родового управления. В результате проведенной работы составлена номенклатура родового состава, список мест кочевий кангаласских тунгусов на территории Алданского, Амгинского, Горного, Нерюнгринского и Хангаласского районов РС(Я). Новизна заключается во введении в научных оборот ранее не опубликованных архивных документов по заявленной теме. Составлен перечень документов, в том числе включающий обнаруженные переписные листы 1897 г., посемейные списки отбывших другие улусы, наслеги и в сопредельные регионы. По итогам работы сделан вывод о необходимости дальнейших исследований в связи с наличием большого количества неопубликованных документов. Материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания исторических дисциплин, разработке учебных пособий, проведении отдельных и обобщающих исследований по истории коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова:

Якутия, Алданский район, эвенки, тунгусы, родовой состав, Кангаласские тунгусы, административно-территориальное устройство, обзор документов, документы переписи населения, статистические документы

Исследование выполнено при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Полюс» (Полюс Фонд) в рамках договора № ГК /ПФ 18-24 от 12.06.2024 г.

Бескрайние просторы якутской тайги с незапамятных времен были обжиты тунгусскими родами, и об этом свидетельствует обширный пласт эвенкийских топонимов в Якутии.

Кочевой образ жизни, связанный с оленеводством и промысловой охотой позволял предкам эвенков успешно осваивать обширные таежные территории от Енисея до Охотского моря.

Историографию темы исследования следует разделить на три этапа. Первый этап относиться к дореволюционному периоду и представлен работами И.И. Майнова [7-9], С.К. Патканова [23-24], Г.А. Попова [25] и М.П. Соколова [27]. Второй этап охватывает советское время и связан с именами Г.М. Василевич [3], Б.О. Долгих [5], И.С. Гурвич [4], С.И. Николаева-Сомоготто [22], Ф.Г. Сафонова [26] и др. Третий этап связан с современными исследованиями, отразившимися в работах А.А. Бурыкина [1], А.Н. Варламова [2], М.Г. Туррова [30] и др.

При исследовании данной темы был изучен обширный корпус документов Национального архива РС(Я) хранящийся в фондах Якутского областного управления (Ф.И12), Якутского окружного полицейского управления (Ф.И15), Восточно-Кангаласской инородной управы (Ф.И40), Западно-Кангаласской инородной управы (Ф.И41), Головы семи Кангаласских бродячих тунгусских родов (Ф.И158), Якутской духовной консистории (Ф.И226) и Якутского статистического комитета (Ф.И343). К большому сожалению, Ф.И158 (Голова семи Кангаласских бродячих тунгусских родов) сохранился не полностью, за 1871-1912 гг. имеется всего 19 единиц хранения. Наряду с этим были привлечены опубликованные источники в виде статистических сведений и списков (перечней) населенных мест.

Согласно данным известного этнографа и сибиреведа Б.О. Долгих в XVII веке к моменту вхождения Якутии в состав Российского государства предки кангаласских тунгусов преимущественно проживали по бассейну р. Вилуй (таблица 1).

Таблица 1.

№	Наименование*	Зимовье	Кочевья (примерная локализация)	Примечание
1.	Кальтакули	Средневилуйское	от р. Быракан до устья р. Джара	
2.	Мургаты, они же нанагиры	Верхневилуйское	рр. Тюнг, Кюндяя, Тюкян, Марха и оз. Нюрба	собирательное название бельдетов, нюргатов и бырангатов [5, с.479]
3.	Пуягиры		территории Олекминского и южной части Верхневилуйского улусов	
4.	Шелогоны		бассейны рек Тюкян и Марха	

*Наименования родов написаны как в документах первоисточниках

В 1720 г. часть вилуйских тунгусов пуягирского, бельдетского (мургатского), шелогонского и калтакульского родов внесла ясак на станции при Покровском монастыре (Кангаласский улус). В качестве примера смены места уплаты ясака можно привести семью бельдетца Кусага (Гусага) Тургина впервые упомянутого в районе

Верхневилюйского зимовья, и его сыновей Дегдяни, Беголы и Итирика внесших ясак в Покровске [5, с.479]. В то же время необходимо отметить о том, что не все представители вышеупомянутых родов переселились из Вилюя в Южную Якутию.

В 1720-ые гг. в Якутии возникло двухступенчатое административное деление: улусы-волости. В числе первых крупных улусов был сформирован Кангаласский улус с волостями (наслегами) [26, с.14].

Дальнейшее упорядочение административно-территориальной структуры и землепользования в Якутии было связано с деятельностью Уложенной комиссии в 1768 г., и отразилось в народном фольклоре как «Мирон комиссия» [6, с.210]. В том же году коллежским советником Мироном Черкашиновым и секунд-майором Алексеем Щербачевым была составлена окладная книга семи тунгусских родов (таблица 2), ранее состоявших в ведомстве Верхневилюйского и Олекминского острогов [18, л.1-20].

Таблица 2.

№	Наименование	Князец	Возраст			Всего
			До 18 лет	От 18 до 50 лет	От 50 и свыше	
1.	Буягирский	Корегей Ирпенев	40	34	8	82
2.	Нениганский (Нюргаман)	Кысанча Генелеев	29	19	5	53
3.	Шологонский	Бакулунь Диктулин	16	15	2	34
4.	Бельдетский	Гоига Тесельбин	18	25	7	50
5.	Бельдетский	Таруга Дерганчин	17	11	8	36
6.	Бельдетский	Бакунча Деунин	24	13	5	42
7.	Буругацкий	Анырка Лопчагин	156	122	38	316
Всего ясакоплательщиков мужского пола						613

В соответствии с вышеприведенной таблицей видно, что были учтены только мужчины-ясакоплательщики без общего числа женщин. В то же время отсутствуют числительные порядковые номера у Бельдетских родов, отсюда следует что идентификация происходила по имени князца. Итогом реформы стало упорядочение ясачных платежей и перенос места уплаты с Верхневилюйского и Олекминского острогов в город Якутск.

С выходом в 1822 г. разработанного видным государственным деятелем и реформатором М.М. Сперанским устава «Об управлении инородцами» население Якутии было поделено на оседлых, кочевых и бродячих с наделением соответствующего административного и правового статуса. Тем не менее не запрещался переход из одной категории в другую. В частности, тунгусы были включены в категорию бродячего населения. Данная реформа заложила контуры общественных и экономических отношений остававшихся неизменными вплоть до 1917 г.

Управа Кангаласских тунгусских родов была образована в 1820-1830-ые гг. из родов, кочевавших в пределах Кангаласского улуса и в сопредельных территориях и состояла в разное время из 6-9 родовых управлений. Разное количество родов объяснялось появлением новых родов путем деления прежних либо перекочевкой родов другого ведомства, что подтверждается материалами ревизских сказок 1850 и 1858 [17, 19] гг. и посемейным списком тунгусов за 1907 г. [15]. Например, в ревизской сказке за 1850 г. было зарегистрировано шесть родов 1-й, 2-й и 3-й Бельдетские, Буягирийский, Нюрбуганский и Шологонский роды. В 1858 г. к вышеперечисленным родам отдельным родом добавились выходцы из Мякягириского рода Майского ведомства. Несмотря на разделение в 1860 г. Кангаласского улуса на Западно-Кангаласский и Восточно-Кангаласский улусы [20], управление тунгусскими родами осталось единым на обоих берегах реки Лена.

Тунгусы Кангаласского ведомства являлись прихожанами Походной Благовещенской, Кангаласской Покровской, Качикатской Николаевской и Одунинской Казанской церквей за 1850-1917-ые гг. Основным церковным документом по регистрации актов гражданского состояния того времени являлись метрические книги, состоявшие из трех частей (рождение, смерть, бракосочетание). В данных актах гражданского состояния также показано наличие межнациональных браков тунгусов Кангаласского ведомства с якутами и русскими. Кроме того, при церквях составлялись исповедные ведомости прихожан содержащие сведения о семейном составе. С одной стороны, выявлено несоответствие числа людей в сторону увеличения или уменьшения в родах путем сравнения официальных статистических сведений родовых управлений и исповедных расписей вышеперечисленных церквей.

В работе И.И. Майнова имеется географическое описание мест кочевий тунгусов Кангаласского ведомства: «Кангаласские тунгусы бродят на громадном пространстве, ограниченном с востока рекой Алданом, а с западе верховьями левых притоков Лены, небольших рек Мархи (граница Якутского и Олекминского округов) и Чины. На севере они доходят до реки Монды, впадающей в Лену, и Тегульти, впадающей в Амгу, а по течению Амги спускаются еще верстъ на двести северней. На юге точной границы их распространения не существует, так как многие из кангаласцев не только доходят до Амура, но в исключительных случаях даже переправляются на ту сторону, откуда можно заключить, что некоторые наблюдатели, путешествовавшие по Амуру, встречали и их в числе амурских ороченов» [7, с.168-169]. Далее в работе имеются ценные сведения о Кельятском роде, входящем в состав административного 2-го Бельдетского рода [7, с.170]. Там же упоминается альтернативное название 3-го Бельдетского рода – Лонгорку [7, с.174].

В 1897 г. была проведена Перепись населения Российской империи. К сожалению, первичные листы проливающие свет на состав семьи, возраст и другие сведения по тунгусам Кангаласского ведомства в Ф.ИЗ43 не сохранились. Однако краткие формы переписных листов были найдены под другим названием и с неверными крайними датами. Сводные статистические материалы данной переписи нашли свое отражение в работе С.К. Патканова и приведены в таблице 3.

Таблица 4.

1897 год				
№	Наименование*	Мужчин	Женщин	Всего
1.	1-й Бельдетский	122	120	242

2.	2-й Бельдетский	193	137	330
3.	3-й Бельдетский	28	18	46
4.	Буягирский	54	47	101
5.	Нюрбагатский	118	86	204
6.	1-й Шологонский	195	145	340
7.	2-й Шологонский	126	86	212
8.	Мякягирийский	11	11	22
Всего:		847	650	1497

*Наименования родов откорректированы в соответствии с общепринятыми названиями в делопроизводстве Якутской области за XIX в.

Согласно таблице в 1897 г. Ведомстве Управы Кангаласских тунгусских родов было зарегистрировано 1497 человек обоего пола [\[23, с.118-120\]](#). Стоит отметить, что в данную статистику не внесены представители якутских родов Джобулга и Нахара учтенных в составе своих коренных наслегов.

Постановлением №48 Якутского областного управления по Казенной палате от 12 апреля 1910 г. часть тунгусов Нюрбагатского, 1-го и 2-го Шологонских родов была переведена из разряда бродячих в разряд кочевых с созданием Нюрбагано-Чинского наслега Западно-Кангаласского улуса [\[10, л.7-9\]](#).

В том же году постановлением №60 Якутского областного управления по Казенной палате от 5 мая 1910 г. тунгусы 2-го Шологонского рода, кочующие в пределах Западно-Кангаласского улуса близ границы Вилюйского округа, были признаны утратившими бродячий образ жизни, перешедшими из разряда бродячих в разряд кочевых с созданием 2-го Шологонского наслега Западно-Кангаласского улуса [\[10, с.1-2\]](#).

В 1911 г. на рассмотрение Якутского областного управления поступило ходатайство старшины Анабынского рода 2-го Бельдетского рода С.П. Гермогенова об отделении в самостоятельный род «Анабынский» [\[12, л.1-24\]](#). Итогом рассмотрения данного вопроса стала публикация в 1913 г. сведений в Журнале Общего Присутствия об отделении тунгусов Анабынского бродячего рода Кангаласского ведомства в самостоятельный род [\[13, л.1-6\]](#).

Постановлением Временного Правительства в 1917 г. в России была произведена сельскохозяйственная, земельная и городская перепись населения. Сводные данные переписи по кангаласским тунгусам отражены в работе М.П. Соколова «Якутская губерния по переписи 1917 г.» [\[27, с.23\]](#) (таблица 4).

Таблица 4.

1917 год				
№	Наименование*	Мужчин	Женщин	Всего
1.	1-й Бельдетский	173	157	330
2.	2-й Бельдетский	39	36	75
3.	3-й Бельдетский	29	27	56
4.	Буягирский	163	147	310
5.	Нюрбагатский	29	27	56
6.	1-й Шологонский	42	38	80
7.	2-й Шологонский	31	28	59
8.	Мякягирийский	7	7	14

9.	Анабыйский	55	50	105
	Всего:	568	517	1085
*Наименования родов откорректированы в соответствии с общепринятыми названиями в делопроизводстве Якутской области за XIX в.				

По сравнению с итогами переписи 1895 г. (1497 чел.) в переписи 1917 г. (1085 чел.) видна убыль общего числа населения на 412 человек. Тем не менее в отделившихся Нюрбагано-Чинском (92 чел.) и 2-м Шологонском (251 чел.) наслегах Западно-Кангаласского улуса числилось 343 человека обоего пола. В то же время в документах Национального архива РС(Я) отложился ряд документов, указывающих на перевод части тунгусов Кангаласского ведомства в период 1897-1917 гг. на постоянное место жительства в ведомство тунгусов Майского ведомства, в якутские наслега Якутского округа и сопредельные регионы такие как Иркутская и Амурская области.

В 1917 г. Мякягирыским родом было внесено прошение о присоединении их к Анабынскому роду [\[11, л.1-13\]](#). В том же году прошение мякягирицев было удовлетворено [\[14, л.1-10\]](#).

Проживающими на территории ведомства Кангаласских тунгусов отмечены якутские роды Джобулга и Нахара. Род Джобулга был образован выходцами из трех семей Бетюядского рода 1-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. В переписи населения за 1917 г. по вышеупомянутому наслегу, имеется запись о том, что «эти три семьи полным составом с издревле вели бродячий образ жизни в системах рр. Алдана, Амги, и выходили в наслег лишь один раз в год в июне для уплаты ясака и повинностей» [\[21, л.345-346\]](#). Род Нахара был образован выходцами из 1-го Нахарского наслега Восточно-Кангаласского улуса [\[16, с.1-47\]](#). К сожалению, на данный момент сведений по роду Инилас (возможно, Ыйылас) недостаточно для этнической идентификации и поиска места исходного проживания.

При составлении номенклатуры родового состава и мест расселения тунгусов Ведомства Кангаласских родов на 1917 г. (таблица 5) были подробно изучены документы Статистического комитета за 1897 и 1917 гг. (Ф.И343), работы исследователей и опрошены потомки тунгусских родов в ходе полевых исследований в с. Хатыстыр Алданского района и с. Ерт Горного района. В составленной таблице приведены географические названия в оригинальном виде как в документах первоисточниках. Для удобства восприятия произведена классификация родов по типу хозяйственной деятельности. В данной таблице отражен период до слияния Анабинского и Мякягириского родов, тем самым в короткий период 1917 г. в ведомстве Управы было девять родов.

Таблица 5.

№	Род	Бассейн реки	Местность
1.	Анабинский (бродячие)	рр. Амга, Алдан и притоки	рр. Амга, Алдан и притоки
2.	1-й Бельдетский (бродячие)	рр. Алдан и притоки (Силигиль), Темтень, Ботама, Амга	рр. Алдан и притоки (Силигиль), Темтень, Ботама, Амга
3	2-й Бельдетский	рр. Алдан и притоки	рр. Алдан и притоки

3.	2-й Бельдетьский (бродячие)	рр. Алдан и притоки (Недяль, Силигиль, Сугнагычань), Амга и ее притоки (Юникан), Зея (Кехъ-Хая), Учур (Аим)	рр. Алдан и притоки (Недяль, Силигиль, Сугнагычань), Амга и ее притоки (Юникан), Зея (Кехъ-Хая), Учур (Аим)
4.	3-й Бельдетьский (бродячие)	рр. Амга, Алдан и притоки, Учур (Кылым)	рр. Амга, Алдан и притоки, Учур (Кылым)
5.	Буягирский (бродячие)	рр. Алдан и притоки (Билири), Амга, Темтень	рр. Алдан и притоки (Билири), Амга, Темтень
6.	Никагирский (Мякягирский) (бродячие)	рр. Амга и ее притоки	рр. Амга и ее притоки
7.	Нюрбуганский (Нермоганский) (род разделился на кочевых и бродячих)	рр. Куруну, Чина, Кяйбия, Алахъ-Тохонь, Тастахъ, Талба, Нохарай, Батома (Бордон-ары), притоки Алдана, Амга, Темтень, Жикямдя	рр. Куруну, Чина, Кяйбия, Алахъ-Тохонь, Тастахъ, Талба, Нохарай, Сомого
8.	1-й Шологонский (род разделился на кочевых и бродячих)	рр. Амга и ее притоки, Алдан, Нюльпось, Темтень	рр. Амга и ее притоки, Алдан, Нюльпось, Темтень
9.	2-й Шологонский (кочевые)	рр. Чичась, Чира, Этекю, Нигмай, Синяя, Хампа, Аракась, Сахыль-юрюя, Ючюгай-юряхъ, Харья-Юряхъ	Олхону, Чичась, Арбанда, Чира, Этекю, Нигмай, Синяя, Хампа, Аракась, Сахыль-юрюя, Ючюгай-юряхъ, Харья-Юряхъ, Тымпынай, Ыэрга-кель, Идельгий, Кюбай, Тобий, Мунъ-кель, Норалджима, Еттяхъ, Елестяхъ, Жампа

В результате проведенного исследования, установлено что сохранившиеся документы, имеющие отношение к Управе Кангаласских тунгусских родов из фондов Национального архива РС(Я), работы исследователей и воспоминания потомков вышеназванных родов позволяют в полной мере восстановить историю административно-территориального устройства и ее изменения, места кочевий в период с 1632 по 1917-ые гг. Несмотря на большую территорию и наличие населенных мест по обоим берегам реки Лена тунгусы

кангаласских родов сумели организовать эффективную и слаженную работу по решению административных и хозяйственных вопросов внутри своего общества.

Библиография

1. Бурыкин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона : (топонимика и этнонимика Вост. Сибири) / А.А. Бурыкин ; Рос. акад наук, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006.
2. Варламов А.Н. Ранние стадии этногенеза и миграции тунгусов в эпических традициях эвенков // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова. Серия "Эпосоведение". 2020, N 3 (19). С. 30-41.
3. Василевич Г. М. Эвенки : этнографическая монография / Г. М. Василевич ; составители и ответственные редакторы: Л. И. Миссонова, В. Н. Давыдов, А. М. Певнов, Е. Н. Романова ; автор лингвистических комментариев А. М. Певнов ; рецензенты: С. В. Березницкий, С. С. Савоскул ; Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2023.
4. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа / И. С. Гурвич ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1977.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960.
6. Исторические предания и рассказы якутов. Ч. 2. = Саха былыргы сэһэннэрэ уонна кэпсээннэрэ Ч. 2. / Акад. наук СССР, Якут фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории ; изд. подгот. Г. У. Эргис ; под ред. А. А. Попова ; [отв. ред. Н. В. Емельянов]. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960.
7. Майнов И.И. Население Якутии / И. И. Майнов. Ленинград : Изд. Академии наук, 1927.
8. Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах якутского края. Иркутск : Типолитография П. И. Макушина, 1898.
9. Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912.
10. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И12 Оп.1 Д.2284
11. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И12 Оп.4 Д.100
12. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И12. Оп.2 т.5 Д.5686
13. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И15 Оп.10 т.2 Д.994
14. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И15 Оп.10 т.8 Д.4833
15. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И158 Оп.1 Д.16
16. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И236 Оп.1 Д.13
17. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.1 Д.3095
18. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.1 Д.5997
19. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.4 Д.332
20. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И39 Оп.2 Д.146
21. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.Р35 Оп.1 Д.33
22. Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии; [отв. ред. д. ист. н. Б. О. Долгих]. Якутск : Якутское книжное изд-во, 1964.
23. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников: (с приложением к II ч. трех племенных карт) / С. Патканов. Санкт-Петербург: Типография Сибирского акционерного

- общества "Слово". Ч. 1, вып. 2: Тунгусы собственно. 1906.
24. Патканов С.К. Статистические данные показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С. Патканов. Санкт-Петербург: Типография "Ш. Буссель". Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин.- 1912.
25. Попов Г.А. Сочинения / Г. А. Попов ; [сост. и отв. ред.: к. и. н. Л. Н. Жукова, к. и. н. Е. П. Антонов]. Якутск : ЯГУ : ИГИ АН РС(Я), 2005.-Т. 2: Якутский край ; Научные статьи.- 2006.
26. Сафонов Ф.Г. Якуты. Мирское управление в XVII-нач. XX века / Ф. Г. Сафонов ; [отв. ред. д. ист. н. В. Н. Иванов] ; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. Якутск : Якутское книжное изд-во, 1987.
27. Соколов М.П. Якутская губерния по переписи 1917 года / Вып. 1: Организация переписи. Краткий статистико-экономический очерк губернии. Поулусные итоги. Иркутск : Издание Губернского Статистического бюро, 1917.
28. Список населенных зимних пунктов 4-х южных округов Якутии: материалы Всесоюзной демографической переписи населения 1926 г. (предварительные итоги) / ЦСУ РСФСР, Стат. Упр. ЯАССР. Якутск : Изд. ЯСУ, 1928.
29. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1985.
30. Туров М.Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2008

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История России, как верно заметил выдающийся литературный критик В.Г. Белинский, богата неистощимой драматургией и трагикой. Огромное значение для нашей Родины всегда имело братство различных этносов, населяющих бескрайние евразийские пространства. И в прежние времена, и сегодня есть недружественные силы, усматривающие в многонациональной составляющей слабость, но по справедливому замечанию Президента России В.В. Путина в этом заключена сила России.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются кангаласские тунгусские роды. Автор ставит своими задачами проанализировать библиографию, показать данные перипесей, рассмотреть родовой состав и места кочевий тунгусов.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится восстановить историю административно-территориального устройства и ее изменения, места кочевий Кангаласских тунгусских родов в период с 1632 по 1917-ые гг. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 30 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена как опубликованной статистической информацией, так и документами из фондов

Национального архива Республики Саха. Из используемых исследований отметим труды В.А. Туголукова, А.Н. Варламова, М.Г. Турова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения народов Крайнего Севера. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей народов Крайнего Севера, в целом, так и эвенками, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "в XVII веке к моменту вхождения Якутии в состав Российской государства предки кангалассских тунгусов преимущественно проживали по бассейну р. Вилуй". В работе показано, что "Управа Кангаласских тунгусских родов была образована в 1820-1830-ые гг. из родов, кочевавших в пределах Кангаласского улуса и в сопредельных территориях и состояла в разное время из 6-9 родовых управлений". Вызывают интерес сведенияные в таблицы данные перипесей населения, проводимых на рубеже XIX -начала XX вв. Так, например, особо автор отмечает, что "При составлении номенклатуры родового состава и мест расселения тунгусов Ведомства Кангаласских родов на 1917 г. (таблица 5) были подробно изучены документы Статистического комитета за 1897 и 1917 гг. (Ф.ИЗ43), работы исследователей и опрошены потомки тунгусских родов в ходе полевых исследований в с. Хатыстыр Алданского района и с. Ерт Горного района".

Главным выводом статьи является то, что

"несмотря на большую территорию и наличие населенных мест по обоим берегам реки Лена тунгусы кангаласских родов сумели организовать эффективную и слаженную работу по решению административных и хозяйственных вопросов внутри своего общества".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 5 таблицами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Белолюбская Г.С. Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72711
EDN: WTVPHU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72711

Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время

Белолюбская Галина Степановна

кандидат политических наук

научный сотрудник, лаборатория "Человек в Арктике", Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677027, Россия, республика Саха, г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ gbelolubskaya@gmail.com

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72711

EDN:

WTVPHU

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2024

Дата публикации:

19-12-2024

Аннотация: Влияние советских модернизационных проектов на жизнь коренных народов Севера продолжает оставаться важной темой для исследователей. Особый интерес вызывает то, как эти проекты изменили традиционный уклад жизни и культурные основы местных сообществ. В данной статье рассматриваются изменения, произошедшие с оленеводством в советский период, каким образом советская политика и масштабные промышленные программы трансформировали жизнь кочевых общин Севера. В частности, работа посвящена изучению истории утраты оленеводства в Садынском национальном эвенкийском наслеге Мирнинского района Республики Саха (Якутия). В статье рассматривается, как организовалась работа в оленеводческой отрасли в 1960-е годы и в каких условиях оказались оленеводы наслега в этот период. Также анализируются социальные, экономические и другие факторы, оказавшие влияние на

судьбу отрасли в 1970-е годы, и исследуются причины упадка традиционного оленеводства в наслеге. Данное исследование основано на архивных документах Садынского национального эвенкийского наслега, хранящихся в Муниципальном архиве Мирнинского района РС(Я) (г. Мирный), а также воспоминаниях местных жителей и полевых материалах, собранных автором в 2019-2021 гг. Когда речь идет о кочевых общинах, исследователи обычно сосредотачиваются на тех, где сохраняется оленеводство. В отличие от работ, посвященных сохранению традиционных видов хозяйствования коренных народов, данная статья акцентирует внимание на сообществе, которое полностью утратило свою основную традиционную отрасль и для которого важно возрождение оленеводства. Новизна исследования заключается в фокусе на общинах, где оленеводство было утрачено, что часто остается вне поля зрения большинства исследований. Кроме того, уникальность работы заключается в использовании широкого круга неопубликованных архивных материалов и воспоминаний местных жителей, что позволило реконструировать малоизученные аспекты истории оленеводства в советский период. Это исследование расширяет наше понимание последствий советской модернизации для коренных народов.

Ключевые слова:

оленеводство, Эвенки, Западная Якутия, Республика Саха, Мирнинский район, традиционное хозяйство, Арктика, промышленность, коренные народы, утрата

Введение. В социальных и гуманитарных науках изучению образа жизни и проблем коренных общин Арктики (и Субарктики) посвящены многочисленные российские и зарубежные исследования [Pika (ed.) 1999; Kasten (ed.) 2002; Habeck 2003; Vitebsky 2005; Stammler 2005; Brandisauskas 2017 и др.]. Среди них выделяется большое число работ, связанных с изучением кочевых эвенкийских сообществ в России [Николаев 1964; Туголуков 1985; Fondahl 1998; Anderson 2000; Sirina 2006; Дуткина и Белянская 2014; Lavrillier and Gabyshev 2017 и др.]. Центральное место в этих исследованиях занимают изучение быта, традиционных хозяйств, религиозных воззрений и этики, представлений о земле и окружающем мире. Однако ученые в основном работают с теми общинами, где еще сохраняется главное традиционное хозяйство кочевых сообществ – оленеводство. Проблемы общин, утративших оленеводство как вид хозяйствования, остаются за пределами внимания исследователей.

В этой статье речь пойдет об эвенкийской общине Западной Якутии – Садынском национальном наслеге Мирнинского района, где оленеводство практически прекратило свое существование в конце 1970-х годов. Как пишет Боякова С.И., эту общину «часто в силу относительной малочисленности и обособленности от других территориальных групп даже забывают упомянуть при перечислении современных локальных групп эвенкийского этноса» [Боякова 2024: 58]. Между тем история этого наслега представляет особый научный интерес, так как он оказался в эпицентре событий, связанных с разворачиванием алмазной индустрии в Западной Якутии [Вечерин 1997; Степанов 2002 и др.]. Советская индустриализация и коллективизация полностью изменили уклад жизни коренных народов Севера [Санникова 2007], что актуализирует изучение истории этих трансформаций и их последствий. В этом контексте, утрата оленеводства в Садынском наслеге является критически важным вопросом, который отражает более широкие процессы взаимодействия коренных народов с социально-экономическими и политическими изменениями в XX веке.

Данная работа основана на широком круге неопубликованных архивных документов Садынского национального эвенкийского наслега, хранящихся в муниципальном архиве г. Мирный. Эти материалы позволили реконструировать ключевые события, связанные с состоянием оленеводства в советский период. Кроме того, были привлечены полевые материалы автора, собранные в 2019-2021 годах в с. Сюльдюкар Мирнинского района РС(Я). В частности, важным источником стали воспоминания местных жителей, которые дополняют документальные данные, раскрывая социальные и культурные аспекты событий тех лет.

Несколько фактов из истории Садынского наслега. Западная Якутия как экономическая зона включает в себя 7 улусов, в том числе Мирнинский, где по состоянию на 1 января 2023 года проживало 71 203 человека [Статистика 2023]. В настоящий момент в Мирнинском районе, единственным муниципальным образованием, имеющим статус национального эвенкийского, является Садынский наслег. Административный центр наслега расположен в селе Сюльдюкар с населением 389 жителей [Статистика 2023]. Предки нынешних жителей Садынского наслега, как отмечает Боякова С.И., фигурируют уже в первых письменных источниках XVII в. – отписках казаков и ясачных книгах [Боякова 2024: 59]. По свидетельствам местных жителей, место, где сейчас находится Сюльдюкар, служило стоянкой для кочевников. Впоследствии, уже в советское время, эта местность стала играть значительную роль в региональных грузоперевозках, так как там были размещены складские помещения организации «Холбос», союза потребительской кооперации [Игнатьева 2019: 63].

Первые дома в этой местности появились в начале 1950-х годов. Эти сооружения были построены для размещения работников Амакинской геологоразведочной экспедиции, организованной в 1949 году для поиска алмазов в регионе. Многочисленные жители Садынского наслега проработали в этой экспедиции в качестве каюров, проводников для геологов. В 1954 году в Западной Якутии было открыто первое месторождение алмазов. Алмазная индустрия быстро расширялась, требуя все больших ресурсов. Поэтому в 1956 году было основано село Сюльдюкар, основной задачей которого стала поставка сельскохозяйственной продукции для бурно разворачивающейся алмазной промышленности.

В 1960 году советское правительство на базе существовавших колхозов создало на территории Мирнинского района совхоз «Новый». Основной деятельностью отделения совхоза «Новый» в Сюльдюкаре стало развитие животноводства: производство мясной и молочной продукции, заготовка пушнины и разведение оленей. Однако оленеводство в Садынском наслеге просуществовало недолго. В середине 1970-х годов руководство совхоза приняло решение забить около 1200 голов государственных оленей. В течение одной зимы 1976-1977 годов Садынский наслег потерял всех государственных оленей. После исчезновения государственных оленей жители села до середины 2000-х годов держали небольшое стадо частных оленей. В 2006 году был организован фестиваль в наслеге, на который специально привели оставшихся оленей. С тех пор жители Сюльдюкара больше не видели живых оленей. Как видно из описания событий, в советскую эпоху оленеводство в наслеге пережило серьезные изменения, завершившиеся его полным упадком. Решение совхоза о забое животных стало поворотным моментом в этой драматической истории. До сих пор местные жители не знают, что стояло за этим решением. Изучение материалов устной истории и архивных документов поможет пролить свет на исчезновение оленеводства в Садынском наслеге.

Состояние оленеводства в Садынском наслеге в 1960-е годы. По архивным данным, количество оленей в наслеге в 1960-х годах колебалось в пределах 2000 голов;

например, согласно данным о состоянии животноводства за 1965 год, в наслеге после отела насчитывалось 2032 государственных оленя (МА, ф.39, оп.1, д.29, л.21), а в 1968 году – 2307 оленей после отела (МА, ф.39, оп.1, д.46, л.11). Кроме этого, в наслеге содержались частные олени, которые паслись вместе с государственными. Согласно похозяйственным книгам, собственные олени были только у некоторых семей: у кого-то был один олень, у других – 4-5 или 12-15.

Среди архивных материалов наиболее интересными являются два документа, посвященные состоянию оленеводства в Садынском наслеге в 1960-е годы. Один из них датируется 1964 годом и освещает обсуждения вопросов оленеводства на заседаниях Садынского наслежного совета депутатов трудящихся (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Другой, относящийся к 1969 году и озаглавленный «Об итогах работы оленеводства за 1968 год и задачи на 1969 год» (МА, ф.39, оп.1, д.49), проливает свет на состояние и перспективы оленеводства в этот период в Садынском наслеге.

Документ 1964 года подчеркивает положительные изменения в индустрии, отмечая, что «за последние годы количество оленей увеличилось в 1,5 раза, значительно сокращен падеж оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Однако в отчете 1969 года говорится о том, что в последние годы развитию оленеводства в наслеге не уделялось должного внимания. В результате число оленей не увеличивается, а хозяйство остается нерентабельным (МА, ф.39, оп.1, д.49). Из этого следует, что перед оленеводами стояла задача постоянного увеличения поголовья. Согласно данным о состоянии животноводства за 1965 и 1968 годы заметен рост численности оленей. Однако в 1968 году, совхозу пришлось дополнительно закупить 115 оленей, чтобы достичь общего количества в 2307 голов (МА, ф.39, оп.1, д.46, л.11). Это указывает на то, что поголовье оленей увеличивалось не так быстро, как того хотели советские власти.

Основной проблемой, с которой столкнулись оленеводы в условиях необходимости постоянного увеличения поголовья, стала потеря оленей. В отчете за 1964 год главным вопросом была пропажа 228 оленей в течение 1963 года (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Среди причин этого указывались «недисциплинированность оленеводов, нарушение трудового правила, и не придерживание пастьбищного маршрута, составленной отделением [совхоза]» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Этот фрагмент подчеркивает не только личную ответственность оленеводов за каждого оленя, но и необходимость строгого соблюдения заданного маршрута, заданного совхозом. Любые отклонения от этих маршрутов полностью вменялись в ответственность оленеводам.

Из отчета за 1969 год можно получить более детальное представление о том, как советская бюрократия связывала падеж оленей с соблюдением установленных маршрутов. В частности, в документе отмечается, что в двух стадах государственный план был выполнен на 97,6% и 95% соответственно, а сохранность молодняка составила 100% в обоих стадах (МА, ф.39, оп.1, д.49). Далее подчеркивается, что «положительный опыт работы этих стад заключается в том, что они в начале года правильно составили маршруты своих стад, и строго придерживались этим маршрутам. В остальных стадах в результате неправильного составления маршрутов, в течение года производились частые перегоны оленей по многим участкам. В результате допущены большие потери и падеж оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.49). Таким образом, государство предписывало оленеводам не только сохранять и увеличивать поголовье, и обеспечивать сохранность молодняка, но и строго следовать заранее определенным маршрутам. В советской системе оленеводство превратилось из образа жизни не просто в производство, но в жестко бюрократизированную отрасль.

Отчеты за 1964 и 1969 годы ярко отражают тяжелые условия, в которых оказались оленеводы. В отчете за 1964 год говорится: «До сих пор оленеводам не обеспечены нормальные условия труда. За выращивание молодняка и за сохранение крупных оленей без потерь не выплачиваются дополнительные выплаты. Кроме того, не выплачиваются оленеводам праздничные и выходные дни или не обеспечиваются подсменными пастухами» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Смысл этого становится понятнее из отчета за 1969 год, где кратко отмечается, что «оленеводам не предоставляются выходные дни» (МА, ф.39, оп.1, д.49). То есть, в отсутствие подсменных пастухов оленеводы вообще не имели выходных и не получали за это никакой дополнительной оплаты.

Отчет за 1969 год подчеркивает, что «оленеводы живут в очень трудных условиях. Не обеспечиваются необходимыми инвентарями/палатками, спецодеждами, железными печками и др. ... Низка оплата труда оленеводов. Норма на одного оленевода высокая» (МА, ф.39, оп.1, д.49). По воспоминаниям жителей поселка, зарплата оленеводов составляла около 70–100 рублей, что было почти в три раза ниже средней заработной платы в 288 рублей в Якутии в 1970-е годы [БСЭ 1978]. Здесь важно упомянуть, что с 1930 по 1966 год коллективные и советские хозяйства компенсировали труд работников не деньгами, а трудоднями. Когда произошел переход от трудодней к денежной оплате труда в совхозе «Новый», созданном в 1960 году, выяснить пока не удалось. Отчет за 1969 год признает необходимость привлечения молодежи к работе в оленеводстве хотя бы на один год (МА, ф.39, оп.1, д.49). Это подчеркивает, что оленеводство стало непривлекательным для молодых людей. Низкие зарплаты, безусловно, сыграли одну из ключевых ролей в этой ситуации.

По рассказам старожил поселка, олени требуют постоянного круглогодичного ухода. Домашние олени не могут существовать без человека. Летом стойбище необходимо окуривать, чтобы защитить животных от гнуса. Это требует особых навыков, чтобы избежать случайных пожаров. Также нужно защищать оленей от волков и других диких животных, в том числе от диких оленей, которые могут увести домашних с собой.

Кроме того, олени подвержены различным заболеваниям. Как указано в отчете за 1964 год, «имелись массовые заболевания оленей копыткой и чесоткой. Борьба с этими болезнями проводилась очень слабо, плохо обеспечен медикаментами. В связи отдаленности, расстояния между стадами один ветработник был не в силах обслуживать все стада во время массовой болезни оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.20, л.24). Как показывает этот документ, совхоз выделял лишь одного ветеринара для ухода за примерно 2000 оленями и в целом, очевидно, что ветеринарная помощь была организована слабо.

Руководство совхоза ожидало от оленеводов ведения «рентабельного хозяйства» (МА, ф.39, оп.1, д.49). В отчете за 1969 год даже упоминается категория «упитанности оленей», которая делилась на высокую, среднюю и низкую. В отчете выражалось недовольство практикой начала забоя оленей в январе-феврале, когда животные уже начинали терять упитанность. В частности, в отчете говорится следующее: «Как правило последние годы стали производить забой оленей в январе-феврале месяцах. К этому времени олени потеряют свою упитанность и производятся лишние затраты по уходу забиваемых оленей за 2-3 месяца» (МА, ф.39, оп.1, д.49). Совхоз тщательно оценивал живой вес животных и количество мяса, передаваемого государству.

Как видно из вышенаписанного, перед оленеводами и совхозом стояла задача сохранять и увеличивать государственное поголовье оленей. Оленеводы несли прямую ответственность за каждое животное. Это подчеркивает важный момент: упадок

оленеводства в Садынском наслеге в конце 1970-х годов не мог быть инициативой самих оленеводов. Такие решения могли приниматься только на государственном уровне.

История утраты оленеводства в Садынском наслеге в 1970-е годы. В период с конца 1960-х до начала 1970-х годов документы о состоянии оленеводства в Садынском наслеге указывают на значительные изменения в отрасли. Появляются новые, ранее не упоминавшиеся проблемы. Расширяющаяся горнодобывающая промышленность привлекала все больше приезжих рабочих, что становилось угрозой для выживания оленей в наслеге. Например, в отчете за 1970 год говорится: «Каждый год оленей пристреляют, убивают десятками неизвестные лица, работники экспедиций, «охотники» из города. Так например в этом году на первой стаде пристрелили двух оленей и увезли на машине. Это только увиденное. А так не выясненных никто не знает. Дело передали следственным органам, но результата так и нет» (МА, ф.39, оп.1, д.57, л.13). На собрании жителей Сюльдюкара 12 декабря 1970 года один из жителей выступил: «Летом «хомус» где я живу тоже стреляли моих собственных оленей, одного тугута увезли моторной лодкой. Я обратился в органы милиции, но ко мне приехал сотрудник только 1,5 месяца спустя того случая» (МА, ф.39, оп.1, д.57, л.31). Как показывают эти материалы, правоохранительные органы практически не занимались подобными делами.

В Протоколе заседания сельсовета от 10 декабря 1970 года говорится о массовом отравлении оленей, в результате которого погибло много молодняка. В документе указано, что «приехали специалисты и не могли установить диагноз» (МА, ф.39, оп.1, д.55, л.37). Причины гибели оленей так и остались невыясненными. Кроме того, среди факторов снижения численности оленей назывались хищники, особенно волки (МА, ф.39, оп.1, д.55, л.37).

Наконец, в апреле 1972 года на собрании наслега обсуждалось сокращение пастбищных угодий. Это вызвало ряд проблем, таких как длительное пребывание стад на одном месте, что ухудшало состояние существующих пастбищ (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.14). В результате, согласно отчету наслега за 1972 год, общее количество оленей составило 1,484 головы (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.48), то есть за несколько лет численность животных сократилась на треть.

Тем временем положение оленеводов оставалось практически неизменным по сравнению с 1960-ми годами. Согласно протоколу заседания сельсовета 14 апреля 1972 года (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.14-17), их заработные платы оставались низкими и не увеличивались. В попытках снизить потерю и кражу оленей в некоторых стадах летом было организовано круглосуточное дежурство. Оленеводы продолжали сталкиваться с задержками в получении необходимого снаряжения, такого как защитная одежда и палатки, и не обеспечивались санями, седлами, веревками и радиоприемниками. Также обсуждался вопрос обеспечения огнестрельным оружием для самообороны и защиты оленей. Кроме того, отсутствие ветеринара в наслеге значительно усложнило жизнь оленеводов. В документе отмечалось: «Слабо проводится улучшение и облегчение работы оленевода, не строится зимовье и коралы» (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.15). В результате некоторые оленеводы начали отказываться от работы в стадах, что привело к критической нехватке кадров.

Житель Сюльдюкара Петр Игнатьев выступил на собрании в 1972 году, подчеркнув: «Выступившие товарищи останавливаются в основном на трех вопросах. Это нет пастбищных угодий, нет кадров, не сможем увеличить количество оленей. Тогда мы должны вести разговор не о развитии оленеводства, а том, как избавиться от оленей. Это неправильно. Разговор должен вестись только в одном направлении – это о

развитии оленеводства» (МА, ф.39, оп.1, д.64, л.14). Сохранение оленеводства имело первостепенное значение для жителей Садынского наслега.

Однако в феврале 1973 года на собрании наслега впервые было выражено беспокойство по поводу того, что «руководящие организации высказывают мнение о ликвидации оленей в нашем отделении совхоза, так как оленеводство убыточно» (МА, ф.39, оп.1, д.71, л.2). Последующие документы свидетельствуют о возрастающем давлении на оленеводов, которые пытались сохранить оленеводство. В протоколе собрания жителей 1975 года отмечается: «из-за недобросовестного отношения к своим обязанностям оленеводов продолжается хронический падеж и потеря оленей» (МА, ф.39, оп.1, д.81, л.78). В рамках советской системы ответственность за упадок оленеводства была возложена на самих оленеводов, которые десятилетиями были лишены достойной зарплаты и необходимых ресурсов.

Согласно данным на начало 1974 года, в наслеге насчитывалось 1146 государственных оленей (МА, ф.39, оп.1, д.81, л.86). Последнее упоминание оленеводства в архивных документах содержится в протоколе собрания от 23 декабря 1976 года, где один из участников заметил: «Оленеводство было у нас традиционной отраслью хозяйства. По моему, ликвидация оленеводства нанесет определенный ущерб нашему хозяйству, в особенности по отношению транспорта» (МА, ф.39, оп.1, д.82, л.25). Архивные материалы больше не дают информации о причинах ликвидации оленеводства. Оно просто исчезает из отчетов и других документов, за исключением статических данных о численности животных в наслеге. Например, в отчете за 1977 год указано, что общее количество государственных оленей составило 37 голов (МА, ф.39, оп.1, д.84, л.36).

По рассказам местных жителей, драматическое сокращение численности оленей до 37 в 1977 году было результатом массового забоя. Перед массовым забоем совхоз начал продажу оленей в частные руки. Некоторые семьи смогли купить и сохранить небольшое число животных. По воспоминаниям одного из старожилов, «всех оленей забили. Недалеко от деревни был загон, где и проводился массовый забой. Затем мясо куда-то вывозили... Нам объяснили, что совхоз собирается отказаться от оленеводства и перейти к другим формам хозяйствования. И это все, что сказали людям» (ПМА 2021). Учитывая реалии советской системы, жители не могли выступить против этого решения. Другой старожил рассказал следующее: «Они сказали, «Зачем вам олени?» А потом, они приехали и забили всех оленей. Наши старики чуть не плакали кровью. Они испытывали глубокую печаль. Они считали, что само наше существование было возможно только благодаря оленям» (ПМА 2021). Таким образом, совхоз организовал забой оленей и, очевидно, что привлек для этого людей извне. Это произошло не одномоментно, а в течение зимы 1976-1977 годов. Даже сегодня жители называют место забоя «местом, где забили оленей».

Один из старейшин поселка полагает, что власти того времени придерживались мнения, что «Оленеводство бесполезно... Никто тогда не думал, что здесь живут эвенки, и что они не могут жить без оленей. Они сделали то, что было выгодно им. Кроме того, здоровье оленей ухудшилось, а пастухи испытывали разные трудности, в этой сфере тогда оставались только пожилые люди. Молодежь предпочитала карьеру в других областях. Это и было корнем всех проблем. Общая позиция была такова, что олени больше не нужны» (ПМА 2021).

По мнению некоторых жителей, олени стали препятствием для добычи ресурсов и развития алмазной промышленности. Один из старожилов поделился: «Где есть олени, экспедиции работать не могут. Поэтому, чтобы добывать ресурсы, они уничтожили здесь

оленеводство» (ПМА 2021). Он также отметил: «Мы держали своих оленей на тех участках, где они собирались работать. Олени находились прямо над недрами. Как они могли вести свою работу, если рядом олени? Они даже требовали, чтобы отел оленей происходил в заранее определенном месте» (ПМА 2021). Другой житель выразил аналогичное мнение, сказав: «Олени не могли конкурировать с алмазами» (ПМА 2021). Однако, официально оленеводство в наслеге было ликвидировано под предлогом его нерентабельности и отсутствия прибыли. Архивные материалы свидетельствуют, что официальная версия возлагала ответственность за упадок отрасли на самих оленеводов, которые до последнего пытались сохранить оленеводство, борясь с постоянной нехваткой ресурсов. Эта локальная история утраты оленеводства иллюстрирует, как в советской системе бюрократическая ответственность перекладывалась на рядовых работников, тогда как ключевые решения принимались «сверху», на государственном уровне.

Исследователи разделяют мнение жителей Садынского наслега, что промышленность сыграла решающую роль в упадке оленеводства [Боякова 2024]. Но в архивных документах нет прямых упоминаний о том, что ликвидация оленеводства была как-то связана с расширением промышленных работ. Хотя в этих же документах можно обнаружить свидетельства, что упадок оленеводства был связан с острой нехваткой пастбищ и массовым притоком работников, прибывших для участия в добывающих проектах. Таким образом, становится ясно, что причиной ликвидации оленеводства стала не его нерентабельность, а конфликт с растущей добывающей промышленностью, которая вытеснила традиционную отрасль.

Заключение. Для жителей Садынского наслега олени являются культурным символом, неразрывно связанным с эвенкийской идентичностью. Они не смирились с потерей оленеводства и сегодня в наслеге предпринимаются попытки его возрождения, адаптировав его к современным реалиям, включая использование таких непривычных форм, как загонное оленеводство. Утрата оленеводства стала не только экономической, но и культурной трагедией для местного сообщества. Анализ материалов устной истории, воспоминаний жителей и архивных документов свидетельствует, что ликвидация оленеводства в советский период была обусловлена не только внутренними проблемами отрасли, но во многом стала следствием конфликта между традиционным укладом жизни коренных народов и индустриальными интересами государства. Эта история важна не только как исследование локальных процессов, но и как пример универсальных вызовов, с которыми сталкиваются коренные народы в условиях глобальных социально-экономических изменений.

Библиография

1. Pika A. (ed.). *Neotraditionalism in the Russian North: Indigenous peoples and the legacy of Perestroika*. Canadian Circumpolar Institute (CCI) Press, 1999. 256 p.
2. Kasten E. (ed.). *People and the land: pathways to reform in post-Soviet Siberia*. Dietrich Reimer Verlag, 2002. 257 p.
3. Habeck J. O. *What It Means to Be a Herdsman: The Practice and Image of Reindeer Husbandry among the Komi of Northern Russia*. Scott Polar Research Institute: University of Cambridge, 2003. 240 p.
4. Vitebsky P. *Reindeer people: Living with animals and spirits in Siberia*. Harper Collins Publishers, 2005. 496 p.
5. Stammler F. *Reindeer Nomads meet the market: culture, property and globalization at the 'End of the Land'*. Lit Verlag Berlin, 2005. 379 p.
6. Brandisauskas D. *Leaving footprints in the taiga: Luck, spirits and ambivalence among*

- the Siberian Orochen reindeer herders and hunters. Berghahn Books, 2017. 305 p.
7. Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1964. – 204 с.
8. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Издательство «Наука», 1985. – 286 с.
9. Fondahl G. Gaining Ground? Evenkis, land, and reform in Southeastern Siberia. Allyn and Bacon, 1998. 146 p.
10. Anderson D. Identity and ecology in Arctic Siberia: The number one reindeer brigade. Oxford University Press, 2000. 270 p.
11. Sirina A. Katanga Evenkis in the 20th century and the ordering of their Life-world. Canadian Circumpolar Institute (CCI) Press, 2006. 240 p.
12. Дуткина В.А., Белянская М.Х. Эвенки Верхнекетья: историко-этнографический очерк. Санкт-Петербург: Алмаз-Граф, 2014. – 111 с.
13. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic indigenous knowledge system of landscape, climate, and human interactions: Evenki reindeer herders and hunters. Furstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.
14. Боякова С.И. Брагатские эвенки: история, расселение, хозяйство, современный статус // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 3 (48). С. 57-68.
15. Вечерин П.П. От треста до компании, от палаток до городов: Хронология «Якутальмаза» 1957–1992 гг. Мирный: Мирнинская городская типография, 1997. – 296 с.
16. Степанов С.А. «АЛРОСА»: Прошлое и настоящее. М.: ООО «Издательский дом «Полярный круг», 2002. – 544 с.
17. Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). Якутск: Бичик, 2007. – 136 с.
18. Статистика 2023: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2020–2024 гг. URL: https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (дата обращения: 14.12.2024).
19. Игнатьева Е.П. История Бырангатского рода: Сюрюнда. Садын. Сюльдюкар. Якутск: ИП Тимофеева, 2019. – 256 с.
20. Муниципальный архив (МА) Мирнинского района РС(Я), ф. 39, оп. 1, д. 29. Отчет о состоянии животноводства на 1 сентября 1965 года.
21. МА, ф. 39, оп. 1, д. 46. Отчет о состоянии животноводства на 1 августа 1968 года.
22. МА, ф. 39, оп. 1, д. 20, л. 24. Сессия Садынского наслежного Совета депутатов трудящихся от 1964 года.
23. МА, ф. 39, оп. 1, д. 49. Об итогах работы оленеводства за 1968 год и задачи на 1969 год.
24. БСЭ: Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика // Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах. Том 30: Экслибрис-Яя. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1978. С. 490-496.
25. МА, ф. 39, оп. 1, д. 57, л. 12-14. Протокол общего собрания рабочих и служащих отделения № 3 совхоза «Новый».
26. МА, ф. 39, оп. 1, д. 57, л. 31. Протокол общего собрания граждан поселка Сюльдюкар от 12 декабря 1970 года.
27. МА, ф. 39, оп. 1, д. 55, л. 37-40. Протокол № 12 очередной сессии двенадцатого созыва Садынского сельского совета депутатов трудящихся от 10 декабря 1970 года.
28. МА, ф. 39, оп. 1, д. 64, л. 14–17. Шестая сессия тринадцатого созыва Садынского сельского совета депутатов трудящихся. Протокол № 6 от 14 апреля 1972 года.
29. МА, ф. 39, оп. 1, д. 64, л. 40-49. Отчет работы Садынского сельского совета на 1972 год.

30. МА, ф. 39, оп. 1, д. 71, л. 1-3. Протокол №11 сессии тринадцатого созыва Садынского сельского совета депутатов трудящихся от 19 февраля 1973 года.
31. МА, ф. 39, оп. 1, д. 81, л. 77-80. Протокол №5 очередной сессии Садынского сельского совета депутатов трудящихся от 26 декабря 1975 года.
32. МА, ф. 39, оп. 1, д. 81, л. 85-87. Справка о выполнении условий Всероссийского социалистического соревнования за 1974 год.
33. МА, ф. 39, оп. 1, д. 82, л. 25-28. Протокол 11-го заседания сессии Садынского сельского совета от 23 декабря 1976 года.
34. МА, ф. 39, оп. 1, д. 84, л. 34-38. Отчет о работе исполкома Садынского сельского совета народных депутатов за 1977 год.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Основной предмет исследования – традиционное оленеводство в эвенкийской общине – Садынском наслеге Западной Якутии – в контексте советской индустриализации и развития алмазной промышленности. Автор исследует экономические и политические факторы сокращения поголовья оленей, упадка оленеводства и социальные последствия этого для коренного населения Западной Якутии.

Автор использует комплексный подход к исследованию, применяя методы архивной работы, этнографии, демографии, социологии. Архивные материалы позволили автору реконструировать хронологию событий, выявить официальную позицию властей и понять механизмы принятия решений в отношении оленеводства в Садынском наслеге. Методы этнографии – полевые работы, внутренние наблюдения, интервью дали возможность глубже понять субъективный опыт местных жителей, их восприятие происходящих событий и их отношение к утрате оленеводства. Применены также методы статистики для анализа состояния оленеводства в Сандыкском наслеге.

Актуальность исследования обусловлена проблемами социального и этнокультурного развития коренных народов Севера, столкнувшихся с глубокими изменениями в результате процессов модернизации и глобализации. Статья демонстрирует, как развитие крупной промышленности может оказывать негативное воздействие на традиционные формы хозяйствования и культуру коренных народов. Исследование также подчеркивает важность сохранения традиционных знаний и практик коренных народов, которые находятся под угрозой исчезновения.

Автор выявляет новые аспекты проблемы, такие как связь между упадком оленеводства и развитием алмазной промышленности. В 1949 г., на первом этапе геологоразведочных работ, оленеводы привлекались к ним в качестве каюров. Первые жилые постройки в Садынском наслеге появились в 1950 г. для размещения работников Амакинской геологоразведочной экспедиции, само село Сюльдюкар, основанное в 1956 г., стало частью логистики поставки сельскохозяйственной продукции для разворачивающейся алмазной промышленности. Научная новизна исследования заключается в том, что оно детализирует локальный кейс – автор подробно анализирует историю одного конкретного наслега, что позволяет глубже понять специфику происходивших процессов. Важно, что в научный оборот введены материалы Муниципального архива (МА) Мирнинского района РС(Я) за 1965–1977 гг.: отчеты о состоянии животноводства, оленеводства, отчеты и протоколы заседаний Сандыкского сельского совета, протоколы общих собраний работников совхозов и сельских жителей.

Стиль изложения ясный и информативный. Автор использует большое количество

конкретных данных, исторической, этнографической информации из архивных документов и полевых материалов (ПМА), что обеспечивает достоверность основных положений статьи и аргументирует выводы. Структура работы логична и последовательна. Содержание охватывает широкий круг вопросов, связанных с историей оленеводства в Садынском наслеге, от его расцвета в 1960-х годах до полного упадка в 1970-х.

Библиография достаточно обширна, включает как российские, так и зарубежные источники. Однако следует отметить, что автор недостаточно обращается к публикациям за последние 5 лет, они составляют лишь 10% библиографического списка, а если учитывать и ссылки на архивные материалы, то и того меньше – 6%. Также автор ограничивает библиографию работами, имеющими отношение непосредственно к эвенкам, не обращаясь к общим работам по проблемам коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока. Кроме того, актуальным было бы обращение к зарубежному опыту сохранения традиционного хозяйства и традиционного образа жизни народностей Севера, в частности, Канады и Аляски (США).

Автор не явно апеллирует к оппонентам, но косвенно критикует некоторые существующие интерпретации. Например, он оспаривает точку зрения о том, что упадок оленеводства был обусловлен только внутренними проблемами отрасли – эпидемиями, падежом оленей, сокращением поголовья. Автор убедительно доказывает, что ключевую роль сыграли внешние факторы, связанные с развитием алмазодобывающей промышленности.

Выводы аргументированы. Автор обоснованно считает, что утрата оленеводства в Садынском наслеге была обусловлена сложным сочетанием факторов, включая экономические, социальные и политические.

Исследование будет интересно широкому кругу читателей, включая историков, этнографов, антропологов, а также специалистов в области изучения коренных народов и проблем устойчивого развития.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кричевцев М.В. Процессы против адмиралов во Франции при Наполеоне I: к вопросу о роли следственного совета // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. С. 53-65. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72875
EDN: ZSGLDK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72875

Процессы против адмиралов во Франции при Наполеоне I: к вопросу о роли следственного совета

Кричевцев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук

доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1

 cm.martellus@gmail.com

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72875

EDN:

ZSGLDK

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2024

Дата публикации:

27-12-2024

Аннотация: В предлагаемой статье рассматривается малоизученный в науке институт следственного совета во Франции при Наполеоне I. В качестве «совета флота» он был учрежден по императорскому декрету от 22 июля 1806 г. для исследования поведения высших морских офицеров, если оно вызывало подозрения и могло считаться преступным. Цель работы состоит в определении роли следственного совета в системе органов следствия и суда военно-морского флота Франции периода Первой империи. Для этого был проведен анализ нормативного регулирования института следственного совета и его функционирования на примере процессов в отношении двух адмиралов имперской эпохи – контр-адмирала Дюмануара и вице-адмирала Вилларе де Жуйёза (1809–1810 гг.). Предметом исследования выступает история становления данного института в эпоху Наполеона I. В работе над темой были использованы опубликованные

первоисточники и рукописные материалы (фотокопии) из архивных собраний и Национальной библиотеки Франции. При изучении материала применялись методы конкретно-исторического и сравнительного анализа, проведен структурно-функциональный анализ следственных советов. В ходе исследования были сделаны следующие наблюдения. Следственный совет можно определить одновременно и как орган досудебного следствия, и как орган выдвижения обвинения. В отличие от обвинительного жюри присяжных он состоял из назначенных офицеров и сам производил предварительное следствие по уголовному делу. Он также оценивал собранные доказательства и выдвигал обвинение, которое предоставлялось на рассмотрение монарху. По материалам дел Дюмануара и Вилларе де Жуайёза совет предстает как орган личной императорской власти во Франции. Он создавался по инициативе монарха, император определял его состав и место созыва. Государь рассматривал окончательные выводы следствия о наличии доказательств преступления и принимал решение об организации суда над обвиняемым. Применение института следственного совета осуществлялось далеко не в каждом случае. По сути, оно рассматривалось как особая милость монарха, который позволял предварительно исследовать вопрос о достаточности доказательств для выдвижения обвинения и создать некие досудебные гарантии от произвола. Однако, как показывает практика применения института, с задачей бескомпромиссного ведения следствия советправлялся не всегда.

Ключевые слова:

военно-морская юстиция, предварительное следствие, адмиралы, следственный совет, совет флота, военный совет, обвинительное жюри, Первая Французская империя, Трафальгарское сражение, остров Мартиника

В конце XVIII и в самом начале XIX в. военно-морской флот Франции располагал достаточным числом кораблей и хорошим кадровым составом офицеров. Однако общая стратегия императора Наполеона I, который видел основное развертывание боевых операций на суше и придавал флоту лишь вспомогательное значение, негативно сказалась на участии флота в военных событиях эпохи. Морские силы Франции в это время уступили мощи и активности флотов Великобритании. Разгром соединенной франко-испанской эскадры в октябре 1805 г. у мыса Трафальгар стал знаковым событием эпохи. Оправиться после этого поражения императорский флот так и не смог, перейдя полностью к обороне своих портов и обеспечению континентальной блокады главного противника. В этих сложных условиях задачи поддержания дисциплины и наказания виновных в поражениях моряков призвана была решать военно-морская юстиция. В отличие от штатской юстиции она не знала института обвинительного жюри – органа предания суду. Однако в редких случаях, когда речь шла о высших морских командаирах, во Франции назначался особый орган – следственный совет, который должен был предварительно оценить поведение командира, прежде чем его делом займется военный суд (военный совет).

Институт следственного совета эпохи Первой империи (1804–1814) слабо исследован в историко-правовой науке. Можно, пожалуй, назвать только одну работу, где проводится анализ данного органа в рамках общего обзора военно-морской юстиции Наполеоновского времени – книгу С. Мюффа. Французская исследовательница привела сведения о законодательном регулировании института (по императорскому декрету 1806

г.) и некоторые материалы по делу Дюмануара [\[17, р. 271-276\]](#). Однако сведений о следственных советах по другим делам у нее нет. Учитывая состояние историографии и слабую разработанность института в научных исследованиях, в настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел. Изучение данной темы может способствовать пониманию более широких проблем истории военно-морской юстиции и флота Франции, вопросов взаимодействия монархической власти и правосудия в период Первой империи.

Цель предлагаемой статьи заключается в определении роли следственного совета в системе органов следствия и суда военно-морского флота Франции периода Первой империи. Для этого в работе проводится анализ нормативного регулирования института следственного совета и его функционирования на примере процессов в отношении двух адмиралов имперской эпохи – контр-адмирала Дюмануара и вице-адмирала Вилларе де Жуйёза (1809–1810 гг.). Предметом изучения выступает история становления данного института при Наполеоне I, начиная с его учреждения в 1806 г. Объектом изучения служит процессуальное право военно-морского флота Франции в период Первой империи в части, относящейся к производству досудебного следствия. К исследованию были привлечены в основном опубликованные первоисточники: акты законодательства, доклады следственных советов монарху, переписка императора, а также некоторые рукописные материалы (фотокопии) из собраний Национальных архивов заморской Франции (*Archives nationales d'outre-mer – ANOM*) (материалы служебной переписки Морского министерства и колоний) и из фонда Национальной библиотеки Франции (BnF) (бумаги Бугенвиля, члена следственного совета по делу Дюмануара). В работе при изучении материала были применены методы конкретно-исторического и сравнительного анализа, проведен структурно-функциональный анализ следственных советов 1809 г.

Говоря об институте следственных советов, видный теоретик военно-судебного права эпохи Реставрации П.-А. Одье заметил, что они не были установлены каким-либо законом, но упоминались в законодательстве «как нечто, что должно было быть освящено нравами и временем» [\[18, р. 321, 322\]](#). Применительно к военно-морскому праву это замечание не совсем верное, так как следственные советы были учреждены по особому закону – императорскому декрету от 22 июля 1806 г. [\[9\]](#) Правда, они фигурировали там под другим названием как «советы флота» (*conseils de marine*). Однако последующая практика применения данного закона свидетельствует о тождестве данных терминов. В других актах императорской власти о формировании подобных органов совет флота обозначается именно как «следственный совет» (*conseil d'enquête*), так что не вызывает сомнений, что речь идет об одном и том же органе под разными наименованиями. При Наполеоне III был издан Кодекс военной юстиции для морской армии 1858 г., где в арт. 365 упоминание о следственном совете сопровождалось ссылкой к декрету от 22 июля 1806 г., это также подтверждает данное тождество [\[22, р. 876\]](#).

Рассмотрим нормативное регулирование данного института. Декрет императора Наполеона I от 22 июля 1806 г. был посвящен как организации советов флота, так и организации полиции и правосудия на борту кораблей [\[9\]](#). Поэтому декрет содержал также нормы об учреждении других военно-судебных органов (советов юстиции, военных советов) для суда над моряками и меры по поддержанию порядка и дисциплины на флоте. Собственно советам флота уделена меньшая часть закона – 15 артикулов из 78. В этих 15-ти артикулах говорилось о порядке формирования и составе совета флота, порядке ведения следствия, принятия решений по подследственному, обращения с

документацией. Советы флота не являлись постоянным учреждением и созывались только по мере необходимости. Они вводились только для определенного круга лиц, а именно: когда «следует проверить поведение генералов, капитанов кораблей и других офицеров, которым поручили командование нашими эскадрами, дивизионами или отдельными кораблями». Проверка должна была осуществляться в отношении «миссий, которые им доверили», а также «в экономии расходов и потреблений». Таким образом, расследование через совет флота предполагало изучение действий морских командиров на войне, а равно их распоряжение финансово-хозяйственной частью. Далее акт уточнял, что совет флота должен исследовать, насколько командиры в рамках их компетенции исполняли «данные им от нас», т. е. императора, «инструкции» и использовали ли «без необходимости» право, предоставленное командирам арт. 34 того же декрета. Арт. 34 предусматривал, что «в случае преступлений трусости перед врагом, мятежа или волнения, или всех иных преступлений, совершенных в обстановке угрожающей опасности, командующий, под свою ответственность, может наказать или отдать приказ о наказании виновных без соблюдения формальностей, в соответствии с обстоятельствами».

По поводу состава совета флота декрет 1806 г. не содержал точного расписания участников. Совет должен был быть составлен из такого числа генералов и командиров кораблей, какое император считает нужным для конкретного случая. Они должны были принимать участие в заседаниях в соответствии со старшинством пребывания в званиях. В случае исследования поведения генерала, совет флота должен быть составлен, по возможности, тоже из генералов. Если совет флота был призван исследовать вопросы расходования финансов и хозяйственной части, туда могли быть приглашены глава администрации и инспектор (последний – без решающего голоса). В составе совета выделялся один председатель, который мог выбрать одного из членов в качестве докладчика. При расследовании расходов и потреблений особо могли быть назначены двое членов для этой цели.

Совет флота созывался в определенном порту по указанию императора. После созыва совета председатель обязан был предупредить его членов, что из соображений чести и совести, они должны «избегать всякого предубеждения и пристрастия» в порученном исследовании, а также хранить молчание обо всем, что обсуждалось или решалось на совете. Таким образом, заседания совета флота должны были проходить тайно, в закрытом режиме. Лицо, чье поведение подвергалось проверке, или иное, чье присутствие было там необходимо, вызывалось по уведомлению председателя. Оно обязано было принести клятву говорить перед советом правду, отвечать на все поставленные вопросы и представить нужные записи. Информацию о поведении подчиненных генералов и командиров кораблей совету флота должен был представить командующий эскадрой, а они, в свою очередь, вызванные в совет, обязаны были сообщить о поведении служивших под их началом офицеров. Эти капитаны и подчиненные офицеры должны были передать председателю совета свои журналы и корабельные рабочие тетради. Результат расследования, достигнутый на каждом заседании совета, докладчик обязан был заносить в специальный регистр (равно как и окончательное решение совета).

Принятие решений на совете производилось по большинству голосов, в случае равного распределения голосов предпочтение отдавалось мнению председателя. Члены совета должны были подписать принятое решение, в случае расхождения с ним – представить особое мнение с изложением мотивов внизу протокола. Данный протокол с решением совета передавался министру флота для дальнейшего представления императору.

Император при этом оставлял себе «возможность сообщить затем» о своих «намерениях» [9]. Иначе говоря, последнее слово в отношении ответственности морского офицера было за монархом. Император вполне мог прекратить уголовное преследование или дать ему дальнейший ход.

Применение норм декрета от 22 июля 1806 г. на практике можно проследить по двум конкретным делам. Первое касалось контр-адмирала П. Дюмануара и его действий во время Трафальгарского сражения в 1805 г. Главным виновником поражения от англичан в этой битве называли адмирала П.-Ш. де Вильнёва (Villeneuve), командующего французской эскадрой. Вильнёв не смог искусно руководить флотом, потерял флагманский корабль и был пленен противником. Отпущеный из английского плена и опасавшийся преследования во Франции 22 апреля 1806 г. он, по распространенной версии, покончил с собой в отеле г. Ренна (Бретань) [24, р. 41, 42]. Смерть адмирала последовала раньше, чем был издан декрет об организации военно-морского правосудия, так что каких-либо указаний императора о созыве следственного совета для изучения его действий быть еще не могло. Однако в дальнейшем Наполеона I заинтересовал вопрос о правомерности действий при Трафальгаре другого морского офицера – Пьера Дюмануара Ле Пеллея. Командуя авангардом, Дюмануар достиг места сражения, но в бой якобы не вступил и предпочел удалиться, чем серьезно ослабил силы союзного флота. К изучению дела Дюмануара было приступлено только в 1809 г., когда император дал распоряжение морскому министру Д. Декре от 7 сентября организовать следственный совет. В его состав монарх приказал включить четырех человек: двух сенаторов графов Флёрье (Fleurieu) и Бугенвиля и двух вице-адмиралов Тевенара (Thévenard) и Розили (Rosily). Совет должен был проверить возникшие по многим свидетельствам подозрения в том, что Дюмануар не осуществлял маневров в соответствии с сигналами и «по велению долга и чести»; что не сделал всего возможного, чтобы освободить центр расположения французского флота и особенно флагманский корабль; что не атаковал неприятеля борт к борту и даже не приблизился к огню настолько близко, чтобы вступить в бой; что, наконец, покинул поле битвы, когда мог сражаться. Результаты расследования должны были быть доложены императору [11, р. 518].

Как отметила С. Мюффа, следственный совет по делу Дюмануара был составлен полностью из старослужащих офицеров генеральского звания, очень пожилых, из которых ни один не присутствовал в месте Трафальгарского сражения в 1805 г. И, по меньшей мере, никто из них не плавал уже два десятилетия [17, р. 274]. Думается, что упрекать членов совета в некомпетентности нельзя: все они опытные морские командиры. Так, сенатор Ш.-П. Флёрье (71 год, род. 1738), в прошлом генеральный директор портов и арсеналов морского флота, принимал участие в составлении почти всех планов морских операций во время франко-британской войны 1778–1783 гг. (за независимость США), морской министр (1790–1791) [8, р. 228, 229]. Сенатор Л.-А. де Бугенвиль (80 лет, род. 1729) – знаменитый кругосветный мореплаватель, участник морских боев в войне Франции и Англии за независимость США, командующий морской армией Бреста в 1790 г. (см.: [21]) Вице-адмирал А.-Ж.-М. Тевенар (76 лет, род. 1733) служил на флоте еще в Семилетнюю войну, строил корабли, в годы Революции был недолго морским министром (1791), командовал затем морскими силами Бреста, Тулона и Рошфора [6, р. 374, 375]. Вице-адмирал Ф.-Э. де Розили-Меро (61 год, род. 1748) участвовал в боях франко-британской войны в эпоху Людовика XVI, при Наполеоне с 1805 по 1808 г. командовал объединенным флотом Франции и Испании. Он самый

молодой из членов совета и плавал в 1800-е гг., вопреки мнению С. Мюффа [5, р. 239]. Можно также думать, что неучастие в Трафальгарском сражении делало членов совета более объективными и беспристрастными следователями. Император вполне резонно считал, что суждению этих опытных людей можно доверять.

Первое заседание следственного совета по делу Дюмануара было назначено Декре на 14 сентября 1809 г., в десять часов утра в отеле Морского министерства [2, f. 346]. Всего же было тринадцать заседаний [17, р. 274]. На них вызванный контр-адмирал давал свои показания по вопросным пунктам. Его ответы также проверялись данными журналов и рапортов других офицеров (в частности, журнала капитана Летелье и др.). В итоге, Дюмануару удалось убедить совет в своей невиновности даже по самым уязвимым позициям. Было представлено, что в день сражения 29 вандемьера XIV г. Республики (21 октября 1805 г.) контр-адмирал не смог сразу последовать подаваемым ему от командования сигналам из-за слабого ветра. Следовавшие за ним корабли авангарда тоже не реагировали на сигналы. Только через некоторое время удалось привести в движение флотилию авангарда, используя дополнительные плавсредства. Дюмануар также показал, что затем пытался пробиться на своем корабле «Formidable» к центру франко-испанского флота, к испанскому кораблю «Santísima Trinidad» и французскому флагману «Bucentaure» (на котором находился адмирал Вильнёв) и далее противостоял двум вражеским кораблям. Но, действуя с подветренной стороны, противники прошли прямо перед ним и нанесли серьезные повреждения мачте и оснастке. Присоединиться к флагману Дюмануар не успел и стал свидетелем его полного окружения и сдачи неприятелю. В этих условиях, располагая за собой только тремя судами из авангарда и имея сильные повреждения на «Formidable», контр-адмирал предпочел выйти из гущи сражения, чтобы спасти корабли и команды. Представленные совету документы зафиксировали аварийное состояние корабля «Formidable». Он получил пробоины от ядер и начал наполняться водой, состояние мачты не позволяло вести маневр. Дюмануар должен был принять экстренные меры, чтобы избежать затопления. Трем кораблям было приказано оберегать «Formidable» и при необходимости спасти экипаж. В этих условиях контр-адмирал уже не мог продолжать участие в сражении [13, р. 15, 16], [16, р. 220, 221], [23, р. 405–408]. Учитывая все изложенные обстоятельства, члены следственного совета сочли действия командира оправданными и единогласно заявили об отсутствии претензий к его поведению во время боя. Решение было подписано 20 октября 1809 г., и о нем было доложено императору.

Наполеон I, однако, не был полностью удовлетворен результатами проверки и 23 ноября издал распоряжение о проведении нового расследования в отношении Дюмануара. Требовалось изучить обстоятельства, последовавшие за сражением при Трафальгаре в столкновении у мыса Ортегаль 11, 12 и 13 брюмера XIV г. Республики (2, 3 и 4 ноября 1805 г.), когда контр-адмирал сдал четыре своих корабля «Formidable», «Scipion», «Mont-Blanc» и «Duguay-Trouin» в плен англичанам. Следовало установить, сделал ли в этих обстоятельствах контр-адмирал лично и своими маневрами все возможное для защиты эскадры, корабля, на котором находился, и «для чести оружия» Его Величества [2, f. 345]. Расследование было поручено следственному совету в том же составе: очевидно, что император по-прежнему не сомневался в компетентности его членов и способности вынести обоснованное решение.

Министр Декре 27 ноября 1809 г. известил членов совета о продолжении расследования и предложил проводить его заседания там же, в отеле Морского министерства, начиная с 28 ноября [2, f. 344]. Дюмануару снова пришлось давать показания. Среди бумаг

адмирала Бугенвиля из рукописного собрания Национальной библиотеки Франции сохранился текст объяснительной записки подследственного [2, f. 340-343v]. В ней Дюмануар изложил свое видение событий 11–13 брюмера XIV г. Республики (2–4 ноября 1805 г.). Описание не содержало общего плана движения эскадры контр-адмирала после Трафальгарского сражения, оно посвящено только конкретным событиям этих трех дней. Известно, что Дюмануар собирался вывести спасенные в этом сражении суда к французским берегам. В пути, 11 брюмера он наткнулся на два фрегата (очевидно, британских), которые не стали отвечать на его сигналы, затем еще на один фрегат, за которым контр-адмирал увязался, видимо, рассчитывая на легкую победу, имея четыре линейных корабля. Однако это преследование неожиданно вывело его к основным силам британцев. При свете дня 12 брюмера Дюмануар увидел эскадру противника из восьми кораблей, из которых было четыре линейных и четыре фрегата. Силы были неравными, и Дюмануар принял меры к скорейшей эвакуации. Чтобы облегчить движение, он даже приказал сбросить часть пушек с кормы «Formidable» в море, чем ослабил огневую мощь корабля. Попытка оторваться от преследования британской эскадры оказалась безуспешной. В конце концов, утром 13 брюмера противники представили друг перед другом в полной готовности сражаться. Контр-адмирал выстроил свои корабли в линию и принял неравный бой. После долгих часов он завершился полной победой противника и пленением горящих французских кораблей.

В оправдание контр-адмирал мог сослаться лишь на объективные обстоятельства, победить в которых оказалось невозможно. Его корабли уже находились в тяжелом состоянии после Трафальгара. Флагман «Formidable» имел повреждения и течь. По словам контр-адмирала, «люди, постоянно используемые на насосах, устали и пребывали в изнеможении (*sur les dents*)». Лучшие матросы и канониры погибли в последних боях или покинуты в госпиталях, а поражения ослабили мужество оставшихся в строю [2, p. 341v]. По данным контр-адмирала, он располагал на «Formidable» только 60-ю пушками (корабль нес ранее 80 пушек, остальные линейные корабли французской эскадры имели меньшее количество). У англичан из четырех линейных кораблей два имели по 80 пушек, так что противник имел явное огневое преимущество [2, f. 343, 343v]. Наконец, во время боя сам Дюмануар был ранен пулей в левую ногу и, видимо, уже не мог полноценно осуществлять свои функции [2, f. 342]. И все же, по мнению командира, французы не посрамили в этом бою своей чести. Даже английский командующий адмирал Стрэчен (Strachan) выразил свое уважение в рапорте британскому Адмиралтейству: «that the French squadron fought to admiration» (букв. «что французская эскадра сражалась до восхищения»). Дюмануар после битвы побывал в английском плену, и, видимо, знал эти подробности. Фразу на английском языке он вставил во французский текст в подтверждение показаний о достоинстве своих моряков. В заключение контр-адмирал выразил надежду, что следственный совет признает его поведение «поведением человека чести и генерала, сделавшего все возможное для защиты подразделения под своим командованием» [2, f. 343, 343v].

На этот раз мнение членов совета оказалось не столь благоприятным, как раньше. В своем окончательном заключении от 29 декабря 1809 г. совет посчитал, что в произошедшем есть вина Дюмануара («le contre-amiral Dumanoir a eu tort»). Она состояла: в отдаче в начале боя ошибочного приказа капитану корабля «Mont-Blanc» о совершении разворота, который затем сам контр-адмирал и отменил; в отказе от ведения огня по атакующим британским фрегатам, которые можно было разбить, сойдясь с ними вплотную; в повороте бортов кораблей только в ответ на огонь противника; вообще, в нерешительности во всех маневрах. Но одновременно следственный совет воздал

должное стойкости французских команд, которые в условиях явного перевеса противника вели бой на протяжении четырех с половиной часов и сдались только, когда были разбиты главные мачты их кораблей [13, р. 16, 17].

Получив заключение совета, министр Декре предложил императору несколько возможных вариантов для решения судьбы Дюмануара. Его можно было оставить на службе либо отстранить в результате увольнения по негодности, отставки или смещения с должности, либо предать суду военного совета [17, р. 276]. Император предпочел отдать контр-адмирала под суд. Морской военный совет по его делу был созван в порту Тулона. Председателем суда был вице-адмирал Гантон, членами совета вице-адмирал Альман, контр-адмиралы Космао и Боден, капитаны корабля Фэй, Трюле, Виолетт и Мартен. Докладчиком по делу выступал контр-адмирал Гурдон. Вместе с Дюмануаром судили двух подчиненных ему офицеров Беранже (Berenger), капитана корабля «Scipion», и Летелье (Le Tellier), капитана корабля «Formidable». Рассматривая данное дело, суд счел обвинения в отношении контр-адмирала и его офицеров беспочвенными, их храбрость и компетентность в деле у мыса Ортегаль не подлежали сомнению. Поэтому 8 марта 1810 г. все обвиняемые были оправданы, им были возвращены их шпаги [15, р. 3].

Учитывая обстоятельства и исход дела Дюмануара, можно высказать сомнение в непредвзятости и достаточной объективности следственного совета. Совет, созданный императором повторно, теперь явно желал подыграть намерениям Наполеона сделать контр-адмирала виновным за поражение у мыса Ортегаль. Иначе трудно объяснить, что в первом случае, когда позиции контр-адмирала были не вполне безупречными, он был полностью оправдан, а во втором случае совет пренебрег явными доказательствами невиновности командира и использовал возможные зацепки для его обвинения.

Для сравнения с рассмотренным выше следственным советом можно привести данные о совете по делу вице-адмирала Луи-Тома Вилларе де Жуайёза (Villaret-Joyeuse). Речь в данном случае шла не о морской операции, а о действиях адмирала на суше. С 1802 по 1809 г. он исполнял обязанности генерал-капитана Мартиники и вынужден был оборонять остров от нападения англичан в январе-феврале 1809 г. Силы нападавших и оборонявшихся были неравными. Англичане использовали флот и десанты пехоты, располагая в общей сложности 16 тыс. чел. У вице-адмирала было только 6 тыс., из которых было 3500 национальных гвардейцев и пять батальонов 82-го и 26-го пехотных полков под командой генерала Удето. Для нужд обороны имелось также около 300 пушек на фортах, батареях и в арсенале. Поскольку генерал Удето был уже очень стар, Вилларе де Жуайёз доверил основное командование войсками полковнику Монфору (Montfort). Последний посчитал, что основной удар англичане нанесут с западной части острова, в Каз Навир (к северу от г. Фор-де-Франс), поэтому приготовился ждать нападения здесь. Однако англичане произвели нападения с востока (основной удар) и с юга острова, чем привели французов в замешательство. Не сумев сдержать их натиска, вице-адмирал приказал отступить и держать основную оборону в районе Фор-де-Франса (на западном побережье Мартиники). При этом командир распустил национальную гвардию, ограничив защиту только солдатами регулярных войск. В итоге, 3 февраля 1809 г. гарнизон заперся в форте Дезэ (Desaix), который господствовал над городом Фор-де-Франс, и в редуте Буйе (Bouillé) [19, р. 257-259]. Любопытно отметить, что скромным французским силам здесь противостояли 11 английских генералов (примерно по одному на полторы тысячи подчиненных) [20, р. 354, 355]. Французы продержались двадцать дней, выдерживая атаки и бомбардировки противника, и сдались, когда возникла угроза взрыва на пороховом складе. Капитуляция французского гарнизона на

Мартинике была подписана 24 февраля 1809 г. (в подписании принимал участие брат вице-адмирала, бригадный генерал Вилларе). Сдача была почетной: гарнизон должен был выйти из укреплений с военными почестями, но сложить оружие за гласисом (земляной насыпью), офицерам сохранялись их шпаги. Пленных французов должны были на английских транспортах доставить во Францию, в Клермон-Ферран, и обменять на пленных англичан (равно по званию), за исключением самого вице-адмирала и его адъютантов, которые признавались свободными и доставлялись без обмена (текст капитуляции см.: [\[10, р. 332–338\]](#)). Наполеон, однако, воспротивился обмену пленных. Поэтому в Клермон-Ферран были доставлены только вице-адмирал и его адъютанты. Остальные солдаты и офицеры гарнизона Мартиники (в том числе и брат Вилларе) были отправлены пленными в Англию и освобождены только после падения императорской власти в 1814 г. [\[19, р. 259, 260\]](#),[\[20, р. 365\]](#)

Прибывшему на английском судне во Францию адмиралу был отдан приказ временно разместиться в г. Руане (Нормандия), ожидая дальнейших распоряжений. Находясь в Шёнбрунне, в Австрии 7 сентября 1809 г. Наполеон отдал приказ составить следственный совет для выяснения причин и обстоятельств сдачи Мартиники. (Совпадение или нет, но распоряжение о создании следственного совета по делу Дюмануара было отдано Декре в тот же день 7 сентября. Император был явно озабочен вопросами высшего командования флота.) Как и совет по делу Дюмануара, совет по делу Вилларе-Жуайёза включал четырех членов. Это: маршал и граф Серюрье (председатель); граф Дежан (Dejean), министр военной администрации; сенатор и граф Леспинасс (L'Espinasse); государственный советник и граф Гассенди [\[12, р. 1351\]](#),[\[20, р. 365\]](#). Их возраст был несколько моложе, чем в первом совете, но все они были военными с опытом. Маршал Империи Ж.-М.-Ф. Серюрье (67 лет, род. 1742) прославился в годы Революции, особенно в кампаниях в Италии, воевал против А. В. Суворова в 1799 г. Министр Ж.-Ф.-Э. Дежан (60 лет, род. 1749), военный инженер, также участвовал в военных событиях Революции, с 1795 г. являлся дивизионным генералом. Сенатор О. Леспинасс (72 года, род. 1737) руководил артиллерией во время Итальянских походов при Директории, и командующий Бонапарт добился для него звания дивизионного генерала. Государственный советник Ж.-Ж.-Б. Гассенди (61 год, род. 1748) тоже был артиллерийским офицером во время Революции, получил звание бригадного генерала, командовал артиллерией во время похода к Маренго в 1800 г. [\[3, р. 385, 386\]](#),[\[4, р. 217, 218, 530\]](#),[\[7, р. 165\]](#) Думается, подбор такого состава был не случаен. В нем не было морских офицеров, зато были специалисты инженерного и артиллерийского профиля, что наилучшим образом подходило к исследованию событий осады крепости.

В отличие от совета по делу Дюмануара следственный совет по делу о сдаче Мартиники не проводил непосредственно допросов вице-адмирала Вилларе, так как заседал в Париже, а Вилларе находился в Руане. Следствие велось на основе документов, представленных от участников осады: записки и писем самого вице-адмирала, ответов, сделанных на запросы совета от начальника штаба, директора инженерной службы, полковника 82-го полка, а также тайного сообщения от одного «высшего агента» в колонии (*un agent supérieur de la colonie*). Как существует из итогового доклада совета императору от 29 ноября 1809 г., совет детально оценил состояние гарнизона накануне осады, учитывая количество пушек, ружей и боеприпасов к ним, а также наличие провизии (зерна, печенья, соленого мяса и проч.) для продолжительной осады. Совет посчитал его вполне удовлетворительным: «артиллерия и инженерная часть были в состоянии, насколько колония могла это позволить», а «рвение войск, добрый дух колонии подавали... надежду на прекрасную защиту» [\[12, р. 1351\]](#). Надежда эта не

оправдалась, главным образом, из-за ошибок, допущенных командованием острова. Члены следственного совета подвергли суровой критике действия генерал-капитана Вилларе по организации обороны.

По мнению членов совета, основные причины, приведшие к падению французской власти на Мартинике, заключались в следующем. Вице-адмирал не вел наступательных действий против англичан, предпочитая им оборонительные. Он вполне мог атаковать противника еще до высадки на острове, но не предпринял этого. Когда же враг высадился с востока и с юга на Мартинике, Вилларе разделил войска на три части, ошибочно полагая, что произойдет также высадка с третьей стороны (с запада, в Каз-Навир), чем значительно ослабил оборону, и не двинул все имеющиеся силы против нападавших. Он также не комбинировал линейные войска с силами национальной гвардии, что могло укрепить защиту фортов. Вилларе еще до подхода англичан поспешил эвакуировать Фор-де-Франс, хотя ресурсы позволяли оставить гарнизон и обороняться. Не проследил за вывозом или уничтожением там военных припасов, так что англичане, овладев городом, нашли пушки, мортиры, снаряды и проч. Избрав основным опорным пунктом форт Дезэ, командующий перегрузил его войсками, хотя его казематы рассчитаны только на 300 чел. Наконец, вице-адмирал не побеспокоился о сохранности порохового магазина, который можно было заранее эвакуировать в противоударные галереи или затем прикрыть остатками от разрушенных казематов. В целом же следственный совет был сильно удивлен той «поспешности», с какой войска предпочли сдаться врагу, когда бомбардировки еще не разрушили укреплений, поддавшись страху «увидеть взорвавшийся пороховой магазин» [12, р. 1352]. Как видно из этого перечня, совет выдвинул против Вилларе серьезные обвинения, даже не приняв во внимание, что он был морским офицером и не имел опыта ведения сухопутных операций (чем можно было объяснить допущенные ошибки).

Император, крайне недовольный заключенной капитуляцией, сдачей гарнизона и потерей Мартиники, поначалу желал суда над вице-адмиралом. На докладе следственного совета 6 декабря 1809 г. была оставлена помета с подписью Наполеона: «отослано к морскому министру для исполнения законов Империи против обвиняемых» [12, р. 1352]. В соответствии с этим распоряжением монарха Декре начал готовить организацию военного совета. В письме от 23 декабря к военному министру Кларку (в архивной описи адресатом этого письма ошибочно указан Дежан, министр военной администрации, однако, в тексте присутствует обращение с титулом к министру – «duc», герцог, а Кларк был герцогом Фельтрским) морской министр поделился соображениями об организации этого суда. По его мнению, судить генерал-капитана Мартиники и командующего гарнизоном этой колонии следует по законам и регламентам Военного департамента и судом из офицеров, подчиненных этому министерству. Предложенный состав должен был включать в качестве председателя генерала-главнокомандующего армиями (маршала Империи), в качестве других членов – трех дивизионных и трех бригадных генералов, а также комиссара-распорядителя (*commissaire-ordonnateur*) для исполнения функций комиссара императора. Совет планировалось созвать в Руане [1, f. 177, 177v]. На запрос морского министра о выделении офицеров для этого суда Кларк, однако, реагировать не спешил. Это было, видимо, связано с колебаниями самого императора в необходимости наказания Вилларе. В конце концов, и сам морской министр представил Наполеону мнение о желательном снисхождении к вице-адмиралу, учитывая его заслуги на морской службе и некомпетентность в ведении сухопутных операций. Первоначальный гнев императора остыл, и военный совет по делу Вилларе де Жуйёза так и не был созван. Вице-адмиралу в 1811 г. было позволено переехать к родным в

Версаль, а затем последовало его назначение на пост губернатора Венеции [\[19, р. 263, 264\]](#),[\[20, р. 366\]](#),[\[14, р. 267\]](#).

Пример следственного совета по делу вице-адмирала Вилларе де Жуйёза показывает, что совет действовал беспристрастно, кропотливо исследуя имевшиеся доказательства, его выводы были точными и объективными. Однако предание подследственного суду находилось вне компетенции совета, его мнение носило рекомендательный характер, и, в итоге, император им не воспользовался.

Говоря об институте следственного совета в целом, можно определить его одновременно и как орган досудебного следствия по военно-уголовному делу, и как орган выдвижения обвинения. Учитывая его коллегиальный характер, можно сравнить его с Большим (обвинительным) жюри в ангlosаксонском праве. Большое жюри (например, в Англии или США) – коллегиальный совет присяжных, который подводил итог предварительному следствию (по доказательствам, собранным органами полиции) и утверждал обвинительный акт, передавая дело для дальнейшего рассмотрения в суд. По данному образцу во Франции с 1791 по 1811 г. также существовало обвинительное жюри присяжных для штатского правосудия. В отличие от обвинительного жюри следственный совет состоял не из присяжных, а из назначенных офицеров, сам проводил следственные действия и занимался поиском необходимых доказательств, а далее уже оценивал их и выдвигал обвинение. Однако у совета не было полномочий назначить суд, это была прерогатива императора.

Следственный совет по материалам дел Дюмануара и Вилларе де Жуйёза предстает как орган личной императорской власти во Франции. Он создавался по инициативе монарха, император определял его состав и место созыва. Государь рассматривал окончательные выводы следствия о наличии доказательств преступления и принимал решение об организации суда над обвиняемым. Следует также отметить, что применение института следственного совета осуществлялось далеко не в каждом случае. По сути, оно рассматривалось как особая милость монарха, который позволял предварительно исследовать вопрос о достаточности доказательств для выдвижения обвинения и создать некие досудебные гарантии от произвола. Однако, как показывает практика применения института, с задачей бескомпромиссного ведения следствия совет справлялся не всегда.

Библиография

1. ANOM. COL C8 A 118 F 177
2. Bibliothèque nationale de France (BnF). Collection MARGRY, relative à l'histoire des Colonies et de la Marine françaises. Lettres et journaux de Bougainville.
3. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. Par M. C. Mullié. P.: Poignavant et Cie, éditeurs, s./d. T. 1.
4. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. Par M. C. Mullié. P.: Poignavant et Cie, éditeurs, s./d. T. 2.
5. Biographie des hommes vivants... . P.: Chez L.-G. Michaud, libraire-éd., 1819. T. 5.
6. Biographie universelle, ancienne et moderne. P.: Chez L.-G. Michaud, libraire-éd., 1826. T. 45.
7. Biographie universelle, ancienne et moderne. P.: Chez L.-G. Michaud, libraire-éd., 1838. T. 65.
8. Biographie universelle (Michaud) ancienne et moderne. P.: Chez madame C. Desplaces, éd.-propriétaire, et chez M. Michaud, 1856. T. 14.
9. Bulletin des lois de l'Empire français. Sér. 4. P.: De l'Imprimerie impériale, an 1807. T. 5. Bull. 110. № 1804.

10. Code de la Martinique. Nouv. éd., continuée par M. Dufresne de St-Cergues. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1814. T. 5.
11. Correspondance de Napoléon Ier. P.: Imprimerie impériale, 1865. T. 19.
12. Gazette nationale ou le Moniteur universel. 7 Décembre 1809. № 341.
13. Gazette nationale ou le Moniteur universel. 5 Janvier 1810. № 5.
14. Johnson K. G. Louis-Thomas Villaret de Joyeuse: Admiral and Colonial Administrator (1747-1812). A Dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy. Florida State University, 2006.
15. Journal de Lyon et du département du Rhône. 17 Avril 1810. № 46.
16. Jurien de La Gravière E. Guerres maritimes sous la République et l'Empire. 6e éd. P.: G. Charpentier, éd., 1879. T. 2.
17. Muffat S. Les marins de l'Empereur. S./l.: Éditions SOTECA, 2021.
18. Odier P.-A. Cours d'études sur l'administration militaire. P.: Anselin et Pochard, libraires, 1824. T.4.
19. Ortholan H. L'Amiral Villaret-Joyeuse des Antilles à Venise 1747–1812. P.: Bernard Giovanangeli Éditeur, 2005.
20. Poyen H., de. Les guerres des Antilles de 1793 à 1815. P.-Nancy: Berger-Levrault et Cie, éditeurs, 1896.
21. Roy J.-J.-E. Bougainville. Tours: A. Mame et fils, éditeurs, 1879.
22. Tous les codes officiels français y compris les Codes militaire et maritime. P.: H. Plon, imprimeur-éd., 1866.
23. Troude O. Batailles navales de la France. P.: Challamel Ainé, éd., 1867. T. 3.
24. Vovard A. La mort de l'amiral Villeneuve et le sergeant Guillemand // Feuilles d'histoire du XVIIe au XXe siècle / sous la dir. de A. Chuquet. P.: Librairie R. Roger et F. Chernoviz, 1910. T. 4. P. 40–49.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Процессы против адмиралов во Франции при Наполеоне I» является роль и функции следственного совета в системе военно-морского судопроизводства Франции периода Первой империи (1804-1814 гг.). Автор анализирует нормативную базу и практическое применение данного института на примере конкретных судебных процессов над адмиралами Пьером Дюмануаром и Луи-Тома Вилларе де Жуайёзом.

Статья будет безусловно интересна специалистам, благодаря богатству конкретно-исторических наблюдений автора. Автор использует комплексный подход, сочетающий конкретно-исторический и сравнительно-правовой анализ. В работе применяется структурно-функциональный метод для изучения деятельности следственных советов. Источниковую основу исследования составляют опубликованные источники, такие как законодательные акты, доклады следственных советов, переписка императора Наполеона I, а также архивные материалы, отложившиеся в Национальном зарубежном архиве Франции (Archives nationales d'outre-mer).

Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью темы в историко-правовой науке. Институт следственного совета времен Первой империи остается малоизученным аспектом военно-морской юстиции Франции. Исследование помогает

заполнить существующие пробелы в знаниях о взаимодействии монархической власти и правосудия в этот период.

Научная новизна статьи заключается в глубоком анализе нормативной базы и практики функционирования следственных советов в контексте военно-морского права Франции начала XIX века. Автор впервые проводит сравнительный анализ двух известных судебных процессов, что позволяет выявить особенности применения института следственного совета в различных ситуациях.

Статья имеет четкую структуру. Стиль изложения характеризуется научной строгостью и логичностью. Библиография включает широкий спектр источников, включая как опубликованные работы, так и архивные материалы.

Автор подчеркивает важность института следственного совета в системе военно-морского правосудия Франции при Наполеоне I: приходит к выводу, что деятельность следственных советов играла ключевую роль в поддержании дисциплины и наказании виновных в поражениях флота.

В статье доказано, что институт следственного совета играл ключевую роль в системе военно-морского правосудия Франции при Наполеоне I. Этот орган выполнял функцию предварительного расследования и оценки поведения высших морских командиров перед тем, как их дела передавалось в военный суд. В статье показано, что учреждение и функционирование следственных советов основывалось на императорском декрете от 22 июля 1806 года, при этом совет занимался расследованием действий командиров, связанных с управлением флотом и использованием ими финансовых ресурсов. На основе анализа двух конкретных дел — процесса против контр-адмирала Пьера Дюмануара и вице-адмирала Луи-Тома Вилларе де Жуйёза — продемонстрировано, что следственные советы применялись избирательно и часто исход дела всё равно зависел от политической воли императора.

Статья также указывает на необходимость дальнейшего изучения темы для лучшего понимания истории военно-морской юстиции Франции.

Статья будет интересна специалистам в области истории, права и военной истории, а также всем, кто интересуется эпохой Наполеоновских войн. Широкий охват темы и глубокий анализ делают работу ценным вкладом в научное знание.

Рекомендую статью к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Винокуров А.Д., Винокурова О.Е., Гоголева Д.А., Прокопьева Н.И. Документирование учета населения ведомства Управы Кангаласских (Лено-Алданских) тунгусских родов за 1768-1917-ые гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. С. 66-75. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72732 EDN: WILPNU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72732

Документирование учета населения ведомства Управы Кангаласских (Лено-Алданских) тунгусских родов за 1768-1917-ые гг.

Винокуров Александр Данилович

ORCID: 0000-0001-8925-8750

Младший научный сотрудник, ИГИиПМС СО РАН

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, оф. 410

✉ ad.vinokurov@yandex.ru

Винокурова Ольга Егоровна

кандидат педагогических наук

доцент; институт Физической культуры и спорта; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677013, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 48, оф. 284

✉ olgvin@mail.ru

Гоголева Дайана Айсеновна

Младший научный сотрудник; Отдел энциклопедистики; ГБУ "Академия наук Республики Саха (Якутия)"

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 405

✉ creta12@mail.ru

Прокопьева Нургуйаана Иннокентьевна

Младший научный сотрудник; Отдел энциклопедистики; ГБУ "Академия наук Республики Саха (Якутия)"

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 405

✉ nyurtolli@mail.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72732

EDN:

WILPNU

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2024

Дата публикации:

17-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является организация документирования учета населения ведомства Управы Кангаласских тунгусских родов за 1768-1917-ые гг. Цель исследования – выделить комплекс архивных документов по учету населения кангаласских тунгусов, сохранившихся за период 1768-1917 гг., уточнить вид, время и специфику их создания и раскрыть их информационные возможности. Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи: 1) выявить в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) источники по истории народонаселения кангаласских тунгусов; 2) оценить уровень сохранности документов; 3) выявить их практическую значимость при воссоздании демографического и социокультурного облика тунгусских родов. Географические рамки исследования ограничены соответствуют ареалу проживания родов, подчинявшихся ведомству Управы Кангаласских тунгусских родов. Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности и объективности. Системный подход позволил рассмотреть весь комплекс документов родовых управлений как единое целое. Метод источниковедческого анализа позволил произвести оценку информационной ценности и практической значимости выявленных документов. В результате проведенной работы нами выявлен комплекс документов по учету населения Управы Кангаласских тунгусских родов, выявлена специфика их формирования и практического использования в деятельности Управы, подготовлена электронная база данных содержащая сведения о родовом составе и местах кочевий. Научная новизна исследования заключается в проведении источниковедческого анализа выявленного комплекса документов Управы Кангаласских тунгусских родов, их информационных возможностей при воссоздании демографического и социокультурного облика тунгусских родов. По итогам работы сделан вывод о необходимости дальнейших исследований в связи с наличием большого количества неопубликованных документов. Материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания исторических дисциплин, разработке учебных пособий, проведении отдельных и обобщающих исследований по истории коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова:

Якутия, Алданский район, эвенки, тунгусы, родовой состав, Кангаласские тунгусы, административно-территориальное устройство, обзор документов, документы переписи населения, статистические документы

Исследование выполнено при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Полюс» (Полюс Фонд) в рамках договора № ГК /ПФ 18-24 от 12.06.2024 г.

С вхождением Якутии в состав Российского государства в 1632 г. начался период ее письменной истории в связи с интеграцией в орбиту государственных, экономических и

общественных отношений. Служилыми людьми и казаками неоднократно предпринимались мероприятия по учету ясачного податного населения нашедшие свое отражение в книгах ясачного сбора, сысков о ясачном недоборе, окладных книг и росписей соболиной казны [\[2, с.4\]](#). Безусловно данные документы открывают свет на родовой состав, места расселения и исконные языческие имена, но, к большему сожалению, не имеют подробных сведений о посемейном составе семей.

В фондах федеральных и регионального архивов не сохранились материалы 1 (1718-1727), 2 (1743-1747) и частично 3 (1761-1767) ревизий населения, в связи с этим хронологические рамки исследования охватывают временной отрезок с 1768 по 1917 гг. Нижняя граница связана с материалами третьей ревизии населения Якутской области Иркутской губернии Российской империи. Верхняя граница совпадает с Всероссийской сельскохозяйственной переписью населения 1917 г. проведенной накануне событий октябрьской революции. В работе использованы такие понятия как «тунгусы» (народы, говорившие на тунгусо-маньчжурских языках, в частности современные эвенки), «ясашные» (ясачные) и «инородцы», имевшие широкое политico-правовое применение в делопроизводстве дореволюционной России [\[1, с.117\]](#).

Географические рамки исследования ограничены ареалом проживания тунгусских родов, подчинявшихся ведомству Управы Кангаласских тунгусских родов, осуществлявшей свою деятельность до 1918 г. Исторически население было локализовано в пределах кочевий двух групп: 1) Лено-Вилюйская (часть 1-го Шологонского, 2-й Шологонский и часть Нюрбатского родов); 2) Лено-Алданская (1, 2, 3-й Бельдетские, Буягирский, Мякягирский, 1, 2-й Шологонские, Нюрбагатский роды).

Комплекс архивных документов по учету тунгусского населения Управы Кангаласских тунгусских родов отложился в фондах Головы семи Кангаласских бродячих тунгусских родов (Ф.И158), Якутской духовной консистории (Ф.И226), Якутского статистического комитета (Ф.И343) и Якутского областного казначейства (Ф.И349) Национального архива Республики Саха (Якутия).

Кочевой образ жизни тунгусов, связанный с промысловой охотой и оленеводством не предполагал наличие стационарных поселений тем самым существенно усложняя точный подсчет населения. Тем не менее персональный учет податного ясачного населения велся весьма успешно и приобрел свои специфические черты. Основной массив архивных источников представлен материалами ревизских сказок (1768, 1795, 1816, 1850, 1858 гг.), переписных листов (1897 г.), посемейных списков (1907-1908 гг.) и листов сельскохозяйственной переписи (1917 г.). Однако, перепись 1917 г. По тунгусам Кангаласских родов сохранилась не в полной мере, в связи с этим были просмотрены официальные сборники сводных статистических данных. Отдельный и важный по своей значимости массив документов церковного учета Якутской духовной консистории содержит метрические книги и исповедные росписи.

С выходом в 1822 г. устава «Об управлении инородцами» в 1820-1830-ые гг. была образована Управа Кангаласских тунгусских родов для осуществления функций управления, учета населения и сбора ясака. Головы (главы) Управы избирались из числа самих тунгусов на общих сходах родовых старост и старшин всех тунгусских родов, входящих в Управу. Данный порядок самоуправления сохранялся вплоть до 1917 г. Однако, тунгусы на основании Устава не были ограничены и не закреплялись за одной управой, и могли по приговору родовых сходов (суглан) переходить другие тунгусские управы или же в иные податные сословия.

4-ая ревизия (1768 г.)

Материалы ревизских сказок 4-й переписи населения были связаны с деятельностью уложенной комиссии 1768 г. [31] (в фольклоре – Мирон комиссия). На момент проведения ревизии тунгусы будущей Управы Кангаласских родов уже проживали на территории центральной Якутии, но в то же время продолжали платить ясак в ведомстве Верхневилюйского и Олекминского острогов. Комиссия под руководством коллежского асессора Мирона Мартыновича Черкашенинова принял во внимание факт географической удаленности от исходных мест уплаты ясака перевела тунгусов семи родов в ведомство будущего Якутского округа. Впоследствии тунгусы семи родов стали называться «подгородними». Составленная ревизская сказка содержала три графы: 1) № (порядковый номер); 2) Имена и прозвания; 3) Лета. Имеются имена князцов по родам (родоначальников). К сожалению, ревизия не учла лиц женского пола. Сводные данные ревизии приведены в таблице 1.

Таблица 1.

№	Наименование	Князец	Возраст			Всего
			До 18 лет	От 18 до 50 лет	От 50 и свыше	
1.	Буягирский	Корегей Ирпенев	40	34	8	82
2.	Нениганский (<i>Нюргаган</i>)	Кысанча Генелеев	29	19	5	53
3.	Шологонский	Бакулунь Диктулин	16	15	2	34
4.	Бельдетский	Гоига Тесельбин	18	25	7	50
5.	Бельдетский	Таруга Дерганичин	17	11	8	36
6.	Бельдетский	Бакунча Деунин	24	13	5	42
7.	Буругацкий	Анырка Лопчагин	156	122	38	316
Всего ясакоплательщиков мужского пола						613

В деле имеются сведения о размере облагаемого ясака на каждый род. Личные имена ясакоплательщиков в основном представлены тунгусскими (эвенкийскими), и небольшое количество якутских и христианских имен.

5-ая ревизия (1795 г.)

На данный момент нельзя с точностью определить, была ли ревизская сказка составлена как единый документ, либо разрозненные листы были подшиты позже. Данная ревизия содержит сведения о купцах, мещанах, дворовых людях, крестьянах Баягантайской волости и тунгусах [4]. Необходимо подчеркнуть, что тунгусы будущих Кангаласского и Алдано-Майского ведомства учтены вместе, но описаны по своим родам отдельно. Однако, в наименовании родов появилась уточняющая запись об округе, например, Буягирский тунгусский род Иркутской губернии, Якутской области и округи Кангаласского улуса. Составленная ревизская сказка содержала четыре графы: 1) №

(порядковый номер); 2) Имена и прозвания; 3) Лета; 4) Без заголовка (использовалась для примечаний). Имеются имена князцов по родам (родоначальников). К сожалению, ревизия также не учла лиц женского пола. Сводные данные ревизии приведены в таблице 2.

Таблица 2.

№	Наименование	Князец	Всего
1.	Буягирский	Копеди он же Долгуйбать Дедиканев	131
2.	Нениганский (Нюргаган)	Старшина Тарчахань Сирянинъ	89
3.	Шологонский	князец не указан	64
4.	Бельдетский	князец не указан	76
5.	Бельдетский	Бычигрась по крещении Григорий Филиппов	86
6.	Бельдетский	Муяга Ожигинъ он же Лучай Елдигинъ	37
7.	Буругацкий	Ярига он же Гарыга Омельянов	17
Всего ясакоплательщиков мужского пола			500

Сравнив данные ревизии 1795 с прежней 1768 г. заметна убыль 113 ясачных душ. Возможно, данный факт связан с откочевкой большей части Буругацкого рода, так как в 1795 г. в пределах Кангалацкой округи осталось всего 17 ясакоплательщиков из этого рода, а в 1768 г. их было 316 человек. Наряду с этим не удалось установить имена князцов Шологонского рода и одного из Бельдетских родов. В Нениганском роду указан только старшина.

7-ая ревизия (1816 г.)

Содержит сведения о 18 тунгусских родах, кочующих в пределах Якутского округа, в том числе о 6 родах кангаласских тунгусов. Ревизский учет наличного был проведен с марта по апрель 1816 г. [5]. Согласно описанию А.А. Пашинина: «Бланк сказки впервые вводил двусторонний формат заполнения сведений: слева – в отношении мужчин, справа – женщин. Данный вид формуляра действовал при всех последующих переписях, включая 10-ю, 1857–1859 гг. Для мужчин заполнялись графы: 1) № семьи; 2) установочные данные; 3) по последней ревизии «состояли и после оной прибыло», возраст; 4) из того числа выбыло, когда именно; 5) ныне налицо, возраст. Для женщин предусматривались графы: 1) № семьи; 2) установочные сведения; 3) «во временной отлучке», с ка- кого времени; 4) ныне налицо, возраст.» [12, с.83]. В ревизских сказках имеются имена князцов и оттиски печатей родовых управлений. В связи с миссионерской деятельностью Русской Православной церкви, многие тунгусы (эвенки) уже к моменту переписи были христианизированы. Сводные данные ревизии приведены в таблице 3.

Таблица 3.

№	Наименование	Князец	Пол		Всего
			Мужчин	Женщин	
1.	Буягирский	Номчукъ Корюгеевъ по крещении Соломон Афанасьев	147	99	246

		Лиханов			
2.	Нениганский (Нюрган)	Бобпонь Попров по крещении Паисий Скребыкинь		Сохранились не все страницы	
3.	Шологонский	Александр Латышев	85	68	153
4.	Шологонский	Адам Шадрин	43	32	75
5.	Бельдетский	Василий Решетников	75	65	140
6.	Бельдетский	Герасим Фомин	104	97	201

Бланки Нениганского (Нюрганского) рода по 7 ревизии не полные, отсутствует часть страниц, в связи с этим не представляется возможным установить точное количество лиц обоего пола. В то же время в ревизии отсутствуют упоминания о Буругацком и одном из Бельдетских родов, возможно они были причислены к одному из вышеперечисленных родов, либо бланки ревизии по ним не сохранились.

9-ая ревизия (1850 г.)

Оформлена отдельным делом, формы бланков за некоторым усовершенствованием повторяют бланки 7 ревизии [6]. Ревизия содержит сведения о пяти прежних родах Кангаласского тунгусского ведомства. Сводные данные ревизии приведены в таблице 4.

Таблица 4.

№	Наименование	Староста	Пол		Всего
			Мужчин	Женщин	
1.	Буягирский	Борис Лиханов	150	127	277
2.	Нюрганский	Григорий Семенов	90	77	167
3.	Шологонский	Осип Александров	70	41	111
4.	1-й Бельдетский	Василий Исаков (поверенный)	144	85	229
5.	2-й Бельдетский	Исак Мартынов	147	97	244
6.	3-й Бельдетский	Захар Иванов	36	26	62
7.	Никагирский	Павел Петров (десятник)	9	4	13
Всего:			646	457	1103

Как видно из таблицы произошло объединение двух шологонских родов в один, появился еще один, 3-й Бельдетский род. Часть Никагирского (Мякягирского) из ведомства Алдано-Майской управы присоединилась к Кангаласской управе в числе 13 душ. Имеются сведения о перемещении части ясачных тунгусов за пределы Якутии в Нерчинский округ.

10-ая ревизия (1858 г.)

Итоги 10-й ревизии сформированы в одно дело для 28 тунгусских родов Якутского и Вилуйского округов [7]. В деле присутствуют ревизские сказки семи родовых управлений

ведомства Управы Кангаласских родов. Сводные данные ревизии приведены в таблице 5.

Таблица 5.

№	Наименование	Староста	Пол		Всего
			Мужчин	Женщин	
1.	Буягирский	Борис Лиханов	180	144	324
2.	Нюрганский	Адам Семенов	91	76	167
3.	Шологонский	Егор Александров	95	66	161
4.	1-й Бельдетский	Василий Исаков	174	166	340
5.	2-й Бельдетский	Исаак Мартынов	160	114	274
6.	3-й Бельдетский	Степан Николаев	28	25	53
7.	Никагирский	нет	7	7	14
Всего:			735	598	1333

В связи с отсутствием собственного старосты в Никагирском роду в ревизской сказке Никагирского рода сведения о наличном составе ревизских душ удостоверил своей печатью Борис Лиханов голова Управы Кангаласских родов и староста Буягирского рода.

Всеобщая перепись населения 1897 г.

В 1897 г. состоялась Перепись населения Российской империи. Сохранились краткие формы переписных листов с неверными крайними датами, после просмотра всех листов сделан вывод об отсутствии части листов [8]. Сводные статистические материалы данной переписи нашли свое отражение в работах С.К. Патканова [11, 12] и приведены в таблице 6.

Таблица 6.

1897 год				
№	Наименование*	Мужчин	Женщин	Всего
1.	1-й Бельдетский	122	120	242
2.	2-й Бельдетский	193	137	330
3.	3-й Бельдетский	28	18	46
4.	Буягирский	54	47	101
5.	Нюрганский	118	86	204
6.	1-й Шологонский	195	145	340
7.	2-й Шологонский	126	86	212
8.	Мякягирский	11	11	22
Всего:		847	650	1497

*Наименования родов откорректированы в соответствии с общепринятыми названиями в делопроизводстве Якутской области за XIX в.

Как показывает таблица к 1897 г. Шологонских родов стало два. Отмечена убыль населения в Буягирском роде.

Посемейный список 1907 г.

Отложился в фонде Управы Кангаласских тунгусских родов, по своему виду является документом регионального статистического обследования. Содержит сведения о посемейном составе и возрасте учтенных лиц [\[9\]](#). К сожалению, в связи с наличием многочисленных правок по тексту списка по всей видимости внесенных спустя какое-то время, отсутствием сведений по некоторым родам (например, 2-му Шелогонскому) не представляется возможным произвести полный подсчет наличного населения по Управе.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г.

Постановлением Временного Правительства в 1917 г. в России была произведена сельскохозяйственная, земельная и городская перепись населения. Сводные данные переписи по кангаласским тунгусам отражены в работе М.П. Соколова «Якутская губерния по переписи 1917 г.» [\[13, с.23\]](#) (таблица 7).

Таблица 7.

1917 год				
№	Наименование*	Мужчин	Женщин	Всего
1.	1-й Бельдетский	173	157	330
2.	2-й Бельдетский	39	36	75
3.	3-й Бельдетский	29	27	56
4.	Буягирский	163	147	310
5.	Нюрбагатский	29	27	56
6.	1-й Шологонский	42	38	80
7.	2-й Шологонский	31	28	59
8.	Мякягирийский	7	7	14
9.	Анабыйский	55	50	105
Всего:		568	517	1085

*Наименования родов откорректированы в соответствии с общепринятыми названиями в делопроизводстве Якутской области за XIX в.

По сравнению с итогами переписи 1895 г. (1497 чел.) в переписи 1917 г. (1085 чел.) видна убыль общего числа населения на 412 человек. Тем не менее в отделившихся Нюрбагано-Чинском (92 чел.) и 2-м Шологонском (251 чел.) наслегах Западно-Кангаласского улуса числилось 343 человек обоего пола. В то же время в документах Национального архива РС(Я) отложился ряд документов, указывающих на перевод части тунгусов Кангаласского ведомства в период 1897-1917 гг. на постоянное место жительства в ведомство тунгусов Майского ведомства, в якутские наслега Якутского округа и сопредельные регионы такие как Иркутская и Амурская области.

Таким образом на основании вышеизложенной информации можно констатировать что учет населения кангаласских тунгусских родов производился в сроки и носил своевременный и системный характер. Содержащиеся в ревизских сказках и рапортах сведения о порядке сбора кочевого населения в определенный день и месте указывают на высокий уровень организаторской работы главы Управы и родоначальников. В то же время Управой несмотря на кочевой образ жизни населения собраны весьма достоверные сведения и велся учет мигрировавших в другие регионы своих сородичей.

Библиография

1. Конев, А. Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия / А. Ю. Конев // Теория и практика общественного развития. 2014, № 13. – С. 117-120.

2. Материалы по истории Якутии XVII века : (документы ясачного сбора) : Ч. 1. [в 3 частях] / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970.
3. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.1 Д.5997.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.1 Д.666.
5. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.1 Д.1295.
6. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.1 Д.3095.
7. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И349 Оп.4 Д.332.
8. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И158 Оп.1 Д.1.
9. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.И158 Оп.1 Д.16.
10. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников: (с приложением к II ч. трех племенных карт) / С. Патканов. Санкт-Петербург: Типография Сибирского акционерного общества "Слово". Ч. 1, вып. 2: Тунгусы собственно. 1906.
11. Патканов С.К. Статистические данные показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С. Патканов. Санкт-Петербург: Типография "Ш. Буссель". Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. 1912.
12. Пашинин, А. В. Ревизские сказки Государственного архива Республики Бурятия как источник по генеалогии крещеных инородцев // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018, № 3(31). – С. 77-95.
13. Соколов М.П. Якутская губерния по переписи 1917 года / Вып. 1: Организация переписи. Краткий статистико-экономический очерк губернии. Поулусные итоги. Иркутск : Издание Губернского Статистического бюро, 1917.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Хотя уже на территории Древней Руси помимо славянского этноса проживали финно-угоры, но только со второй половины XVI в. начинается процесс трансформацииmonoэтничной России в политэтничную, а ве семнадцатый прошел под знаком освоения бескрайних сибирских просторов. А ведь помимо решения возможных конфликтов само освоение новых территорий было связано с формированием сложной системы учета.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является учет населения ведомства Управы Кангаласских (Лено-Алданских) тунгусских родов за 1768-1917-ые гг. Автор ставит своими задачами проанализировать основные источники, а также рассмотреть учет населения кангаласских тунгусских родов. Как отмечает сам автор,

"географические рамки исследования ограничены ареалом проживания тунгусских родов, подчинявшихся ведомству Управы Кангаласских тунгусских родов, осуществлявшей свою деятельность до 1918 г."

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать мероприятия по учету ясачного

податного населения.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 13 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Национального архива Республики Саха, а также опубликованными статистическими документами. Из привлекаемых автором исследований отметим труды А.Ю. Конева и А.В. Пашишина, в которых рассматриваются различные аспекты изучения народов России. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей народов Крайнего Севера, в целом, так и эвенками, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что начиная с 1632 г. в Якутии "людьми и казаками неоднократно предпринимались мероприятия по учету ясачного податного населения нашедшие свое отражение в книгах ясачного сбора, сысков о ясачном недоборе, окладных книг и росписей соболиной казны". В работе показано, что "содержащиеся в ревизских сказках и рапортах сведения о порядке сбора кочевого населения в определенный день и месте указывают на высокий уровень организаторской работы главы Управы и родоначальников". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи,

"Управой несмотря на кочевой образ жизни населения собраны весьма достоверные сведения и велся учет мигрировавших в другие регионы своих сородцев".

Главным выводом статьи является то, что

"учет населения кангаласских тунгусских родов производился в сроки и носил своевременный и системный характер".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 7 таблицами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Данилов И.Б. Осмысление политico-правовой категории «империя» в юридической науке // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.69656 EDN: TTJAAB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69656

Осмысление политico-правовой категории «империя» в юридической науке

Данилов Игорь Борисович

ORCID: 0000-0002-6443-3951

кандидат юридических наук

заведующий кафедрой юриспруденции, Сибирский государственный университет геосистем и технологий

630108, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, каб. 437

✉ 0615222@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.69656

EDN:

TTJAAB

Дата направления статьи в редакцию:

24-01-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию фундаментального понятия «империя» в юридической науке, его сущности, природы и смыслового наполнения. В российской правовой доктрине, сформировавшейся под длительным воздействием марксистско-ленинских постулатов, указанная категория не используется в научном обороте классической теории государства и права. Вместе с тем, многозначность этого термина, его очевидная относимость к характеристике государственного устройства и большой исторический опыт существования имперских государств делают его юридический анализ и осмысление чрезвычайно перспективным. Выявление сущности имперского фактора позволит сформировать новые подходы к исследованию государств и анализу их формы. Категория «империи» в статье исследуется как с точки зрения её правового содержания, так и с точки зрения её философско-политического и социально-культурного наполнения. Методология научного исследования основывается на применении общенаучных методов познания (диалектический метод всеобщего

познания, системный, структурно-функциональный), общелогических (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение); частно-научных (формально-юридический, исторический). Применение исторического метода дало возможность осмыслить закономерности эволюции понятия империи в юридической, политической и социологической науке. На основании проведенного исследования определены различные представления о сути и природе империи. Выявлены научные позиции, отождествляющие империю с историческим типом государства, основанного на установлении в качестве доминант определенных принципов, ценностей и идеалов для организации наиболее справедливой и органичной жизни народов под его властью; со способом территориальной организации многонациональных государств; с формой государственно-территориального устройства. В статье произведено сравнение представленных позиций. Осуществлено соотнесение правового содержания данного понятия, философско-политического и социально-культурного. Сделан вывод о том, что юридическая проекция категории империи состоит в её определении как формы государства, обуславливающего специфику формы правления, государственно-территориального устройства и политического режима. Выделены ключевые особенности империи в указанных аспектах. Представленные результаты могут быть использованы как при проведении исторического анализа структурных и функциональных особенностей конкретных имперских государств в рамках истории государства и права, так и при разработке общего понятийно-категориального аппарата изучения государств и их форм в рамках теории государства и права.

Ключевые слова:

империя, имперский фактор, форма государства, тип государства, форма государственно-территориального устройства, форма правления, политический режим, народности, многонациональность, непрямое правление

Политико-правовая категория «империя» имеет фундаментальное значение для юридических, исторических, философских и междисциплинарных исследований, поскольку именно она обобщает политические, культурно-идеологические, социально-экономические и формально-юридические аспекты государственной организации общества, а также основы институционализации государственной власти. Смысловое наполнение данной категории является многогранным и неоднозначным. Общепринятое толкование представленного понятия в науке не сложилось. Анализируя различные источники, изначально можно выделить определения, сформулированные в толковых словарях русского языка. Так, согласно определению В. Даля «империя — ж. латин. государство, которого властелин носит сан императора, м. неограниченного, высшего по сану правителя» [1, с. 42]. В словаре Ожегова империя определяется как «Монархическое государство во главе с императором; вообще государство, состоящее из территорий, лишенных экономической и политической самостоятельности и управляемых из единого центра» [2, с. 245]. Советский энциклопедический словарь фактически дублирует указанную дефиницию, указывая, что «империя (от лат. *imperium* — власть), 1) монархическое государство, глава которого, как правило, носил титул императора. 2) империей назывались также государства, имевшие колониальные владения (например, Британская империя)» [3, с. 486].

Таким образом, можно обратить внимание на то, что представленные определения главным образом опираются на статус главы государства. Основополагающим признаком

выступает наличие у него атрибута высшего правителя. Единственной формой правления, при которой может существовать империя, называется монархическая. Определение Ожегова дополняет интерпретацию термина дополнительным измерением: отсутствием экономической и политической самостоятельности у территорий, входящих в состав империи. Таким образом, устанавливается содержание ещё одного элемента формы имперского государства: унитарное государственно-территориальное устройство. При этом констатация наличия ряда «территорий» позволяет косвенно сделать вывод об их неоднородности и обособленности друг от друга. Критерии гетерогенности при этом не определены.

Сама научная концепция империи, согласно сложившимся научным традициям, предполагает государство, к которому постепенно присоединяются новые территории, населенные различными народами, характеризующимися неодинаковым уровнем политического, экономического и социального развития, своеобразием культуры и традиций. Идея частичного «растворения» самобытности народов в имперском государстве в сочетании этого процесса с организацией различных политico-правовых форм автономии присоединенной территории в составе единого аппарата административного управления является устоявшейся в российской правовой науке.

Вывод о безусловной многонациональности империи соответствует и опыту российской государственности, а именно национальному составу Российской империи к началу XX века. Согласно опубликованным расчетам, основу населения государства составляли русские, включая украинцев и белорусов, их число оценивалось в 65,5%, также были представлены турки и татары (10,6%), поляки (6,2%) и другие народности [\[4, с. 35\]](#).

При этом сама идея империи в её философско-политическом осмыслении базируется на соединении правовых категорий с универсальными этическими ценностями. Восходя к истории Древнего Рима, концепция имперского государства предполагает установление в качестве доминант определенных принципов, ценностей и идеалов для организации наиболее справедливой и органичной жизни народов под его властью. Как отмечается, с точки зрения авторов – известного американского литературоведа Майкла Хардта и итальянского политического философа Антонио Негри – империя – это мир и гарантии справедливости для всех живущих в ней народов. Идея империи представляется «в образе глобального оркестра под управлением одного дирижера как единая власть, которая сохраняет социальный мир и производит этические истины» [\[5, с. 362\]](#). По этой причине любой империи органично свойственен процесс постоянного расширения. Экспансия империи определяется её объективной способностью разрешать конфликты между народами и организовывать их совместную жизнь [\[6, с. 29\]](#).

Процесс включения новых земель в состав государства и интеграции новых народов в единое социально-политическое пространство империи неизбежно сводится к решению вопроса административно-территориального оформления власти в регионах. Устойчивой традицией империи является организация власти, основанная на признании сложившихся управленческих структур присоединяемых областей, а также сохранении привилегированного положения местных элит. Учреждение нового уровня имперской власти чаще всего сочеталось с признанием легитимности существующих административных органов и учреждений и наделением их полномочиями в рамках единого имперского государства. Персональный состав этих органов также оставался неизменным и отдавался на усмотрение местных элит.

Исследуя бюрократический аппарат империи, один из ведущих представителей

исторической социологии Ч. Тилли в этой связи вводит новое понятие «непрямого правления». Данная категория подразумевает, что империя очень часто использует посредников в виде упомянутых выше местных элит. Как отмечает А. Миллер, «одна из причин, почему империя на большей части своей территории использует непрямое правление – у нее просто нет бюрократического аппарата, который бы мог обеспечить то, что мы называем прямым правлением – когда не только главенствующее лицо, но и его аппарат присылаются, назначаются из Центра» [\[7, с. 118-134\]](#).

Кроме того, гетерогенность регионов, входящих в состав империи, девальвирует административный управленческий опыт чиновников. Решения, эффективные и рациональные в одной местности, могут оказаться деструктивными в другой, поскольку не учитывают местной специфики, особенностей, уклада жизни, традиций, характера социальных связей и т.д.

Сохранение местной элиты в качестве основы бюрократического аппарата также способствовало усилению устойчивости государственной власти. Ч. Тилли отмечает, что «лингвистически, религиозно и идеологически гомогенное население создавало риск выступления против королевских интересов единым фронтом; гомогенизация увеличивала стоимость политики "разделяй и властвуй"» [\[8, с. 162\]](#).

Исторический опыт Российской империи свидетельствует об объективном характере выделенных особенностей интеграции новых земель в единое политico-правовое пространство империи. Н. И. Красняков выделяет следующий набор политico-правовых мероприятий в качестве перспективных линий этнополитики: «а) в условиях присоединения декларировалось сохранение «местных привилегий» и внутренней административной системы в национально-региональном управлении; б) кооптация местной элиты в общеимперскую; в) определение отдельным кодифицированным актом верховной власти контуров региональной системы управления с учетом особенностей местной социальной структуры, традиций в административном устройстве и праве; г) учреждение в центре высшего комитета по делам присоединяемой территории на время внедрения элементов регионального управления; д) приспособление и инкорпорация отдельных структур нормативно-управленческой системы территории к общеимперской администрации; е) распространение на регион в целом судебной системы империи с сохранением действия некоторых элементов местной обычно- и частноправовой правоприменительной практики; ж) нивелирование и ликвидация остатков системы внутреннего управления регионов и усиление через унификацию административного устройства государства, поскольку только оно выступало необходимым средством для установления, поддержания и укрепления государственного единства; з) возможность и в обстоятельствах нелояльности местных элит применения ненасильственного и насильственного силового принуждения к некоторым регионам и социальным группам» [\[9, с. 27-28\]](#).

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно подчеркнуть, что научная категория «империи» чаще всего соотносится именно со способом национально-территориального управления государством, характером организации управленческой конструкции «центр-регионы». Обязательными атрибутами имперского государства являются большая территория, централизованная власть, управление из единого центра. Являясь многонациональным государством, характеризующимся значительной неоднородностью экономического, политического, социально-культурного уровня территорий, своеобразием уклада их жизни, культуры, традиций, империя, помимо всего прочего, находится в состоянии перманентного расширения и присоединения новых земель с

постоянным решением вопроса административного оформления контуров новых властеотношений. При этом своеобразие империи состоит именно в способе решения этого вопроса и в форме организации власти в регионах, а также их взаимоотношений с центром. Указанное позволяет предположить, что юридическая проекция понятия «империя» определяет именно государственно-территориальное устройство государства, представляя собой его самостоятельный вид, наряду с унитарным государством и федерацией. Данный подход часто используется в юридической науке при попытке определить правовую природу империи как государства и сформулировать её определение [\[10, с. 28\]](#).

Вместе с тем, следует отметить, что представленный тезис не основывается на классических положениях теории государства. Российская юридическая наука, долгие годы складывавшаяся в контексте марксистско-ленинской парадигмы, игнорирует само понятие империя, вообще не используя его для характеристики формы государства. По этой причине современное осмысление «империи» именно в этом разрезе представляет значительный потенциал. Основным вопросом при этом является то, к какому именно элементу формы государства относится империя. По мнению И. А. Исаева, данная категория «не может быть найдена ни в разделе о формах государственного правления, ни в перечне форм государственного устройства. Не совпадая полностью ни с одной из этих категорий, империя как идеальный тип властевования, вместе с тем, частично присутствует в каждой из них: демонстрируя свойственную ей централизацию власти, она может напоминать диктатуру или монархию, в плане же территориального устройства и управления - федерацию или унитарную государственность» [\[11, с. 22\]](#).

Соглашаясь в целом с озвученной позицией, следует все же отметить, что невозможность отнесения империи ни к одному из элементов формы государства в отдельности может также свидетельствовать об относимости данной категории к форме государства в целом. Подобные интерпретации также представлены в современной юридической доктрине. Так, например, Н. И. Красняков определяет империю как особый тип государства, а в проекции – форму государства, поскольку имперский фактор оказывал влияние одновременно и на форму правления, и на форму государственно-территориального устройства, и на политический режим. В обоснование данного тезиса раскрывается модель империи как комплекс особенностей всех трех элементов.

Применительно к форме правления отмечается особенный характер монархической власти, заключающийся в разнородности статусов региональных администраций и конфигураций их взаимодействия с высшими органами империи в рамках различных территорий. В качестве специфики формы государственного устройства выделяется автономизация национально-регионального управления с установлением различного статуса регионов и особым распределением предметов ведомства и пределов верховной власти в них. На системном уровне реализовались общее, особенное, специальное и исключительное управление, отраженные в соответствующем административно-территориальном делении в виде наместничеств, генерал-губернаторств, губерний, областей, округов и земель, выступающих основой моделирования системы поддержания государственного единства в различных альтернативах их сочетания при закреплении автономистской традиции в российской государственности. Особенности политического режима проявлялись в связи с октроированием конституций-установлений для некоторых регионов России и неоднородной стратификации имперского населения [\[9, с. 27\]](#).

Представленная позиция видится наиболее обоснованной, поскольку позволяет максимально расширительно толковать понятие «империя», не сводя его к какому-либо

одному элементу формы государства. Имперский фактор характеризуется значительным влиянием на всю структуру государства, не ограничиваясь национально-государственным устройством. Выходя за пределы юридической науки, следует ассоциировать империю и с особым культурным конструктом, идеологией, мировоззрением, системой базовых ценностей, исторической ролью и цивилизационной миссией. Многозначность концепта империи позволяет использовать это понятие в различных науках, подразумевая вполне определенные, но свои для каждой научно-предметной области качества и характеристики. Устанавливая юридические свойства империи и ее правовую природу, представляется справедливым определить, что империя – это особая форма государства, состоящая в специфике формы правления, государственно-территориального устройства и политического режима.

Библиография

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И-О. М., 1881.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 2006.
3. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М., 1988.
4. Рубакин Н. А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований). СПб.: Вестник Знания (В. В. Битнера), 1912.
5. Солодова Г. С. Формы государственного устройства: терминологический аспект понятия империи // Вестник КемГУ. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2019. № 4 (4). С. 361–366.
6. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
7. Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 118–134.
8. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009.
9. Красняков Н. И. Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.) моногр. / Н. И. Красняков. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023.
10. Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 18–28.
11. Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Осмысление политico-правовой категории «империя» в юридической науке».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам сущности категории «империя» в юридической науке. Автором рассматриваются различные концепции, описывающие значение категории «империя», также делаются собственные выводы. В качестве предмета исследования выступили, прежде всего, мнения

различных ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о сущности категории «империя» в юридической науке. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных. Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением эмпирических данных и материалов. В частности, следует отметить следующий вывод автора: «Вывод о безусловной многонациональности империи соответствует и опыту российской государственности, а именно национальному составу Российской империи к началу XX века. Согласно опубликованным расчетам, основу населения государства составляли русские, включая украинцев и белорусов, их число оценивалось в 65,5%, также были представлены турки и татары (10,6%), поляки (6,2%) и другие народности».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема сущности категории «империя» в юридической науке сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Политико-правовая категория «империя» имеет фундаментальное значение для юридических, исторических, философских и междисциплинарных исследований, поскольку именно она обобщает политические, культурно-идеологические, социально-экономические и формально-юридические аспекты государственной организации общества, а также основы институционализации государственной власти. Смыслоное наполнение данной категории является многогранным и неоднозначным. Общепринятое толкование представленного понятия в науке не сложилось. Анализируя различные источники, изначально можно выделить определения, сформулированные в толковых словарях русского языка».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Представленная позиция видится наиболее обоснованной, поскольку позволяет максимально расширительно толковать понятие «империя», не сводя его к какому-либо одному элементу формы государства. Имперский фактор характеризуется значительным влиянием на всю структуру государства, не ограничиваясь национально-государственным устройством. Выходя за пределы юридической науки, следует ассоциировать империю и с особым культурным конструктом, идеологией, мировоззрением, системой базовых ценностей, исторической ролью и цивилизационной миссией. Многозначность концепта империи позволяет использовать это понятие в различных науках, подразумевая вполне определенные, но свои для каждой научно-

предметной области качества и характеристики. Устанавливая юридические свойства империи и ее правовую природу, представляется справедливым определить, что империя – это особая форма государства, состоящая в специфике формы правления, государственно-территориального устройства и политического режима».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены обобщения теоретических подходов по рассматриваемой тематике.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Genesis: исторические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с сущностью категории «империя» в юридической науке.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг в полной мере цели своего исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Рубакин Н.А., Солодова Г.С., Красняков Н.И. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам сущности категории «империя» в юридической науке.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Юматова Е.А. Коллективные договоры как фактор трудового регулирования в промышленности в период НЭПа (на материалах Владимирской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72870 EDN: TUHRYM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72870

Коллективные договоры как фактор трудового регулирования в промышленности в период НЭПа (на материалах Владимирской губернии)

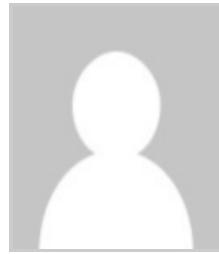
Юматова Елена Александровна

кандидат исторических наук

доцент; кафедра социально-гуманитарных дисциплин; Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 59а

✉ yumatova-ea@ranepa.ru

[Статья из рубрики "История и экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72870

EDN:

TUHRYM

Дата направления статьи в редакцию:

25-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является реализация политики коллективных договоров между профсоюзовыми организациями и администрацией промышленных предприятий государственного и частного секторов в период 1920-х годов. Новая экономическая политика – НЭП привела к новым подходам в работе не только экономики (сельском хозяйстве, промышленности и пр.), но и направлениям работы профессиональных союзов. Острой стала проблема для обсуждения – участия трудящихся в управлении производством. Цель исследования – изучение характерных региональных особенностей, выявление положительных и отрицательных показателей в деятельности профсоюзных организаций при защите прав рабочих на промышленных предприятиях. Рассматривается проблема усиления контроля партии над профсоюзным движением на примере губернских профессиональных органов. Географические рамки исследования ограничены территорией Владимирской губернии, входившей в состав Центрально-Промышленного региона в 1920-е годы. Методологической основой

исследования являются принципы историзма, научности и объективности. Системный подход позволил рассмотреть аппарат управления профсоюзов, их задачи на местах. Это позволило выявить преимущества и недостатки в работе по составлению коллективных договоров в регионе. Метод источниковедческого анализа позволил произвести оценку информационной ценности и практической значимости архивных и статистических документов. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе краеведческого материала, статистических данных и документов из архивов Центрального (Государственный архив Российской Федерации) и регионального уровня (Государственный архив Владимирской области) приводится характеристика положения на местах, на предприятиях; обозначена динамика формирования аппарата и членов профсоюзного движения; представлены направления профсоюзной работы по реализации коллективных договоров. В результате проведенного исследования выявлен комплекс проблем, с которыми столкнулась система профсоюзного движения на региональном уровне: подготовке квалифицированных кадров в собственный аппарат, участие рабочих в формировании положений коллективных договоров, выравнивание заработных плат в различных секторах и отраслях промышленности, организация забастовок. Материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания исторических дисциплин, разработке учебных пособий, проведении обобщающих исследований по истории профсоюзного движения в рамках Владимирской губернии Центрально-Промышленного региона, посвященных периоду НЭПа.

Ключевые слова:

профсоюзы, коллективный договор, новая экономическая политика, промышленность, рабочие, администрация, партия, забастовка, урегулирование, условия

Опыт законодательства современной России в сфере социально-трудовых отношений показывает, что деятельность профсоюзных организаций как объединения по защите прав и интересов работников нацелена на урегулирование взаимоотношений с работодателями и органами государственной власти различного уровня. Основным документом, регламентирующим этот порядок, является коллективный договор или соглашение. В случае возникновения споров или конфликтов между сторонами профсоюзы имеют право на организацию в соответствии с федеральным законом собраний, забастовок (Федеральный закон от 22.12.2014 № 444-ФЗ. Ст. 13-14). В частности, подобного рода практика получила распространение в 2019 году, когда фельдшеры и водители «скорой помощи» из Московской, Новгородской и других областей при поддержке профсоюза выступили с предложением повышения заработной платы. Однако этот вопрос так и не был решён в связи с начавшейся эпидемией коронавируса [32], которая потребовала привлечения дополнительных трудовых ресурсов для обеспечения медицинской помощи населению.

Сегодня осмысление полномочий профсоюзных организаций является важным элементом для анализа их эффективной работы по защите прав наёмных работников перед работодателями. В этой связи научный интерес представляет задача исследования периода новой экономической политики (НЭПа), которым были заложены основы социально-трудовых отношений в условиях экономики с участием государственного и частного капитала. Показательным в этом контексте является изучение опыта деятельности профсоюзов на промышленных предприятиях Владимирской губернии.

Первые шаги на пути изучения задач, функций и деятельности профсоюзных

организаций относятся к периоду 1920-х годов. В основном это были работы публицистического характера - выступления партийных, государственных и профсоюзных лидеров. Учитывая неоднозначную социально-политическую обстановку заметен интерес к изложению тем, посвященных направлениям профсоюзного движения и их положению в общегосударственной системе управления [25, 58]. Вопросам тарифно-экономического направления деятельности профсоюзов, в том числе их роль при заключении коллективных договоров, было уделено внимание в трудах свидетелей событий 1920-х годов [1, 3]. Анализ количественных показателей, вовлекаемых в профсоюзное движение в различных отраслях промышленности, был представлен у Л.А. Магазипера [39]. О проблеме безработицы в производстве было обозначено И. Гиндиным [6].

В период 1930-х - 1950-х гг.. со сменой политических предпочтений в трактовке НЭПа дискуссии о роли профсоюзов в государственном управлении стали восприниматься отрицательно, отвергая платформу «рабочей оппозиции» [5]. Появляются работы обобщающего характера на основе более широкого круга источников, в которых характеризуется организация управления и руководство народным хозяйством [41].

Начиная с 1960-х годов, когда активизировалось обсуждение экономических мер в масштабах государства, стало своевременным изучение опыта времени НЭПа. Сформировалось понимание, что 1920-е годы являлись подготовительным этапом для моноукладной экономики. Важным этапом в изучении темы стала публикация источников по профсоюзному движению [51]. Научный интерес вызвала деятельность производственных совещаний на предприятиях, их функции в управлении [34].

Анализу изменений в рабочей среде в сфере промышленности начала 1920-х годов – социально-экономические стимулы, в том числе материальное вознаграждение, посвящён труд А.А. Матюгина [40]. В целом продолжала превалировать идея о контроле партийного и государственного руководства над профсоюзами [50].

На региональном уровне появился интерес к этой проблеме - на базе архивных материалов определены особенности положения рабочих предприятий Владимирской губернии в восстановительный период, в том числе их участие в профсоюзном направлении [22, 23]. Деятельность профсоюзов Верхневолжья, как подчиненных партийным установкам во второй половине 1920-х годов, представлена в работах Е.М. Созинова [55].

Особенно интерес к региональному аспекту изучения новой экономической политики и её проявлений характерен в период конца 1990-х – по настоящее время. Выделяются исследовательские работы по анализу форм и методов организации рабочих, обобщение опыта профсоюзных организаций в социально-экономическом и культурно-просветительском направлении на основе новых архивных материалов. Представлена деятельность профсоюзных организаций в отраслевом срезе, в секторах промышленности и на отдельных предприятиях [59, 63].

Заметны стали новые аспекты в изучении профессионального движения в период новой экономической политики: 1) правовая основа их функций как представителей интересов трудящихся перед государственными органами, 2) проблема участия трудящихся в управлении производством (заключение коллективных договоров, трудоустройство безработных); 3) рабочий активизм в защите прав рабочих в случаях неисполнения своих обязанностей со стороны профкомов; 4) анализ их перехода от самостоятельного

представительного органа трудящихся в подчинённое положение к партийному и государственному руководству [26, 38, 49, 60].

Ряд тем, касаемых деятельности профсоюзных организаций в 1920-е годы, изучены не в полной мере и требуют дополнительного исследования. В данной работе на основе использования сравнительно-оценочного и проблемно-хронологического научных методов проведён анализ деятельности профессиональных союзов по защите интересов рабочих на предприятиях промышленности Владимирской губернии в рассматриваемый период (составление коллективных договоров, участие в разборе конфликтных ситуаций между рабочими и администрацией предприятий, организация забастовок); представлены отраслевые показатели и изменения в разных секторах промышленности.

Основанием для изменения положения профсоюзов в годы НЭПа стала законодательная база, обосновывавшая активное участие партийного руководства в текущей работе профсоюзов и формированию его состава (особенно высших выборных кандидатур). Происходило постепенное устранение их от управления народным хозяйством, что подтверждалось игнорированием задач решений КПСС о направлении профсоюзных делегатов на государственные и хозяйственны значимые должности [35, с. 603-611]. Начиная с 1922 года управление тарифной политикой было передано от профсоюзов к НКТ (далее - Народному комиссариату труда).

В общественном поле обсуждение положения профсоюзов в государстве велось, начиная с 1920 года. С одной стороны, «Рабочая оппозиция» из таких партийных представителей, как А.Г. Шляпников, А.М. Коллонтай и С.П. Медведев, отстаивала лидирующую роль профсоюзов в деле управления народным хозяйством (назначать кандидатов на руководящие должности). Предлагалось усилить контроль за деятельностью представителей власти со стороны рабочих, в том числе выдвигая последних партию для её обновления. Главным органом должен был стать Всероссийский съезд производителей, объединённых в профсоюзы. (На X съезде РКП(б) платформа «рабочей оппозиции» была признана антипартийной) [28, с.150].

С другой стороны, в программе «Платформа десяти» В.И. Ленин в условиях усиления партийного руководства в масштабах государства основные рычаги управления народным хозяйством передавались исключительно государственному аппарату. На состоявшемся в марте 1921 года X съезде РКП(б), была принята резолюция «О роли и задачах профсоюзов», по которой профсоюзным организациям отводилось место участника-наблюдателя при формировании экономических органов, хозяйственных планов, установки норм труда [35, с. 534-549]. Этими мерами был обозначен курс на уменьшение веса профсоюзов в политических и экономических решениях страны, отдавая приоритет в этих вопросах партийному руководству.

По отношению к составу профсоюзных организаций наметились изменения. Так, на XI съезде РКП(б) было определено выявить несогласных с партийными решениями. Постановлением ЦК РКП(б) от 14 января 1922 года определялось подчинённое положение профсоюзов, когда в их среде стали формироваться политические фракции [28, с.152].

Формирование руководящего состава профсоюзов (Всероссийский центральный совет профессиональных союзов (далее ВЦСПС), губернские советы профессиональных союзов (далее ГСПС), уездные профбюро) претерпело изменения. Президиум ВЦСПС выбирался съездом ВЦСПС (ранее съездом отраслевых профсоюзов) [28, с.161]. Выборность была

ограничена, заменяясь выдвижением из среды прежних управленцев.

Профсоюзам была уготована роль участника, а не руководителя в государственных органах и хозяйствующих субъектах. С 1922 года их функция по установлению заработной платы была заменена её регулированием. В соответствии с КЗоТом 1922 года основной задачей профсоюзов становилась защита прав трудящихся: заключение коллективных договоров с работодателем, отслеживание норм труда, материальное обеспечение и культурно-бытовое обслуживание [\[7, л.51\]](#). (Действовало 2 типа коллективных договоров - генеральные и локальные. Первые заключались между ЦК отраслевых профсоюзов с хозяйственным руководством соответствующей отрасли по стране и по отдельным регионам; вторые - местные организации профессиональных союзов с соответствующим хозяйствующим органом). На предприятиях создавались производственные комиссии профсоюзных комитетов для обсуждения проблем по организации труда, в том числе экономии сырья.

Изменения руководящих позиций профсоюзных организаций в государственных и политических рамках к 1922 году и дальнейших последствиях рассмотрим на примере деятельности их отделений на промышленных предприятиях Владимирской губернии.

Показатели численного состава, вовлечённых в профсоюзные ряды во Владимирской губернии, отражало характерные черты работы в связи с переходом на экономические основания в работе. Так, к 1922 году (96.010 чел.) по сравнению с предшествующим годом (154.524 чел.) заметен их спад на 38%, что было связано с переводом профактива на добровольное членство (с 1923 года членские взносы взималась ежемесячно на индивидуальной основе в размере 2% от заработной платы работника). Только к 1925 году был восстановлен показатель 1921 года, достигнув – 152.895 человек. Далее увеличение состава продолжилось (в 1926 – 180.155 и в 1927 – 179.557) [\[57, с.95\]](#).

Информация о численности состоящих в профсоюзах в отраслевой характеристики промышленности в 1927 году представлена на рисунке 1 [\[57, с.96\]](#).

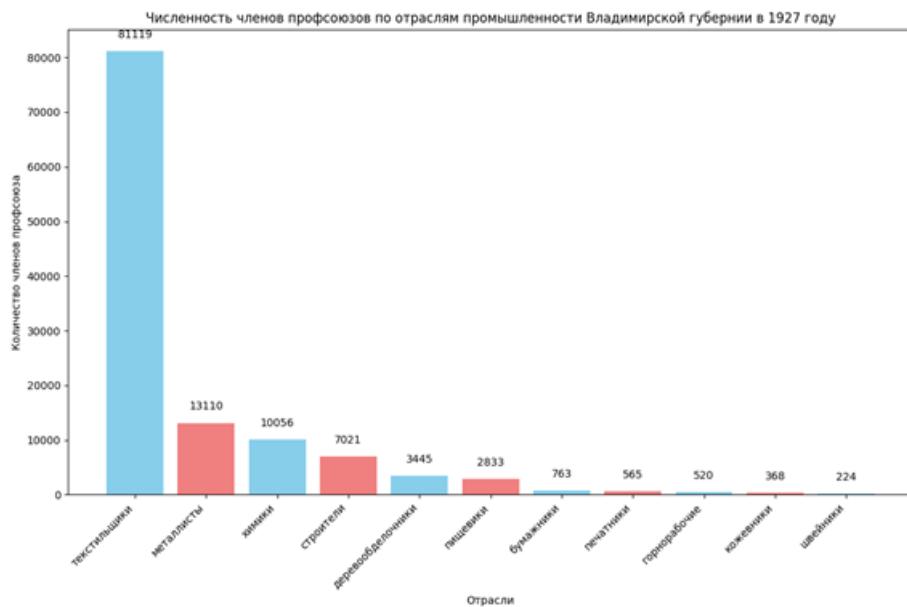

Рис. 1. Численность состоящих в профсоюзах в отраслевой характеристике промышленности в 1927 году.

Нужно отметить, что текстильщики занимали лидирующие позиции по регулированию

условий труда и жизни рабочих. В 1923 году - 52.196 человек, в 1924 – 55.772 , в 1925 – 66.482, в 1926 – 76.766. К 1927 году максимальное число вовлечённых в профсоюзное движение было задействовано на государственных предприятиях (99% по отношению к общему количеству), а минимальное – на частных (соответственно 1%) [\[48, с.11\]](#).

Об усилении политического влияния в профсоюзах Владимирской губернии свидетельствовал их состав на всех уровнях [\[18, л.20\]](#). На губернском - пленум ГСПС включал 48 партийных из 63 избранных (показатели 1924 г.) [\[21, л.89; 24, с.3\]](#); на уездном – уездные профбоюро 121 состояли в ВКП(б) и ВЛКСМ из 188 человек (данные 1926 г.) [\[29, с. 19-21\]](#). Правления фабрично-заводских комитетов были вовлечены в этот процесс. Так, в сентябре 1927 года фабричный комитет на Ковровской шерстопрядильной фабрике (состояла в аренде у Рабухина и Авербуха) состоял наполовину партийных. Его председателем стал рабочий с низшим образованием Георгий Петрович Борисов, который в 1921 году вступил в профсоюз, а в 1924 году – в ВКП(б) [\[14, л.17\]](#).

Постепенно происходило сближение партийных и профсоюзных интересов. Более того, такое положение ограничения проникновения беспартийных и рабочих в состав управления профсоюзной сетью приводило к тому, что на местах стали ущемляться интересы трудящихся на предприятиях. Например, в январе 1923 года рабочие-плотники на Собинской фабрике «Коммунистический авангард» обратились в профсоюзный комитет с заявлением о том, что их работодатели – подрядчики платили им 200 рублей в месяц вместо полагавшихся 700 рублей [\[52, с.2\]](#). Профсоюз бездействовал. Другой пример, в июне 1922 года на заседании фабричного комитета фабрики бывшего Белова было решено уволить работницу, которая похитила с производства 6 початков пряжи. Выяснив её крайне бедственное материальное положение, фабричный комитет смягчил своё наказание – передали её полумесячный паёк в фонд голодающим, а работницу обрекли на голод и на новую кражу [\[56, с.3\]](#). Следующий пример подтверждает злоупотребления профсоюзного органа. В феврале 1922 года секретарю Уршельской ячейки РКП(б) поступило заявление от С.Ф. Жутикова – рабочего на торфяных разработках. Он сообщал, что торфяной комитет под страхом увольнения заставлял его расписываться в раздаточной ведомости за 30 пудов овса, тогда как он получил 15 пудов [\[43, с. 2\]](#).

Наметилось недобросовестное отношение профсоюзных работников к своим обязанностям. В июне 1922 года рабочие Никологорской мануфактуры в Вязниковском уезде направили жалобу в районное отделение профсоюза текстильщиков. В ней объяснялось, что с ними не заключили коллективный договор по вине представителей от профсоюза, которые прибыли на предприятие в нетрезвом виде [\[53, с. 2\]](#).

Владимирский ГСПС определил, что усиление демократического принципа в выборах руководящих профсоюзных кадров – увеличение рабочих в составе правлений, решит системную проблему. В этой связи кандидаты избирались индивидуально, а не списком на общих собраниях. В результате, в новых фабрично-заводских комитетах возраст процент рабочих – если в 1926 году их было 50,3%, то в 1927 – 61,7%. Однако партийный контингент уменьшился незначительно – с 31,3% до 30,8% [\[29, с.40\]](#).

Роль профсоюзных органов в экономической и государственной жизни Владимирской губернии была ограничена. Отсутствовала плановость в этом деле, систематически не готовились кандидаты. Зачастую отдельные хозяйствственные органы не согласовывали кандидатуры с профсоюзами на административно-хозяйственные посты. Выдвигаемые

профсоюзные кандидатуры были немногочисленны. Так, профсоюз текстильщиков в 1926 году представил 40 человек административно-хозяйственную работу, в 1927 – 36 [47, с.39; 48, с. 29].

Заметен был рост количества кандидатур от профсоюзов в состав городских и поселковых советов. Так, в 1926 году их насчитывалось 1.326 человек (82,2% от всего состава городских и поселковых советов), то в 1927 – 1.861 (87,9%) [17, л.1; 29, с.42]. Ресурс представительства давал возможность решить насущные проблемы рабочих.

В условиях ограничения участия профсоюзов в политическом и государственном управлении, усиления партийного влияния в профсоюзном аппарате было определено основной задачей обеспечение защиты интересов промышленных рабочих на предприятиях разных форм собственности (это подтверждалось решением XIII-ой Владимирской губернской партийной конференции) [48, с.6; 12, лл..1-2].

Для подготовки профсоюзных организаторов были организованы губернские профкурсы, курсы по отдельным отраслям работы (клубной, физкультурной, библиотечной), профкружки на предприятиях [20, л.51; 54, с.20].

В этом направлении правовым основанием стал коллективный договор, который действовал в течении 1 года. В нём определились условия со стороны рабочего коллектива по отношению к администрации предприятия (найм, увольнение, заработка плата, нормы выработки, отдых, охрана труда, ученичество) [16, лл.7-8].

Во Владимирской губернии в 1923 году отраслевые было зарегистрировано 146 коллективных договоров с государственными предприятиями (всего их насчитывалось 544 в губернском масштабе), на которых трудилось 81 тысяча человек; 169 – с частными предприятиями (всего 174), на которых было занято 2 тысячи человек; 50 – с кооперативными предприятиями (всего 55), на которых работало 1.700 человек [44, с. 33].

Тарифное соглашение разрабатывалось дополнительно к коллективному договору оформлялось тарифное соглашение, действовавшее в период 3-х месяцев. Оно было персонализированным для сотрудника с содержанием информации о его должности, разряде в тарифной сетке, уровне заработной платы за день и месяц [19, л.3]. Например, в июле 1925 года Ковровский райком профсоюза металлистов заключил тарифное соглашение с Фатьяновым – арендатором завода «Латунь-Фольга». Ставка 1-го разряда (в соответствии с 17-разрядной тарифной сеткой) была установлена в размере 16 р. 75 к. [13, л.5]

Суть тарифно-нормировочной работы профсоюза заключалась в выравнивании заработной платы со средним её показателем в Центрально-промышленном регионе среди отраслевых союзов. Владимирский губернский совет профсоюзов совместно с соответствующими отделами ГСНХ ежемесячно устанавливал минимальный прожиточный минимум, который определял размер ставки 1-го разряда рабочего 17-ти разрядной тарифной сетки. Например, в октябре 1921 года она равнялась 480 тысяч неденоминированных рублей. Эта сумма складывалась из стоимости продуктовой нормы (22,5 фунтов ржаной муки, 3,75 фунтов крупы, 10,5 фунтов картофеля, 5 фунтов овощей, 0,63 фунтов жиров, 3,75 фунтов мяса, 3 бутылки молока, 0,5 фунта сахара), расходов на одежду, обувь, жилищные услуги, содержание семьи [11, л.7-об.1].

Выравнивание зарплат по отрасли производилось с учётом занятости сотрудников в

разных секторах. Например, в связи с увеличением уровня заработка на государственных текстильных предприятиях Владимирского треста в 1928 году заставило фабричный профсоюзный комитет на шерстопрядильной фабрике (находившейся в аренде у Рабухина и Авербуха в г. Коврове) внести изменения в коллективный договор на 1929 год: была запланирована прибавка к жалованью рабочих и служащих фабрики на 10% [18, л.3].

Несмотря на общий рост по отдельным отраслям в заработной плате, сохранялся более высокий её уровень в частной (аренданной) промышленности. Сравним показатели в губернской текстильной промышленности по ставке 1-го разряда. Ставки 1-го разряда в частной и государственной промышленности Владимирской губернии в 1923-1928 годы представлены в таблице 2. Если в 1923 году в государственном секторе она составляла 6.88 коп. (в золотых рублях), в частном – 10 р. 29 коп., то в 1928 году: соответственно 17 руб. 10 коп. и 23 руб. [45, с.60; 46, с.47-48; 47, с.70; 48, с.40-41].

Положения коллективного договора включались в правила внутреннего распорядка и размещались непосредственно в производственных помещениях. В них определялись: распорядок рабочего времени и отдыха рабочих и служащих; условия сокращённого графика на вредном производстве, освобождения от работ в праздничные дни, предписания по технике безопасности [16, лл.17-19]. Например, в мае и октябре 1927 года Рабухину и Авербуху – арендаторам фабрики в г. Коврове – фабричный комитет предписал очистить двор от мусора, поставить кадки с водой на случай пожара, ремонт красного уголка, установка мебели и телефона в помещении фабричного комитета [14, л.13; 18, л.3]. В случае неисполнения профсоюз привлекал соответствующие государственные органы охраны труда.

Профсоюзные организации на промышленных производствах – фабричные комитеты материально обеспечивались администрацией предприятия в соответствии с положением коллективного договора – содержание помещения, предоставление транспорта, заработка работникам фабричного комитета [16, л.5]. В свою очередь, профсоюзы отчисляли определённые суммы на фабрично-заводские комитеты, культурные цели и дома отдыха. Однако были случаи, когда профсоюзные организации допускали отчисления сверх допускаемых норм с работодателей. В этой связи в 1926 году ГСПС запретил такого рода незаконные операции [29, с.52-53].

Поступавшие финансовые средства от ежемесячных добровольных взносов со стороны состоящих в профсоюзе (с 1923 года – 2% от заработной платы работника) находились в специальных фондах (культурный, стачечный и для безработных) и расходовались на направления профсоюзной работы.

В соответствии с положениями коллективного договора велось обследование жилищных условий работников со стороны профсоюза. Ответственность нёс работодатель, поскольку за предоставляемые услуги (предоставление квартиры, отопление, освещение, водопровод) производил вычет из заработной платы рабочего коллектива [16, л.8]. Во многих случаях условия проживания требовали улучшений. Например, торфоразработчики жили в ветхих бараках без освещения с общими нарами для сна [62, с.2]. Рабочие в металлообрабатывающей промышленности устраивали своё жильё в фабричных помещениях – на печке парового котла, в общей сторожке [4, с.2].

Как правило, проверка условий труда сосредотачивалась в комиссиях по охране труда –

отделах фабричных комитетов. Совместно с государственными инспекциями Губернского отдела труда они проводили на регулярной основе обследования предприятий на предмет выявления нарушений. Например, в 1923/1924 году их провели на 35 фабриках (25 приходились на государственный сектор и 4 – частный) в текстильной промышленности Владимирской губернии. Об эффективности проведения проверок на предприятиях свидетельствует практика исправления выявленных нарушений. Например, в 1923/1924 году в 29 обследованных государственных предприятиях установили 26 вентиляторов и 539 ограждений и в одном частном предприятии - 3 ограждения [\[45, с.101\]](#).

В связи с расширением производства и увеличением доли рабочей силы, дополнительно встал вопрос о перенаселённости жилых площадей. Так, рабочие лесоразработок заселялись в дома по 30-40 человек при норме 6-8 человек [\[31, с.2\]](#). Другой пример, в 1924 году насчитывалось 117.613 текстильщиков и их членов семей. Из них 40.912 человек проживали в фабричных помещениях. На каждого приходилось 4,05 кв. м. (норма по закону – 8 кв. м.). Остальные рабочие арендовали частные квартиры или крестьянские дома [\[33, с.2\]](#).

Для увеличения жилой площади рабочих, занятых в государственной промышленности, в профсоюзе текстильщиков был организован фонд по улучшению быта рабочих. Он формировался из 10%-ных отчислений от прибылей трестов. С 1922 по 1926 годы на жилищное строительство было израсходовано 5.207.122 руб. (66,4% от всего фонда). В результате за это время в губернии жилищная площадь текстильщиков увеличилась на 32.752 кв.м. [\[57, с.99\]](#). Средства фонда по улучшению быта рабочих могли направляться на организацию социальных объектов – столовых, слей, бань, прачечных, клубов, школ, больниц. Выделялись средства на содержание детских яслей, ссуды жилищной кооперации, кредитование рабочих.

Регулирование условий труда и жизни рабочих на государственных предприятиях осложнялось затруднениями в руководстве профсоюзных органов. Примером может служить работа в 1925 году фабричного комитета на Камешковской прядильно-ткацкой фабрике им. Я.М. Свердлова. Несмотря на определённые успехи (обучение 276 неграмотных рабочих в ликпункте, открытие кружков в клубе и библиотеки.), посещаемость общих собраний была низкая, отсутствовала работа среди молодёжи [\[27, с.2\]](#). Другой пример, в марте 1924 года на серповой фабрике №1 Ульяновской волости в культурно-просветительной работе профсоюза наметились существенные недостатки. Лебедева - заведующая клубом не являлась на работу и занималась личными делами. Отсутствовала библиотека, спортивный и политический кружки [\[61, с.2\]](#).

Распространялись случаи, когда профсоюзные комитеты временили с открытием красных уголков или объясняли их закрытие хулиганством посетителей [\[36, с.7\]](#). Таким образом, роль профсоюзов в жизни рабочих сводилась только к формальному их присутствию.

Регулирование условий труда и жизни рабочих на частных предприятиях было более слабым, чем на государственных. Это объяснялось слабостью руководства и инструктирования со стороны вышестоящих союзных органов (отсутствие совещаний с профсоюзными аппаратами, редкие обследования их работы); неквалифицированной работой профсоюзного актива на частных предприятиях. Положение осложнялось тем, что профсоюзные организации находились в материальной зависимости от частных предпринимателей, в частности они оплачивали труд работников комитета на

предприятиях [\[16, лл. 4-5\]](#). В результате распространялось самоуправство работодателей. Например, в июне 1922 года фабрично-заводской комитет на вязальной фабрике в г. Владимире, арендованной Германом, неоднократно обращался к своему работодателю с требованием выплатить двухмесячную задолженность по заработной плате. В итоге все рабочие были уволены [\[2, с. 2\]](#).

В случае многократного нарушения условий коллективного договора организовывались забастовки по инициативе профсоюзов на местном уровне. Об этом свидетельствует ежегодная статистика. В 1923 году во Владимирской губернии было зарегистрировано 17 забастовок, проводившихся рабочими на государственных предприятиях, из которых участники 2 предприятий относились к профсоюзу чернорабочих, 6 - горнорабочих, 1-текстильщиков, 4 - строителей, 2 - химиков, 2 - Нарпита. Их причиной служила низкая заработка плата, проблемы со снабжением спецодеждой, нормами выработки. Сравним, 5-25 июня 1923 года на Бурцевском кирпичном заводе была проведена забастовка с участием 50 рабочих, которые требовали повышение зарплаты. Однако администрация предложила работать на прежних условиях [\[8, л.3\]](#). Другой пример, недовольство администрацией кирпичного завода №1 Владсиликата о заключении колдоговора, установившего сдельные расценки, привело к забастовке 104 рабочих (профсоюз строителей) в период 14 - 18 июня 1923 года. Требование рабочих было удовлетворено, и новый колдоговор с участием рабочих был заключен [\[8, л.3\]](#).

В 1924 году было проведено увеличилось количество забастовок по сравнению с предыдущим годом, достигнув 20. Из них 11 забастовок приходилось на 9 государственных и 2 - частных предприятиях. Они были вызваны несвоевременной выплатой заработной платы и её низким уровнем, завышением норм выработки на одного рабочего. В трёх случаях на государственных предприятиях не были выполнены требования (повышение заработной платы, выдача выходного пособия без предупреждений, снижение норм выработки) [\[9, л.8\]](#).

В 1925 году было зарегистрировано 11 забастовок с участием профсоюза текстильщиков, строителей, химиков, пищевиков и деревообделочников. В 5 случаях они были организованы на государственных предприятиях и 6 - на частных. Не были удовлетворены требования на 3 частных предприятиях (не выплачена заработка плата, её уровень не увеличен) и одного государственного (не снижены сдельные расценки). Так, с 28 марта по 4 мая 1925 года проводилась забастовка на частной текстильной фабрике «Труд» с участием 131 человек. Выдвинутое требование о выплате заработной платы за три месяца не было удовлетворено. Другой пример, 8-9 мая 1925 года была проведена забастовка на заводе им. Зудова в Великодворье Гусь-Хрустального района с участием 196 человек (всего на предприятии работало 1.108 рабочих). Они требовали снижение норм выработки, которое для рассмотрения было передано Гусь-Хрустальному комбинату, которому подчинялось данное предприятие (подсчёты автора) [\[10, л. 2\]](#).

В 1926 году участились забастовки на текстильных предприятиях. Из них 32 были на государственных предприятиях и 1 - на частном. Причинами их служили задержка выплаты заработной платы, уплотнённый рабочий день и неудовлетворительные условия труда. Администрация предприятий выполнила требования частично либо отклонила [\[21, лл.. 19-19-06\]](#).

Таким образом, профсоюзы не могли полной мере защитить интересы рабочих в ходе забастовок. Требования в части повышения заработной платы, условий труда частично

выполнялись администрацией предприятий, а уменьшение рабочего времени отклонялось.

В такой обстановке назрела необходимость в организации, проводившихся без согласия профсоюзов. Например. 3 июня 1926 года 320 горнорабочих (33% от всех рабочих на Меленковских торфоразработках, принадлежавших 2-му Льноправлению) требовали снижения норм выработки, рабочего дня с 10 часов до 9 часов и ремонта гоночных путей. В результате администрация уменьшила время рабочего дня [\[8, лл.2-206.\]](#).

Профсоюзы не были в состоянии в полной мере выполнять условия коллективных договоров. Одной из причин этого стало их разработка без участия коллективов рабочих: они носили общий характер и при обсуждении на общих собраниях формально обсуждались. В результате в январе 1928 года снизилась посещаемость общих собраний до 30% [\[18, л.18\]](#).

В целом, на основании законодательства периода НЭПа статус профсоюзов был ограничен функциями представительства в государственных органах власти всех уровней. Соответственно рычагов влияния в управлении не имелось. Основное внимание в своей работе они должны были уделить направлению по защите прав трудящихся на производстве с помощью составления коллективных договоров и наблюдение за их выполнением со стороны администрации предприятия и нанятых работников. Опыт Владимирской губернии показал, что в профсоюзной работе имелись общие тенденции и особенности: партийное влияние на формирование аппарата (постепенное уменьшение доли рабочих), материальная зависимость от администрации предприятий, составление коллективных договоров с участием широкого представительства рабочего коллектива и без него (что приводило к формальности учёта интересов рабочих). Наметилась тенденция решения вопросов коллективных договоров с помощью практики проведения забастовок усилиями профсоюзных комитетов на местах. Однако в силу недостатков в формировании аппарата профсоюзов и невозможности в полной мере защитить интересы рабочих перед администрацией предприятий появилось распространение забастовок без участия профсоюзных представителей.

Библиография

1. Алуф А.С. Профсоюзы и положение рабочего класса в СССР 1921–1925 гг.. М., 1925. 96 с.
2. Бирюков К. Хозяин «скрывается» (на вязальной фабрике Бывшего Германа) // Призыв. 1922. 27 июля.
3. Великин, Б. Профсоюзы СССР при диктатуре пролетариата. Л., 1927. 72 с.
4. Воронин И. Быт рабочих металлистов Новосельско-Вачского района Муромского уезда // Призыв. 1922. 30 мая.
5. Гаврилов Б. Дискуссия о профсоюзах 1920–1921гг. // Пропаганда и агитация. 1939. № 15. С. 2-7.
6. Гиндин Я.И. Профессиональные союзы и безработица 1917–1927 гг. М., 1927. 43 с.
7. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 561.
8. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 908. Оп. 2. Д. 2222.
9. Государственный архив Владимирской губернии: Ф. 908. Оп. 2. Д. 2440.
10. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 908. Оп. 2. Д. 2610.
11. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 156.
12. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 314.
13. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 735.
14. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1431. Оп. 4. Д. 192.

15. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1431. Оп. 4. Д. 198.
16. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1431. Оп. 4. Д. 199.
17. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1431. Оп. 4, Д. 203.
18. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1431. Оп. 4. Д. 205.
19. Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 1431. Оп. 4. Д. 212.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 10. Д. 253.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 10. Д. 372.
22. Дятлова Н. Первые шаги НЭПа // Политическая агитация. 1989. № 10.
23. Дятлова Н. Поворот к НЭПу // Призыв. 1989. 22 апреля.
24. Зимичев. Пленум Губкома Р.К.П. профессиональное движение в губернии // Призыв. 1924. 26 октября.
25. Зиновьев Г.Е. Профсоюзы и текущие задачи: Речь на VI съезде профсоюзов Ленинградской губернии. М., 1925. 30 с.
26. Исаев В. И. Между властью и рабочими: советские профсоюзы в период нэпа// ЭКО. 2021. № 4. С. 71-89.
27. Исмил. Как работает наш фабком (фабрика им. Свердлова) // Призыв. 1925. 28 февраля.
28. История профсоюзов СССР. Ч. I (1905–1937 годы) / Под общ ред. Г.В. Шарапова. М., 1977. 256 с.
29. Итоги работы профсоюзов Владимирской губернии за 1926 год. – Владимир, 1927. 157 с.
30. Казиев М. Забота профсоюзов о здоровье трудящихся. М., 1969. 157 с.
31. Как живут рабочие (Судогодский уезд) // Призыв. 1922. 4 февраля.
32. Как шахтеры, учителя, дальнобойщики и врачи боролись за свои трудовые права // Ведомости.2024. 9 октября. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/galleries/2024/10/08/1067260-zabastovki#140737497313948> (дата обращения 21.11.2024).
33. Киселёв П. Жилищный голод текстилей // Призыв. 1925. 8 января.
34. Коровина М.Н. Роль парторганизации в руководстве производственными совещаниями в конце восстановительного периода 1924–1925 гг. М., 1957. 30 с.
35. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. 1898–1925. М, 1953. 494 с.
36. Красильщик. На бумаге есть, а на деле нет // Призыв. 1927. 5 января.
37. Косиор С.В. Наши разногласия о роли и задачах профсоюзов. М., 1921. 32 с.
38. Лобок Д. В. Профсоюзы Советской России в условиях новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып 4. С. 155-168.
39. Магазипер, Л.А. Численность и состав профсоюзов. М., 1926. 53 с.
40. Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства 1921–1925 гг. М., 1967. 364 с.
41. Матюгин А.А., Чугаев Д.А. СССР в период восстановления народного хозяйства 1921–1925 гг.: Исторические очерки / Под ред. А.П. Кучкина, С.М. Якубовской и др. М., 1952. 596 с.
42. Миронов Н. Дискуссия в партии о профсоюзах // Пропагандист. 1940. № 2. С. 16-24.
43. Необходимо расследовать (Судогодский уезд) // Призыв. 1922. 25 февраля.
44. Отчёт Владимирского Губернского Совета профессиональных Союзов VI-му Губернскому Съезду профсоюзов (17 октября 1923 г.). Владимир, 1923.
45. Отчёт о годовой работе Владимирского Губернского профсоюзного Союза Текстильщиков с сентября 1923 года по сентябрь 1924 года к VII-му Губернскому Съезду Союза. Владимир, 1924.

46. Отчёт о годовой работе Правления Владимирского Губернского Отдела Профессионального Союза Текстильщиков (октябрь 1924 года – октябрь 1925 года) к VIII-му ГубСъезду Союза. Владимир, 1925.
47. Отчёт о годовой работе Правления Владимирского Губернского Отдела Профсоюза Текстильщиков (октябрь 1925 года – октябрь 1926 года) к IX-му ГубСъезду Союза Текстильщиков. Владимир, 1926.
48. Отчёт о годовой работе Правления Владимирского Губотдела В.П.С. Текстильщиков (ноябрь 1926 года – январь 1928 года). Владимир, 1928.
49. Офицерова Н.В. Роль профсоюзов в борьбе с рабочим активизмом в заводском сообществе в 1920-е годы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 3. С. 165-169.
50. Петрова Л.И. Советские профсоюзы в восстановительный период 1921–1925 гг. М., 1962. 96 с.
51. Профсоюзы СССР 1905–1963 гг.: Сб. документов и материалов / Под общ. ред. Т.В. Багаевой. М., 1963. Т. 2. 775 с.
52. Р. Эксплуататор рабочих (Собинка) // Призыв. 1923. 21 января.
53. Разве так заключают коллективные договоры // Призыв. 1922. 25 июля.
54. Семагин И.Н. Состояние профработы и ближайшие задачи союзов (К 20-й Губпартконференции) // Наше хозяйство. 1926. № 11-12.
55. Созинов Е.М. Партийное руководство профсоюзами Верхневолжья (1926–1937 гг.). Ярославль, 1977. 384 с.
56. Старый текстильщик. Страшное наказание // Призыв. 1922. 3 июня.
57. Тезиков В.М. Десять лет профсоюзов Владимирской губернии (Краткие итоги) // Наше хозяйство. 1927. № 10-11.
58. Томский М.П. Современное движение российских профсоюзов. М, 1923. 31 с.
59. Удалова Т.А., Советские профсоюзы в годы новой экономической политики: 1921–1927 гг. (на материалах Иваново-Вознесенской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Автореф. дис. канд. ист. наук. Иваново, 2004. 19 с.
60. Уразова С.А. Изменение функций союзов в начальный период НЭПа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. – 2010. – № 1 (17). С. 36-42.
61. Фабричный. Как живут и работают металлистов // Призыв. 1924. 29 марта.
62. Юзенков Я. Охрана труда у торфяников (Ковровский уезд) // Призыв. 1923. 13 января.
63. Юматова Е.А. Государственная политика в промышленности в период НЭПа (на материалах Владимирской губернии). Автореф. дис. канд. ист. наук. Владимир, 2010. 21 с.
64. Яковлев Ю.Ф. Владимирские рабочие в борьбе за восстановление промышленности и укрепление союза с крестьянством в 1921–1925 годах. Владимир, 1963. 56 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи являются процессы формирования и функционирования системы коллективных договоров на промышленных предприятиях Владимирской губернии в сложный исторический период новой экономической политики. Автор исследует, каким образом коллективные договоры влияли на регулирование трудовых отношений, какие факторы способствовали их развитию или препятствовали этому

процессу, а также какую роль играли профсоюзы в данном контексте.

Методологической основой исследования послужил комплексный подход, сочетающий историко-генетический метод для описания эволюции системы коллективных договоров, историко-сравнительный метод для сопоставления данных по разным предприятиям и временным периодам, а также статистический анализ для оценки количественных показателей вовлеченности рабочих в профсоюзное движение. Введение в научный оборот уникальных архивных документов, отложившихся в Государственном архиве РФ и Государственном архиве Владимирской области, позволило автору проанализировать уникальные данные, что значительно повышает научную ценность исследования.

При этом, настойчиво советую исправить в списке источников и литературы название используемого архивохранилища на правильное — Государственный архив Владимирской области (никак не губернии! Сноски с 7 по 19).

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов регулирования трудовых отношений в переходные периоды истории, особенно в условиях смешанной экономики, где существуют государственный и частный капитал. Изучение опыта НЭПа позволяет лучше понять и современные проблемы социально-трудовых отношений и оценить эффективность различных моделей взаимодействия между государством, бизнесом и работниками.

Статья отличается четкой структурой и логичностью изложения. Она состоит из введения, трех основных разделов (анализ законодательных основ, роль профсоюзов, особенности заключения коллективных договоров) и заключения. Введение четко формулирует цель исследования и его актуальность. Основные разделы последовательно раскрывают тему, каждая часть подкрепляется примерами и данными из архивов. Заключение суммирует выводы и подчеркивает значимость проведенного исследования.

Стиль статьи академический, язык точный и лаконичный. Библиографический список включает большое количество источников, включая архивные документы, публикации советских историков, материалы периодических изданий и другие научные работы, которые не просто перечисляются, но и используются в работе, что делает наблюдения исследователя хорошо обоснованными.

Важным наблюдением статьи является выделение, во-первых, партийного влияния на формирование аппарата профсоюзных организаций (постепенное уменьшение доли рабочих), существенная материальная зависимость от администрации предприятий, и как следствие, составление коллективных договоров без широкого представительства рабочего коллектива (что часто приводило, к сожалению, к формальному учёту интересов рабочих).

Выводы статьи убедительны и обоснованы. Автор успешно продемонстрировал, что коллективные договоры играли важную роль в регулировании трудовых отношений в промышленности Владимирской губернии в период НЭПа. Были выявлены ключевые трудности и достижения в процессе их заключения и исполнения, а также проанализирована роль профсоюзов в этом процессе.

Статья будет интересна специалистам в области истории, социологии труда, а также всем, кто интересуется историей трудовых отношений в России. Широкое использование

архивных материалов делает ее полезной для исследователей, занимающихся конкретными аспектами социально-экономической истории.

Рекомендую статью к публикации в журнале «Журнал: Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Лахтионова Е.С. Индустриальное наследие как фелицитарный фактор благополучия населения Урала в 1970-1980-е гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72246 EDN: TUNGMW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72246

Индустриальное наследие как фелицитарный фактор благополучия населения Урала в 1970-1980-е гг.

Лахтионова Елизавета Сергеевна

ORCID: 0000-0002-8414-4540

кандидат исторических наук

доцент; докторант; кафедра истории России; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620034, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Опалихинская, 16, кв. 109

elza1982@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культурное наследие - памятники истории и культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72246

EDN:

TUNGMW

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2024

Аннотация: Объектом исследования являются ученые, преподаватели, краеведы и другие прогрессивно мыслящие жители Урала. Предмет исследования – их восприятие благополучия своего региона через деятельность различных акторов по сохранению памятников индустриального наследия. Хронологические рамки – 1970–1980-е гг. – выбраны не случайно. В этот период зарождается стремление части советского населения выявлять и сохранять памятники индустриального прошлого своего региона, что выражалось не только в публикационной деятельности, но и огромной практической работе. Автор выделяет ряд функций, которые закладывали в советское время в процесс сохранения памятников индустриального наследия: воспитательная, познавательная, эстетическая, имиджеформирующая. Актуальность и практическая значимость исследования как раз заключается в том, что эти функции можно и нужно актуализировать в настоящее время для сохранения оставшихся объектов индустриального наследия Урала. При проведении исследования были использованы

материалы, хранящиеся в центральном и региональных архивах, а также опубликованные источники. Комплекс научных методов, которые были задействованы для достижения цели исследования, состоит из общенаучных (анализ, синтез, индукция, аналогия) и специально-исторических (проблемно-хронологический, историко-сравнительный). Автор приходит к выводу, что в 1970–1980-е гг. отдельные жители Урала (ученые, инженеры, краеведы, преподаватели) не зря стали привлекать внимание широкой общественности к необходимости сохранения памятников индустриального наследия. Они считали, что данные объекты можно использовать для реализации нескольких функций: воспитательной, познавательной, эстетической и некоторых других. Совокупность этих функций или каждая по отдельности могут позволить человеку чувствовать себя счастливым. А это будет способствовать формированию благоприятного имиджа региона. Автор считает, что индустриальное наследие имеет огромный потенциал для формирования и поддержания привлекательности региона, а значит, благополучия его счастливых жителей через чувства востребованности в профессии, гордости за историю и достижения предыдущих поколений. И этот фактор нужно обязательно развивать и укреплять в настоящее время, пока окончательно не утрачены остатки индустриального наследия Урала.

Ключевые слова:

индустриальное наследие, фелицитарный фактор, благополучие, имидж региона, памятники, музеефикация, Свердловская область, Урал, промышленная архитектура, заводы

Ни для кого не секрет, что житель той или иной территории порой задумывается о ее благополучии и привлекательности: для себя, для туристов, для мигрантов, для бизнеса. И, если его что-то не устраивает, то он имеет возможность поменять свое место жительства. Но ведь есть и другая сторона этого процесса: можно попытаться изменить условия, в которых мы живем, изнутри, не переезжая, или изменить свое отношение к сложившимся обстоятельствам. Ну или хотя бы задуматься о том, как это можно сделать. Именно так поступил ряд жителей Урала в 1970-1980-е гг., когда анализировал причины того, как можно использовать богатейшее индустриальное наследие региона для формирования и поддержания благополучия его жителей. Оказывается, индустриальное наследие можно привлечь в качестве фелицитарного фактора, означающего, что «чем счастливее человек, тем более он удовлетворен жизнью, а счастье имеет следующее содержание – «это благополучие в семье», «это ощущения, эмоции, которые трудно описать» [\[1, с. 69\]](#).

Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время привлекательный имидж Урала должен быть построен на использовании такого ресурса, как богатейшее индустриальное наследие, которое, к сожалению, не вечно. Многие памятники уже безвозвратно утрачены. Мы знаем о них только из документов. Другие же памятники музеефицированы. Однако о них также малоизвестно как жителям самого Урала, так и туристам. Проведенное в 2017 г. социологическое исследование показало, что сами уральцы в целом знают об индустриальной специфике своего региона [\[2, с. 35\]](#). На этом фоне было бы неплохо приобщить их к популяризации знаний о сохранившихся объектах индустриальной культуры, например, через развитие промышленного туризма [\[3\]](#) или использование памятников индустриального наследия в событийной жизни региона.

Цель статьи – выявить, как именно воспринимали отдельные жители Урала перспективу сохранения памятников индустриального наследия той или иной части региона для повышения благополучия его жителей и привлекательности самой территории. Хронологический период – 1970-1980-е гг., когда зарождаются элементы деятельности по выявлению, изучению, сохранению и использованию памятников индустриального наследия, о чём имеется ряд исследований [4].

В связи с этим нужно отметить статью Л. Е. Добрейциной, посвященную истории музеификации заводов на Урале, начиная с 1970-х гг. [5]. Автор верно отмечает, что недостаточно было просто остановить производство и объявить территорию музеем. Нужно «многое еще преодолеть в психологии людей», чтобы созданный музей-завод воспринимался как символ возрождения моногородов с интересной и насыщенной жизнью [5, с. 36]. Другой исследователь – Ю. А. Кузовенкова – считает, что в рамках советского периода возникла парадигма, направленная на сохранение (фиксацию) памяти о конкретном промышленном производстве и реализуемая в создании музеев. После распада СССР формируется новая парадигма, связанная с идеей использования памятников индустриального наследия в рамках территориального маркетинга [6]. Эту тему, кстати, применительно к современному периоду, рассматривал в дальнейшем ряд ученых, считая, что индустриальное наследие – это важнейшая составляющая имиджа любого промышленного региона [2; 7; 8].

В 1970-1980-е гг. не было еще сформулировано понятие «индустриальное наследие». Объекты, которые в настоящее время относятся к памятникам индустриального наследия, именовались памятниками промышленной архитектуры, памятниками истории науки и техники, памятниками трудовой славы советского народа [9]. О необходимости их сохранения задумывались в первую очередь люди, знающие специфику уральского региона, видящие его очевидные достоинства, которые и позволили состояться этому крупному индустриальному региону: плотины, заводы, электростанции, транспортные узлы и т.д. Это представители научного сообщества, архитекторы, историки, инженеры, краеведы.

Сохранению памятников истории и культуры в советский период придавалось огромное воспитательное значение: «Воспитывать уважение к памятникам материальной и духовной культуры – это значит, воспитывать патриотов, готовых в трудную минуту защитить свою родную землю, и начинать этот процесс надо с раннего возраста» [10, с. 69]. Так писал в 1987 г. С. И. Загребин – российский историк и культуролог, заместитель председателя Челябинского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК). Не правда ли, очень простая и одновременно востребованная в настоящее время мысль, воплощение которой может способствовать повышению благополучия нашей страны и ее жителей.

По мнению одного из свердловских архитекторов – Ю. А. Владимирского – памятники промышленной архитектуры подчас имели даже большее воспитательное значение, чем известные культурные сооружения и дворцы: «Заводы, построенные по классическим принципам, сочетают в себе элементы искусства, архитектуры и техники, а также являются местом приложения труда» [11, л. 12]. Именно поэтому уральские заводы в большинстве своем имели музеи трудовой славы, в которых проходили своеобразное посвящение молодые ребята – будущие заводчане, у которых таким образом вырабатывалась любовь к своему заводу, к своей профессии, уважение к труду и достижениям предшествующих поколений. Именно эта молодежь возможно будет

отстаивать сохранение памятников индустриального наследия, как это было в ситуации со спасением Северской домны [12]. Здесь включается такой механизм, как удовлетворенность человека своей трудовой деятельностью, что немаловажно для его собственного благополучия и благополучия семьи.

Сохранение памятников индустриального наследия имело и имеет далеко идущие последствия для грамотного преобразования той городской среды, в которой живет и трудится счастливый человек. И хотя есть поговорка, что «не место красит человека, а человек – место», эти процессы взаимосвязаны. Объекты индустриального наследия имели значительное градообразующее и градоформирующее значение, а еще представляли и представляют собой до сих пор творческий потенциал для современных архитекторов: «Многие из памятников промышленной архитектуры могут быть поучительными в смысле умения выбрать место для строительства промышленного предприятия, правильного решения его генерального плана во взаимосвязи с источником энергии, характером и технологией производства, умения понять и решить задачу взаимообусловленности экономики, техники и архитектуры» [11, л. 13].

К сожалению, при реконструкции заводов руководство не всегда учитывало историко-культурную ценность устаревших механизмов или цехов, тем более если они не имели статуса памятника. Даже если объекты были поставлены под государственную охрану, не редки были случаи самовольного разрушения или даже сноса памятника индустриального значения, как это было с Северской домной, с промышленным складом в г. Миассе [13, л. 191-193], с заводской плотиной в Нижнем Уфалее [10, с. 58] и многими другими объектами. И это вызывало в то время горькое разочарование у специалистов, понимающих ценность сохранения памятников. Это вызывает горечь и в настоящее время, так как утраченного подчас уже не вернуть.

К. А. Шишов, кандидат технических наук, доцент Челябинского политехнического института, член Президиума Челябинского областного отделения ВООПИК, член Союза писателей РСФСР, писал, что выявленные в результате многочисленных экспедиций памятники индустриального наследия Челябинской области обладают историко-мемориальной («уникален как памятник нескольких эпох», «универсальные комплексные памятники отечественной истории металлургии и строительного искусства»), научной («пример высокого инженерного мастерства отечественных строителей», «типичный образец промышленной застройки»), эстетической («образец высокого строительного искусства») и воспитательной ценностью («заслуживает сохранение для потомков», «свидетельство мастерства наших предков») [14, л. 13, 15, 18, 19]. Общий вывод, к которому приходит К. А. Шишов, следующий: «Отдельные объекты на территории области являются собой пример мировых достижений отечественной науки и техники и должны быть сохранены для потомков» [14, л. 27].

Н. С. Алферов, доктор архитектуры, профессор, председатель Президиума Совета Свердловского областного отделения ВООПИК, в 1969 г. отмечал, что «взятие на учет и охрана оставшихся памятников промышленного зодчества является сейчас делом большой важности» [15, л. 6]. И уже в 1978 г. А. Г. Навроцкий, кандидат технических наук, доцент, член секции исторических памятников Центрального совета ВООПИК,ставил в пример, что на Урале очень многое было сделано для сохранения памятников истории науки и техники и памятников промышленной архитектуры [16, л. 5]. На первое место по степени результативности в деятельности по выявлению, изучению и сохранению памятников индустриального наследия в 1970-1980-е гг. современники

ставили Свердловскую область. Об этом свидетельствуют и архивные документы, и исследования, проведенные в настоящее время.

В качестве одного из главных мотивов, давших ускорение данной деятельности была забота о молодежи, желание старшего поколения дать возможность молодому благополучно жить, трудиться и чувствовать себя счастливыми на малой родине, не покидая ее. Вот что на этот счет сказал в 1987 г. В. В. Хоханов, директор Невьянского механического завода, активно способствовавший музеефикации памятников на его территории: «Мы не задаем вопросов, кто все это будет делать? Нам ясно – мы. Мы не задаем вопросов, кто нам даст денег, материалы, проекты? Нам ясно – мы должны достать. Нам надо. История дала нам в руки уникальную возможность – сделать неповторимым наш маленький город, и мы должны сделать это!» [\[17, л. 40\]](#)

Таким образом, в 1970-1980-е гг. представители научного сообщества, преподаватели, краеведы, члены ВООПИК на Урале придавали огромное значение выявлению, изучению и сохранению памятников промышленного наследия. С их точки зрения, это могло способствовать решению ряда проблем, связанных с формированием и поддержанием благополучия как отдельного жителя, так и региона в целом. Например, воспитание молодежи в духе уважения к своей профессии, труду и достижениям других людей, осознанию причастности к истории и культуре Урала и формированию привязанности к территории, на которой она живет. Уверенность в выборе профессии и места жительства будет способствовать стабильности в личной и семейной жизни, а значит ощущению счастья и благополучия. Этот посыл, как нам кажется, может прекрасно сработать и сейчас, осталось только активизировать деятельность по сохранению, использованию и популяризации индустриального наследия Урала.

Библиография

1. Киселева Л.С. Факторы благополучия российского населения: региональные особенности // Социодинамика. 2020. № 5. С. 69-78. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32984 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_32984.html
2. Запарий В. В., Зайцева Е. В. Индустриальное наследие как важнейшая составляющая имиджа промышленного региона (социологический анализ) // Экономическая история. 2017. № 1. С. 31-35.
3. Добрейцина Л. Е. Промышленный туризм в Свердловской области: основные векторы развития (на материале официальных документов) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 1(195). С. 200-209. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.022.
4. Лахтионова Е. С. Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960–1980-е годы) // Научный диалог. 2022. № 11 (3). С. 439-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-439-455.
5. Добрейцина Л. Е. Музеи-заводы на Среднем Урале: осмысление прошлого и индикатор настоящего в культуре индустриального Урала //Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 27-37.
6. Кузовенкова Ю. А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5/6. С. 6-16.
7. Кадыров Р.В. Потенциал историко-индустриального наследия Республики Татарстан для развития промышленного туризма // Актуальные проблемы развития туризма и индустрии гостеприимства: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во ООО «Печать-сервис XXI век», 2018. С. 49-56.
8. Лысикова О. В. Индустриальный туризм в городском пространстве: кейс-стади

- Саратова // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 38-48.
9. Лахтионова Е. С. Теоретические подходы к вопросу об определении понятия «памятник индустриального наследия» в СССР // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 3. С. 30-36. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-30-36.
10. Загребин, С. И. Мой отчий дом. Челябинск: Полиграфическое объединение «Книга», 2000. 222 с.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф 250. Оп. 1. Д. 72.
12. Лахтионова, Е. С. История спасения памятника индустриального наследия «Северская домна» в 1960-1980-е гг. // История и современное мировоззрение. 2023. Том 5. № 2. С. 113-119. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-2-113-119.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-501. Оп. 3. Д. 937.
14. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 13.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 258.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 595.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 815.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

Предмет исследования - индустриальное наследие как фелицитарный фактор благополучия населения Урала в 1970-1980-е гг.

Методология исследования. Автор в статье не касается методологии исследования, но из контекста видно, что в статье использованы общенаучные и специальные исторические методы.

Актуальность. В наши дни создание положительного имиджа региона является актуальной задачей. Урал относится к одному из красивейших и интересных регионов нашей страны, один из старейших баз развития металлургии и высокого качества выпускаемого металла. К сожалению, многие памятники промышленной культуры уже утеряны, и о них можно узнать только из архивных материалов. Другие же объекты были превращены в музеи, но и о них мало кто знает как среди местных жителей, так и среди туристов. Автор рецензируемой статьи отмечает, что социологическое исследование, проведённое в 2017 году, показало, что жители Урала в целом осведомлены об индустриальной специфике своего региона. Это открывает возможности для популяризации знаний о сохранившихся объектах промышленной культуры, повышения имиджа региона и самое важное индустриальное наследие Урала можно использовать в качестве фелицитарного фактора, который означает, что чем счастливее человек, тем более он удовлетворён жизнью и местом проживания.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна определяется также тем, что в статье всесторонне и глубоко исследуется отношение жителей Урала на перспективу сохранения памятников индустриального наследия той или иной части региона для повышения благополучия жителей и привлекательности самой территории.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному с элементами описательности. Структура работы в целом логично выстроена и направлена на достижение цели. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы, цель. Автор

отмечает, что хронологический период статьи охватывает 1970-1980-ые годы, это период, обусловлен тем, что в это время» зарождаются элементы деятельности отдельных людей по выявлению, изучению, сохранению и использованию памятников индустриального наследия». Автор отмечает авторов, которые поднимали некоторые вопросы исследуемой темы и пишет, что Добрейцина Л.Е. отмечала сложности музеефикации заводов Урала, связанные психологией жителей региона, а Кузовенков Ю.А. обратил внимание на то, что в советский период возникла парадигма сохранения (фиксации) памяти о конкретном промышленном производстве через создание музеев. Автор пишет, что после распада СССР возникает новая парадигма, связанная с использованием памятников индустриального наследия в территориальном маркетинге, и эта тема активно разрабатывается в настоящее время. В статье много интересных материалов и деталей о том, как воспринимались индустриальное наследие Урала в советский период, которое называлось памятниками «памятниками промышленной архитектуры, истории науки и техники, трудовой славы советского народа». Отмечаются в статье имена людей (инженеров, архитекторов, историков и т.д.), которые в 1970-1980-ые годы понимали важность и значимость сохранения памятников промышленности и отмечали их роль в воспитании молодежи, преобразовании городской среды, в которой живет счастливый человек, музеефикации объектов промышленности, их научной и культурной ценности. Автор отмечает, при реконструкции заводов руководство не всегда учитывало историко-культурную ценность устаревших механизмов или цехов и потому многие объекты были разрушены и уничтожены. В заключении автор приводит выводы по теме исследования и пишет, что в 1970-1080-ые годы ученые, преподаватели, краеведы и члены ВООПИК на Урале высоко ценили выявление, изучение и сохранение памятников промышленного наследия. Они считали, что это поможет решить проблемы благополучия, включая уважение к профессии, труду и достижениям, осознание причастности к истории и культуре Урала и привязанность к территории. Уверенность в выборе профессии и места жительства будет способствовать стабильности в личной и семейной жизни и ощущению счастья и благополучия. Автор подчеркивает, что такой подход актуален и сегодня, а потому необходимо активизировать деятельность по сохранению, использованию и популяризации индустриального наследия Урала.

Библиография работы состоит из 17 источников, в их числе монографии, статьи по теме исследования и архивные документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Объединенного государственного архива Челябинской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над темой статьи информации, проведенного анализа и библиографии статьи.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья вызовет интерес у специалистов, а также студентов, аспирантов и всех, кто интересуется вопросами имиджа региона и индустриального наследия.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Королева Е.С. Историко-правовая эволюция концепций о юридическом вреде // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72727 EDN: TVCPMG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72727

Историко-правовая эволюция концепций о юридическом вреде

Королева Екатерина Сергеевна

преподаватель; кафедра теории государства и права; Саратовская государственная юридическая академия
аспирант; кафедра теории государства и права; Саратовская государственная юридическая академия

410056, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, каб. 212

✉ kor.e.s@yandex.ru

[Статья из рубрики "Научные школы и концепции"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72727

EDN:

TVCMPG

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2024

Аннотация: Предметом данной статьи является рассмотрение изменений в понимании и определении юридического вреда от древности до современности, а также историко-правовая эволюция концепций юридического вреда и его последствий для субъекта права, анализ подходов в этой области. В статье были проанализированы исторические корни указанного термина, его развитие в различных правовых системах, влияние философских, социальных, политических и культурных аспектов, на формирование и развитие концепции. Кроме того, проведено сравнение правового регулирования юридического вреда в разных странах и подходов к этому понятию, отмечены критерии для определения юридического вреда в разные эпохи, что поможет оценить современные тенденции в данной области и их отражение на практике. Методологической основой исследования послужил сравнительно-исторический метод, что позволило систематизировать имеющиеся в литературе сведения о юридическом вреде на разных этапах – от древних цивилизаций до нашего времени. Анализ изменения представлений о негативных последствиях правонарушений позволяет лучше

понять современные подходы к оценке и возмещению юридического вреда, а также просмотреть взаимосвязи с другими концепциями правовой ответственности. В древние времена концепция была основана на следующем: если один причинил ущерб другому, то он должен быть ответственен за это, тем самым основой являлись идеи справедливости и компенсации пострадавшему причиненного ущерба. Эпоха Средневековья характеризуется тесной связью концепции добра и зла с христианской этикой и моралью. Далее появляется необходимость утверждения ценности личности, признания достоинства человека. И впоследствии термин «вред» становится, в первую очередь, социальным понятием, а ответственность за его причинение предполагает действие закона и возмещение ущерба потерпевшему.

Ключевые слова:

добро, зло, концепция вреда, средневековое право, времена античности, Библейская концепция, компенсация, справедливость, эпоха Просвещения, эпоха Возрождения

Историческая эволюция концепции о вреде началась еще с основ мировоззрения, описанных в Библии. Фундаментальными категориями, описывающими нравственное состояние человека и его отношение с окружающим миром, являются понятия «добро» и «зло». Проблема соотношения указанных терминов всегда была, есть и будет одной из самых злободневных в обществе в силу того, что она распространяется на все сферы человеческой жизни [\[2, с. 5\]](#).

Актуальность тематики обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, современное общество сталкивается с множеством сложных моральных и правовых дилемм, и важно понять, как исторически сложившиеся представления о вреде влияют на современные нормы и практики. Эволюция концепций о вреде позволяет выявить устойчивые паттерны и механизмы, оказывающие влияние на правовую систему и общественные отношения. Во-вторых, многие современные правовые и этические вопросы, касающиеся защиты окружающей среды, права человека, кибербезопасность и корпоративная ответственность, возникают на фоне размытых границ между добром и злом, где понятие вреда становится центральным. Это создает необходимость адаптации традиционного юридического подхода к новым вызовам современности, что требует глубокого анализа исторического контекста. В-третьих, изучение историко-правовой эволюции концепций о вреде способствует формированию более осознанного и комплексного подхода к разработке правовых норм и механизмов контроля. Это может оказать положительное влияние на правоприменение и социальное благо, что делает исследование этой темы особенно важным.

В данном исследовании используется междисциплинарный подход, который сочетает элементы правового, исторического и философского анализа. Основное внимание уделяется изучению эволюции концепций о вреде в контексте изменений в общественном сознании и юридической практике на разных исторических этапах. Методология позволяет выявить взаимосвязь между нравственными устоями, культурными традициями и правовыми нормами, а также проследить, каким образом эти факторы влияли на формирование и развитие понятия вреда как в рамках конкретных правовых систем, так и в более широком социальном контексте.

Согласно Библии, добро ассоциируется с милосердием, любовью к ближнему, тогда как зло олицетворяет грех и отступление от заповедей, что тесно связано с понятием вреда,

которое подразумевает нарушение воли Божьей и его негативные последствия. Вред может проявляться в физической, духовной и социальной сферах жизни человека. Он приводит к страданиям и отдалению от нравственных принципов.

В Ветхом Завете, например, термин "вред" подразумевает наказание за грехи и непослушание (вред, вызванный грехом, проявляется в виде болезней, смерти и иных последствий). История грехопадения Адама и Евы [Библия. Книга «Бытие». Глава 3.] иллюстрирует, как непослушание воле Бога привело к изгнанию из рая и последствиям для всего человечества.

Новый Завет, напротив, акцентирует внимание вреда на спасении и искуплении, а также на избавлении от грехов [Еф. 1:7, Кол. 1:14.]. Иисус Христос пожертвовал жизнью ради искупления всех людей на все времена, показав, как вред может быть побежден благодаря его жертве и учению о милосердии и как спасение можно обрести через веру и соблюдение заповедей.

Библейская концепция вреда служит основой для понимания и преодоления современных проблем, учит внимательному отношению к своим поступкам и стремлению к тому, чтобы они приносили пользу. В настоящее время это одно из фундаментальных понятий юридической науки, отражающее негативные последствия, возникающие в результате нарушения прав и законных интересов субъекта права.

С появлением государства категория вреда начала рассматриваться сквозь призму права и государственного управления, то есть с позиции установленных в обществе норм. Оно берет на себя ответственность за обеспечение безопасности и благополучия граждан, в частности, разрабатывает законы, механизмы контроля для предотвращения вреда (физического, экономического, политического, экологического и т.д.), что и является одним из главных критериев оценки государственной деятельности.

В различных обществах и культурах представление о вреде и его правовое регулирование развивались по-разному. Уже во времена античности отмечалась критическая важность разграничения таких категорий, как «добро» и «зло», и понимания их сущности для обеспечения морали и нравственности среди населения и развития государственности.

Отличительным признаком категории вреда в Древнем Риме является ее окончательное правовое закрепление. Если в Древней Греции вред трактуется в значительной степени как нарушение предписываемого добродетельного поведения и как поступок, порицаемый с позиции морали и нравственности, то в древнем Риме, вред – это посягательство на законом установленные ценности, за которое лицо будет привлечено к ответственности.

Как и в Древней Греции, в Древнем Риме принцип справедливости был отправной точкой для определения правовых и неправовых деяний. М.Т. Цицерон писал: «существуют два первоначала справедливости: никому не вредить и приносить пользу обществу» [\[13\]](#).

Древневосточная правовая традиция в целом отталкивается от религиозно-нравственного понимания вреда как непослушания, нарушения гармонии и своего долга перед обществом. На Востоке жизнь человека и смысл его существования сводятся к выполнению его социальной роли. Именно общество олицетворяет превосходящую ценность над человеком, поскольку «представляет собой отражение космического порядка, которому так или иначе обязан подчиняться каждый, если он хочет вообще кем-то быть» [\[9, с. 97\]](#). Те, кто понимают всеобщую взаимосвязь, знают, что если человек

что-то нарушит, то это отразится на нем самом, и поэтому стараются не причинять вред окружающим людям и даже предметам.

Для цивилизаций указанного периода центральным благом всегда выступала личность, поскольку именно свободный индивид способен создать соответствующее государственное устройство для достижения всеми общего блага. Однако, как отмечает И.И. Борзова , для Востока характерен примат общественной жизни, где космический закон определяет место каждого индивидуума, что приводит к ситуации, когда правопонимание вреда не было отделено от нравственного [\[4, с. 9\]](#).

В Древней Индии система соционормативной регуляции была основана на тесном переплетении правовых, религиозных и этических норм. Социальная гармония заключается в понятии «дхарма» – предустановленное поведение человека; долг перед семьей, обществом, Богом. Защитником и гарантом дхармы является царь-раджа. Вредом являются все нарушения порядка, установленного дхармой, за которые царь имел право применить санкции.

Различные взгляды мыслителей на источник зла также прокладывают путь к осмыслению проблемы вреда. Например, А.П. Щеглов, рассматривал зло как недостаток знания и видел в нем вторичное проявление в результате игнорирования идеалов [\[19, с. 80\]](#). Так, концепция гедонизма, которой придерживается автор, подразумевает взаимосвязь между знанием и добродетелью: если человек понимает, что такое добро, он будет стремиться к нему, а злое поведение будет следствием незнания. Также стоит упомянуть Аристотеля, который в своем произведении "Никомаховая этика" считал, что зло возникает из избытка или недостатка добродетели [\[1, с. 163\]](#). Он акцентировал внимание на важности общественных структур, которые служат основой для нравственного воспитания граждан, способного минимизировать вред в обществе. Эти философские размышления демонстрируют, что понимание источника зла и вреда может варьироваться в зависимости от исторического и культурного контекста, что подчеркивает необходимость рассмотрения индивидуальных и коллективных аспектов в правоприменительной практике.

Для права эпохи античности в целом характерно представление, что народовластие основывается на человеческой нравственности и соблюдении этических норм, включая честность, порядочность и ответственность. Так, только самодисциплина в отношении собственных пороков позволяла воздерживаться от вреда и достигать блага. В данный период концепция естественного права отражала значимость соблюдения порядка, основанного на разуме и справедливости, что подразумевало необходимость избегать причинения вреда ради благополучия всего общества [\[16\]](#). Последнее также служило и основанием для защиты индивидуальных гражданских прав.

Тем не менее, такой подход имеет свою недостаточную гибкость, что приводит к потенциальным проблемам. Строгое следование моральным предписаниям и общепринятым этическим нормам может сделать менее отчетливыми индивидуальные обстоятельства, которые требуют более деликатного подхода. Например, необходимость соблюдения общественного блага иногда становится предлогом для ущемления прав отдельных граждан, что в итоге может противоречить идеям справедливости и уважения к личности. Таким образом, несмотря на важность концепции естественного права в истории правосознания, необходимо признавать, что универсальные нормы не всегда способны адекватно отражать сложности, с которыми сталкиваются индивиды в своей жизни. Это подчеркивает необходимость поиска более гибких и адресных решений в

правоприменительной практике, которые бы гарантировали как защиту гражданских индивидуальных прав, так и общее благо общества.

В античные времена была заложена основа понимания вреда как негативных явлений, причиняющих ущерб как индивиду, так и обществу. В римском и древнегреческом праве сформировались понятия вины, ответственности и наказания, концепция вреда развивалась в рамках общего понимания справедливости.

Эпоха Средневековья характеризуется тесной связью концепции добра и зла с христианской этикой и моралью, которые расширили свои горизонты за рамки наложенных Ветхим Заветом ограничений. Христианство в данный период стремилось к объединению под «своим крылом» людей всех наций и обратилось ко всему человечеству. Это позволило со временем распространить влияние данной конфессии на множество последователей. Однако существуют различные мнения относительно этой трансформации: одни теологи (например, Фома Аквинский) подчеркивают положительный аспект более гуманного отношения к человеку. Это обусловливает важность обязательств личности перед обществом и Всевышним, что формировало картину правопорядка на тот момент.

Однако некоторые другие мыслители указывают на сложности и конфликты, возникающие из-за несовершенства человеческой природы. Примером тому может послужить убеждения Пьера Абеляра относительно того, что философия вправе относиться критически к теологии, сомневаться в ее истинности [\[11, 127 с.\]](#).

Поляризация мнений о добре и зле, а также о природе человека подчеркивает, как концепции о вреде изменялись и адаптировались в зависимости от социального контекста, что уже на этапе Средневековья сформировало разнообразие правовых систем и подходов к справедливости. Также стоит отметить, что стремление к универсализации христианской этики и объединению всех наций под ее знамением может привести к конфликтам во мнениях и культуре, что вызывает резкую критику в адрес такой односторонней трактовки нравственности.

Переходя от периода древности к средним векам, следует отметить, что в этот период происходило интенсивное развитие религиозно-мифологических учений, целью которых было поддержание монархического строя посредством «оправдания постулатов веры средствами человеческого разума» [\[10, с. 11\]](#). Средневековое право основывалось на обычаях, поскольку к этому времени были утрачены многие элементы правовой культуры и письменности. Регулирование вопросов духовной и светской жизни осуществлялось посредством канонического права, которое обладает универсальностью и экстерриториальностью.

В теологических христианских концепциях Аврелия Августина, Пьера Абеляра, Фомы Аквинского и Марсилия Падуанского происходит разделение права и закона, и понятие вреда становится формально-определенным. Так, Аврелий Августин в своих работах придавал большое значение предоставленной человеку свободы выбора, в силу которой человек наделен возможностью творить как добрые, так и злые поступки, неся при этом ответственность за свой выбор. По его мнению, сущность личности состоит непосредственно в способности осознанно управлять своим телом и душой, предпочитая добродетель и отказываясь от зла [\[5\]](#).

Августин Блаженный придерживался идей о том, что человек несет ответственность перед Богом за свои действия и должен нести наказание за нарушение божественных

законов и причинение вреда другим. Эта концепция ответственности тесно переплетена с учением о свободе воли, которая, по мнению Августина, подразумевает возможность выбора как благих, так и злых поступков [\[15, с. 109\]](#).

Согласиться с мыслью Августина можно, однако стоит уточнить, что он рассматривал наказание не как акт мести, а как средство корректировки и исправления. Он акцентировал внимание на том, что истинное понимание о вине должно подкрепляться милосердием и божественной благодатью, которая позволяет человеку измениться и вернуться к добродетельной жизни.

Фома Аквинский связывал вред со злом, возникающим в результате «лишенности блага», которое преимущественно и само по себе есть совершенство и актуальность» [\[17, с. 62\]](#). Данная точка зрения находит отклик в эволюции правовых норм, поскольку она акцентирует внимание на необходимости защиты благополучия и добродетели как основы правопорядка. Если зло и вред понимаются как отсутствие совершенства или блага, это может привести к формированию правовых систем, сосредоточенных не только на наказании за нарушения, но и на восстановлении благосостояния общества и отдельной личности.

Для эпохи Возрождения характерны мысли о необходимости утверждения самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья.

Известным философом указанного периода является Н. Макиавелли, идеи которого далеки от гуманистических тенденций этого времени. В его работах вместе с влиянием теологии уходит и этическое содержание понятий «добра» – «зла», «пользы» – «вреда». Бывшие некогда абсолютными, названные категории становятся относительными. Главной ценностью является власть, рассматриваемая как независимый политический институт. Поэтому вредом считают любые действия подданных, посягающих на незыблевые основы политической власти. В данном ключе Н. Макиавелли определяет право как средство государя для удержания подданных в повиновении под угрозой наказаний [\[18, с. 94\]](#). Сохраняется большой предел для произвола властей, что, разумеется, не считается вредом, а оправдывается необходимостью (пользой) для сохранения власти в руках одного правителя.

Эпоха Просвещения ознаменовала переход к новым ценностям: свободе личности, свободе слова, свободе печати, и понятие вреда становится предметом пристального внимания юристов. В произведении «Метафизика нравов» Иммануил Кант отождествлял вред с нарушениями законов и считал, что любое действие, противоречащее долгу, является проступком, нарушающим индивидуальные права человека [\[18, с. 71\]](#).

Общей целью всех существующих законов является концепция «предотвращения вреда», разработанная И. Бентамом [\[3\]](#). Он являлся утилитаристом, придерживаясь идеи максимального счастья и минимизации страданий, и, в свою очередь, определял вред как зло, снижающее общее благо. Иеремия Бентам высказывал мысли о том, что вред есть минимизация человеческих тягот и максимизация человеческой пользы. По его мнению, источником вреда со стороны государства к личности было вмешательство в частную жизнь граждан, поскольку законодательное искоренение таких пороков, как пьянство и разврат, вели к принижению моральных норм и правил благородства.

Британский философ Джон Стюарт Милль стал основоположником так называемого

«принципа вреда» или «принципа Милля» [\[14\]](#), в силу которого только лишь нанесение вреда может являться легальным основанием для вмешательства государства в личные дела граждан. В противном случае правительственные ограничения не будут оправданы, т.к. человек обладает полным правом на собственный суверенитет. Данный принцип также подчеркивает, что потребность в безопасном и упорядоченном существовании людей, которое защищает от причинения вреда и обеспечивает достижения блага, обуславливает существование любого государства и правовых структур, т.е. является причиной их существования.

Исследованию сущности вреда и связанного с ним блага посвящены не только работы зарубежных авторов. Данные вопросы интересовали и отечественных мыслителей, и правоведов, таких как Н.С. Малеин, Н.Н. Вопленко и др. Безусловно, фундаментом для их размышлений стали и труды исследователей прошлого. В процессе исследования развития права российского государства становится ясно, что, начиная с момента появления категории вреда и на протяжении всего периода развития, пристальное внимание уделялось защите материальных и духовных аспектов жизни человека.

Становление и развитие институтов гражданской ответственности в XIX-XX вв. способствовало формированию более комплексного понимания категории «вред».

Н.С. Малеин настаивает на том, что вред не следует рассматривать исключительно с позиции причинения материального или морального ущерба [\[12\]](#). Вред, по мнению исследователя, состоит в более широком нарушении требований закона, что приводит к дисбалансу в жизни общества: в лишении прав и свобод, гарантированных государством, умалении благ и ценностей, ограничении действий индивидов. Другими словами, вред – это, в первую очередь, понятие социальное.

Подход Н.С. Малеина позволяет выдвинуть на первый план социально-правовой аспект, который учитывает не только индивидуальные потери, но и последствия для общества в целом. Это акцентирует внимание на том, как правоприменение и законодательство могут служить инструментами для восстановления справедливости и поддержания социального порядка.

Н.Н. Вопленко рассматривает вред исключительно с позиции повреждения, нарушения целостности и ликвидации объектов [\[7\]](#). При этом отмечается, что только лишь вред и степень его серьезности проводят разграничение между злоупотреблением правом и действиями, имеющими моральную и этическую оценку. Однако такой узкий взгляд может ограничивать понимание концепции вреда, особенно в контексте историко-правовой эволюции.

Вред следует рассматривать не только как физическое или материальное повреждение, но и как явление, затрагивающее права, свободы и благосостояние индивидов и общества в целом. В частности, в современных подходах к праву растет внимание к моральному и социальному вреду, таким как ущерб, причиненный дискриминацией или нарушением прав человека. Кроме того, во многих случаях действия, которые могут показаться нейтральными с точки зрения права, оказывают социальные или эмоциональные последствия, затрагивающие целостность личности или сообщество. Это подчеркивает необходимость разработки правовых норм, учитывающих не только физический ущерб, но и контекст действий и их влияние на общественные отношения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что понятие вреда претерпело значительные изменения на протяжении веков, отражая множество культурных и

философских традиций. От библейского представления о вреде как нарушении божественных заповедей до римского правового закрепления и философских размышлений средневековых мыслителей, таких как Августин и Аквинский, мы видим, как вред постепенно трансформируется из моральной категории в юридическую. Эта последовательная эволюция подчеркивает, что правовые нормы всегда находились в диалоге с моралью, и понимание вреда непременно включает в себя этические аспекты.

Стоит отметить, что изучение концепции вреда также акцентирует внимание на важности баланса между индивидом и обществом. Как показывает анализ, чрезмерная сосредоточенность на общественном благе может угрожать правам и свободам индивидов, а недостаток контроля за действиями власти чреват нарушениями. Это подчеркивает необходимость постоянного переосмысливания концепций права и справедливости в условиях современного общества, где механизмы защиты индивидуальных и социальных прав должны адаптироваться к новым вызовам.

Библиография

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М., 1983. Т. 4. 834 с.
2. Атмурзаева Ф.И. Проблема соотношения добра и зла в истории философии (античность) // Восточно-европейский научный журнал. 2015. Т. 4. № 2. С. 5-6.
3. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М. 1998.
4. Борзова Е.П., Бурдукова И. Культура и политические системы стран Востока: учебник для вузов / Е.П. Борзова, И.И. Бурдукова, А.А. Ковалев. М. 2025. 363 с.
5. Васильев В.А., Лобов Д.В. Августин о добре зле, добродетели // Социально-гуманитарные знания. № 5. 2008. С. 255-265.
6. Вильнова В.А. Познание вреда как явление государственно-правовой действительности: междисциплинарный подход // Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пьянова. Иркутск: Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», 2021. С. 16-22.
7. Волленко Н.Н. Понятие, основные признаки и виды правонарушений // Вестник Волгоградского государственного университета. 2005. Серия 5. С. 6-17.
8. Кант Иммануил. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. Метафизика нравов. Ч. 1. Метафизические первоначала учения о праве / пер. Н.В. Мотрошиловой. М., 2014. 1020 с.
9. Кэмпбелл Дж. Мифы для жизни. Спб., 2019. 384 с.
10. Левчук С.В. Современная интерпретация теологической теории образования государства и права с позиции философии современных христианско-демократических идей эволюции государства // История государства и права. № 20. 2013. С. 10-15.
11. Лукоянова Ю.А. Софизм как способ мнимого убеждения / Ю. А. Лукоянова // Студенческие научные исследования. Пенза. 2024. С. 126-132.
12. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственности. М., 1985. 193 с.
13. Марк Туллий Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / перевод с латинского Н.А. Федорова. Комментарии Б.М. Никольского. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 241 с.
14. Милль Д.С. О свободе / Д. Милль. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 128 с.
15. Пилецкий С.Г. Аврелий Августин о мести и возмездии / С. Г. Пилецкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 4. С. 109-118.
16. Працко Г.С., Зелинский В.Е. Естественное право и принцип справедливости: вопросы соотношения // Юристъ – правоведъ. 2014. № 5 (66). С. 42-44.
17. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 44-74 / перевод, общая редакция и примечания С.И. Еремеева. Киев, 2003. 337 с.

18. Шпалтаков В.П. Учение Макиавели об управлении государством // Инновационная экономика и общество. № 1 (19). 2018. С. 87-97.
19. Щеглов А.П. Природа зла и ложное знание в древнерусских представлениях // История философии. 2011. № 16. С. 79-90.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, историко-правовая эволюция концепций о юридическом вреде. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "В данном исследовании используется междисциплинарный подход, который сочетает элементы правового, исторического и философского анализа. Основное внимание уделяется изучению эволюции концепций о вреде в контексте изменений в общественном сознании и юридической практике на разных исторических этапах. Методология позволяет выявить взаимосвязь между нравственными устоями, культурными традициями и правовыми нормами, а также проследить, каким образом эти факторы влияли на формирование и развитие понятия вреда как в рамках конкретных правовых систем, так и в более широком социальном контексте".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Исторически эволюция концепции о вреде началась еще с основ мировоздания, описанных в Библии. Фундаментальными категориями, описывающими нравственное состояние человека и его отношение с окружающим миром, являются понятия «добро» и «зло». Проблема соотношения указанных терминов всегда была, есть и будет одной из самых злободневных в обществе в силу того, что она распространяется на все сферы человеческой жизни [2, с. 5]. Актуальность тематики обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, современное общество сталкивается с множеством сложных моральных и правовых дилемм, и важно понять, как исторически сложившиеся представления о вреде влияют на современные нормы и практики. Эволюция концепций о вреде позволяет выявить устойчивые паттерны и механизмы, оказывающие влияние на правовую систему и общественные отношения. Во-вторых, актуальность темы проявляется в том, что многие современные правовые и этические вопросы, такие как защита окружающей среды, права человека, кибербезопасность и корпоративная ответственность, возникают на фоне размытых границ между добром и злом, где понятие вреда становится центральным. Это создает необходимость адаптации традиционного юридического подхода к новым вызовам современности, что требует глубокого анализа исторического контекста. В-третьих, изучение историко-правовой эволюции концепций о вреде способствует формированию более осознанного и комплексного подхода к разработке правовых норм и механизмов контроля. Это может оказать положительное влияние на правоприменение и социальное благо, что делает исследование этой темы особенно актуальным".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Библейская концепция вреда служит основой для понимания и преодоления современных проблем, учит внимательнее относиться к своим поступкам и стремиться к тому, чтобы их совершение приносило пользу. В настоящее время это одно из фундаментальных понятий юридической науки, отражающее негативные последствия, возникающие в результате нарушения прав и законных интересов субъекта права"; "Эти философские

размышления демонстрируют, что понимание источника зла и вреда может варьироваться в зависимости от исторического и культурного контекста, что подчеркивает необходимость рассмотрения индивидуальных и коллективных аспектов в правоприменительной практике. Для права эпохи античности в целом характерно представление, что народовластие основывается на человеческой нравственности и соблюдении этических норм, включая честность, порядочность и ответственность. Так, только самодисциплина в отношении собственных пороков позволяла воздерживаться от вреда и достигать блага"; "Эпоха Средневековья характеризуется тесной связью концепции добра и зла с христианской этикой и моралью, которые расширили свои горизонты за рамки наложенных Ветхим Заветом ограничений. Христианство в данный период стремилось к объединению под «своим крылом» людей всех наций и обратилось ко всему человечеству. Это позволило со временем распространить влияние данной конфессии на множество последователей"; "Поляризация мнений о добре и зле, а также о природе человека подчеркивает, как концепции о вреде изменялись и адаптировались в зависимости от социального контекста, что уже на этапе Средневековья сформировало разнообразие правовых систем и подходов к справедливости. Также стоит отметить, что стремление к универсализации христианской этики и объединению всех наций под ее знамением может привести к конфликтам во мнениях и культуре, что вызывает резкую критику в адрес такой односторонней трактовки нравственности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор обзорно рассматривает историко-правовую эволюцию концепций о юридическом вреде. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "С появлением государства, категория вреда начала рассматриваться сквозь призму права и государственного управления, то есть с точки зрения установленных в обществе норм" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Например, А.П. Щеглов, рассматривали зло как недостаток знания и видели в нем вторичное проявление в результате игнорирования идеалов [19, с. 80]" - "Например, А.П. Щеглов рассматривал зло как недостаток знаний и считал его вторичным проявлением, возникающим из-за игнорирования идеалов [19, с. 80]" (стилистические и пунктуационные погрешности).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные и стилистические ошибки.

Нарушена системность изложения материалов работы. Так, следующие положения ("Отличительным признаком категории вреда в древнем Риме является ее окончательное правовое закрепление. Если в древней Греции вред трактуется в значительной степени как нарушение предписываемого добродетельного поведения и как поступок, порицаемый с позиции морали и нравственности, то в древнем Риме, вред – это посягательство на законом установленные ценности, за которое лицо будет привлечено к ответственности.

Как и в древней Греции, в древнем Риме принцип справедливости был отправной точкой для определения правовых и неправовых деяний. М.Т. Цицерон писал: «существуют два первоначала справедливости: никому не вредить и приносить пользу обществу» [13]") необходимо переместить в первую часть статьи, где говорится об античном праве (т. е. о

праве, которое существовало условно до 476 г.). Итоговые выводы о праве античного времени не должны предшествовать частным примерам. То же касается описания древневосточной традиции.

Библиография исследования представлена 19 источниками (монографиями, научными статьями, учебником, комментарием, публицистическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Аристотель, А. П. Щеглов, Аврелий Августин, Н.Н. Вопленко и др.). Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что понятие вреда претерпело значительные изменения на протяжении веков, отражая множество культурных и философских традиций. От библейского представления о вреде как нарушении божественных заповедей до римского правового закрепления и философских размышлений средневековых мыслителей, таких как Августин и Аквинский, мы видим, как вред постепенно трансформируется из моральной категории в юридическую. Эта последовательная эволюция подчеркивает, что правовые нормы всегда находились в диалоге с моралью, и понимание вреда непременно включает в себя этические аспекты. Стоит отметить, что изучение концепции вреда также акцентирует внимание на важности баланса между индивидом и обществом. Как показывает анализ, чрезмерная сосредоточенность на общественном благе может угрожать правам и свободам индивидов, а недостаток контроля за действиями власти чреват нарушениями. Это подчеркивает необходимость постоянного переосмысливания концепций права и справедливости в условиях современного общества, где механизмы защиты индивидуальных и социальных прав должны адаптироваться к новым вызовам"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере истории государства и права, теории государства и права, гражданского права при условии ее доработки: устранении ошибок в логике изложения материалов и в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Историко-правовая эволюция концепций о юридическом вреде» предметом исследования является правовой институт возмещения (компенсации) вреда в его ретроспективе.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов (таких как, теоретико-правовой, историко-правовой, сравнительного правоведения и др.) позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. История правового регулирования любого вида общественных отношений имеет важное значение в целях не повторять ошибок прошлого. Автор правильно отмечает, что

«актуальность тематики обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, современное общество сталкивается с множеством сложных моральных и правовых дилемм, и важно понять, как исторически сложившиеся представления о вреде влияют на современные нормы и практики. Эволюция концепций о вреде позволяет выявить устойчивые паттерны и механизмы, оказывающие влияние на правовую систему и общественные отношения. Во-вторых, многие современные правовые и этические вопросы, касающиеся защиты окружающей среды, права человека, кибербезопасность и корпоративная ответственность, возникают на фоне размытых границ между добром и злом, где понятие вреда становится центральным. Это создает необходимость адаптации традиционного юридического подхода к новым вызовам современности, что требует глубокого анализа исторического контекста. В-третьих, изучение историко-правовой эволюции концепций о вреде способствует формированию более осознанного и комплексного подхода к разработке правовых норм и механизмов контроля. Это может оказать положительное влияние на правоприменение и социальное благо, что делает исследование этой темы особенно важным». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования правового института возмещения (компенсации) вреда.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы положения, отличающиеся научной новизной: например, «...понятие вреда претерпело значительные изменения на протяжении веков, отражая множество культурных и философских традиций. От библейского представления о вреде как нарушении божественных заповедей до римского правового закрепления и философских размышлений средневековых мыслителей, таких как Августин и Аквинский, мы видим, как вред постепенно трансформируется из моральной категории в юридическую. Эта последовательная эволюция подчеркивает, что правовые нормы всегда находились в диалоге с моралью, и понимание вреда непременно включает в себя этические аспекты. Стоит отметить, что изучение концепции вреда также акцентирует внимание на важности баланса между индивидом и обществом. Как показывает анализ, чрезмерная сосредоточенность на общественном благе может угрожать правам и свободам индивидов, а недостаток контроля за действиями власти чреват нарушениями. Это подчеркивает необходимость постоянного переосмысления концепций права и справедливости в условиях современного общества, где механизмы защиты индивидуальных и социальных прав должны адаптироваться к новым вызовам». В статье содержатся и другие положения, не только отличающиеся научной новизной, но и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную доктрину.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Однако, на взгляд рецензента, использование словосочетания «юридический вред» некорректно. Соблюdenы автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Автору следует избегать повторов слов в предложениях, соседних предложениях (замечание незначительное, не умаляет проделанной автором работы). Статья структурирована. Материал изложен последовательно и ясно. Автор не только обозначает существующие проблемы, но и предлагает свои решения, которые заслуживают внимания.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена

научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Историко-правовая эволюция концепций о юридическом вреде» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Genesis: исторические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области философии права, истории права и общей теории права, гражданского права, уголовного права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в астральных мифах тюрков и финно-угров: на примере мифологем Млечного Пути и Полярной звезды // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72533 EDN: TVXQYW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72533

Параллели в астральных мифах тюрков и финно-угров: на примере мифологем Млечного Пути и Полярной звезды

Иликаев Александр Сергеевич

ORCID: 0009-0003-6773-9053

кандидат политических наук

доцент, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

[✉ jumo@bk.ru](mailto:jumo@bk.ru)

Шарипов Ренарт Глюсович

ORCID: 0000-0001-9597-5617

кандидат философских наук

Научный сотрудник; Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71

[✉ externet@yandex.ru](mailto:externet@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72533

EDN:

TVXQYW

Дата направления статьи в редакцию:

02-12-2024

Аннотация: Предметом данной статьи является сравнение астральной мифологии тюрков (прежде всего, башкир, татар, алтайцев, а также казахов, киргизов и турок) и финно-угров (прежде всего, марийцев, мордвы, коми, удмуртов, а также финнов и венгров) на примере ключевых мифологем-астронимов Млечного Пути и Полярной звезды. Хотя специалистами собран значительный материал по астронимам у указанных

групп этносов, актуальность исследования заключается в том, что до сих пор астральные представления тюрков и финно-угров специально между собой не сопоставлялись. Целью статьи стало сравнение астральных мифов тюрков и финно-угров, заключающееся в классификации соответствующих представлений с точки зрения общих моментов и особенностей, а также архаики и новаций. Основным методом исследования послужил анализ имеющейся этнографической литературы по астральной мифологии тюрков и финно-угров. Как нам удалось выяснить, для тюрков является очень популярным эсхатологический миф о звездах псах (волках), которые привязаны веревками к колу – Полярной звезде. Сравнение Млечного Пути с «дорогой птиц» было известно тюркам и финно-уграм, но, по мнению специалистов, возникло преимущественно в среде уральских народов. Тем не менее мы взялись предположить, что основа мифа о возникновении «птичьей дороги» как пути перелетных птиц, скорее всего, зародилась в регионе Урало-Поволжья. Сравнение Млечного Пути с «лыжным следом» (или просто следом на небе) было распространенным у финно-угров. Вероятно, оно восходило к сибирскому мифу о небесной охоте. Уподобление Млечного Пути снегу, скорее, как нам видится, имеет тюркское происхождение. По нашему мнению, сравнению Полярной звезды с «гвоздем» предшествовала мифологема «мирового столпа», отмечаемого у всех тюрок и финно-угров. Изначальной мифологемой «мирового столпа» у тюрок была идея Золотого столба. Кроме того для тюрков, как для специализированных скотоводов, было характерно представление о Полярной звезде как о коновязи. Особенностью финно-угорских наименований Полярной звезды является то, что они могут прямо соотносится с птицей, сидящей на вершине мирового столба, или даже звездной богиней.

Ключевые слова:

астральная мифология, космонимы, звезды, Млечный Путь, Полярная звезда, ось мира, мировой столб, тюрки, финно-угры, Северная Евразия

Теоретико-методологические основы и новизна исследования. Данная работа является своеобразным продолжением уже ранее опубликованного нами цикла статей, посвященных лунарным и солярным мифам тюрков и восточных финно-угров [14; 15].

В статье был использован комбинированный метод, включающий историографический анализ, сравнительный анализ мифов, лингвистический анализ. Сравнительный анализ, в свою очередь, проводился с использованием метода совпадений, когда общие черты в астральных представлениях тюрок и финно-угров выявлялись по сходным, встречающимся преимущественно только у них (либо наиболее развернутым только у них), образам и сюжетам. Для выяснения специфики астральных мифов в каждой из двух указанных групп этносов использовался метод противопоставлений, прежде всего подчеркивающий лингвистическую и семантическую разницу в понимании астронимов.

Для сопоставления основных образов и сюжетов астральной мифологии тюрков и финно-угров, авторы использовали преимущественно мифы башкир и мари, а также тех этносов, которые в первую очередь имеют отличные от других астронимические представления. Исходя из этого осуществлялась выборка конкретных народов.

Вопрос о влиянии астральных представлений на быт и тем более на производительные формы хозяйства (скотоводство, земледелие), мы решили вынести за рамки настоящей статьи, ограничившись некоторыми метеорологическими замечаниями, поскольку, как

справедливо по нашему мнению указал Ю.Е. Берёзкин, наиболее архаическая основа астральных мифов мало зависела от смены материальной культуры этноса. Она продолжала еще долго оставаться такой, какой была многие тысячи лет назад [\[5, с. 11-12\]](#). Вопрос же об отражении астральных мифов в скотоводческом и охотниччьем укладе тюрок и финно-угров требует отдельного рассмотрения.

Новизна исследования состоит в том, что авторы, на основе проведенного сравнительного анализа астральных представлений тюрков и финно-угров, выдвинули гипотезу об определенной урало-алтайской общности в области астральной мифологии, которая представляет собой еще достаточно ранний этап в развитии мифологических представлений тюрков и финно-угров. При этом у тюрков уже наблюдаются новации, связанные со специфической скотоводческой формой хозяйства, а у финно-угров продолжают сохраняться традиции, определяемые охотничьим матриецентричным обществом. Тем не менее стоит отметить, что базовые астрономические воззрения тюрков и финно-угров, вопреки некоторым, имеющимся в науке точкам зрения, не являются в своей основе «бедными» или большей частью заимствованными из авраамических религий, а также у соседних народов (преимущественно индоевропейцев: иранцев, славян и т.д.) или друг у друга. Данные выводы также, по мнению авторов, позволяют анализировать астральные мифологии с позиции оригинальной типологии, включающей в себя такие единицы анализа как специфические, общие и заимствованные представления о звездах, праформа для обозначения понятия «звезда», отражение астральных мотивов в именнике и т.д. Кроме того представляется, что анализ астральной мифологии невозможен без подробного описания таких значимых объектов как Млечный Путь и Полярная звезда, выявления их специфических, общих и заимствованных образов в представлениях тюрков и финно-угров.

История изучения проблемы. Астральные представления народов Северной Евразии в той или иной мере, в том числе в сравнительном аспекте, изучались или затрагивались различными учеными: М.А. Кастреном, Г.Н. Потаниным, У. Харвой, В.К. Магницким, А.Ф. Анисимовым (в том числе тюрков и финно-угров в целом) [\[36; 37\]](#). Также вопросы, касающиеся астронима Млечного Пути в отношении народов Северной Евразии, освещались В.В. Напольских [\[26\]](#).

Космогонические и в частности астральные представления древних тюрков и современных тюркских народов Евразии в той или иной степени исследовались в работах Н.Я. Бичурина, Л.Н. Гумилева, С.В. Киселева, С.Г. Кляшторного, И.В. Стеблевой Л.П. Потапова, А.М. Сагалаева, Р.Н. Безертинова, Н.А. Алексеева, И.С. Гуревича, Д.В. Черемисина, М. Элиаде, Ф.М. Сулейманова. Ценная информация по историографии интересующей нас проблематики в современной Средней Азии отражена в диссертационной работе Н.И. Журакузиева, в которой автор ссылается на труды таких ученых по данной тематике как А. Бисенбаев, С.А. Каскабасов, Я. Калафат, Б. Угел, М. Сейидов, Х. Зариф, М. Сайдов, Б. Саримсоков, Н. Рахмонов, М. Жураев, Ш. Турдимова, Мусакулов, Г. Акромов, Ж. Эшонкулов [\[12\]](#). Среди казахских исследований последнего времени заслуживает внимания работа Х.-М.Ш. Илиуф [\[15\]](#).

В Республике Башкортостан астральная мифология башкир и других тюркских народов (в частности и древних тюрков) нашла свое отражение в трудах Н.Х. Максютовой, В.Ш. Псянчина, Р. Шакура, А.С. Баязитовой, В.С. Сулейманова, Г.Р. Абдуллиной, Г.Д. Гайнуллиной, С.Р. Каранаевой, А.А. Хазиевой, А.Г. Салихова и др. [\[1; 20; 33; 35\]](#).

Астральная мифология отдельных финно-угорских народов изучалась У. Харвой (финны), Т.П. Девяткиной, Н.Г. Юрченковой (мордва), Е.А. Айбабиной и Л.М Безносиковой (коми), Ю.А. Калиевым и Поповым Н.С. (мари), Л.Е. Кирилловой (удмурты) и др. [36; 37; 42; 2; 17; 18; 31; 21].

Большая обзорная статья В.В. Иванова, посвященная общетеоретическим вопросам астральной мифологии, вышла в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» (1987). Одной из новых работ по теме астральной мифологии является книга Ю.Е. Берёзкина «Рождение звездного неба. Мифология космоса» (2022). В ней автор в частности отмечает, что до сих пор нет обобщающих полноценных работ по астральным мифам тюрок и финно-угров [5, с. 17] (при значительном объеме конкретных данных).

Заслуживают внимания работы последних двух лет, так или иначе касающихся астральных мифологий различных народов Евразии, например статьи С. Гуломшоева, Н.А. Дубовой, М.Г. Никифорова, М.К. Поляковой [11], Р.Х. Шаряфетдинова [41] и др. В 2024 году В.Я. Петрухиным было осуществлено переиздание сборника по сравнительно-систематическому пересказу основных мифов финно-угорских народов [29]. Также представляют интерес издания обзорного плана Т. Муравьевой, О. Христофоровой, В.С. Черепенчука [25; 38; 39].

Традиционно астральная мифология для европейцев сводилась в основном к древнегреческим мифам о происхождении различных созвездий (знаках зодиака). Кроме того, еще в Вавилоне получила практика соотнесения планет с богами и днями недель и через античное посредство добралась даже до скандинавов. При этом европейские исследователи, собравшие богатый материал по астральным мифам американских индейцев, крайне плохо были осведомлены о космонимах народов Северной Евразии. Как справедливо указывает Ю.Е. Берёзкин, они и поныне для этих целей пользуются русскоязычными источниками [5, с. 17].

Неудивительно, что, например, финские ученые, как У. Харва, еще в первой половине XX в. начавшие систематизировать материал по астральной мифологии у народов Северной Евразии (прежде всего тюрок и финно-угров) проявили, на наш взгляд, определенную предвзятость. Так, мы никак не можем согласиться с мнением ученого о том, что «познания в астрономии» тюркских кочевых народов были невелики потому, что звезды на небе Северной Евразии не так ярко светят, как на родине семитских народов в Междуречье. От этого у тюркских народов номенклатура названий звезд бедна [36, с. 100]. На наш взгляд, более соответствует современному уровню развития науки чрезвычайно плодотворная мысль Ю.Е. Берёзкина о том, что в 12-11 тыс. до н.э., то есть «на рубеже плейстоцена и голоцене Сибирь, по-видимому, являлась мировым центром развития космонимики» [5, с. 7-8]. При этом европейская астральная мифология подверглась слишком серьезной трансформации и отражает, по всей видимости, реалии уже не каменного века, а железного (в любом случае не ранее 5-4 тыс. до н.э.), новых производительных технологий. Кроме того, на нее оказало сильное воздействие распространение христианства [5, с. 8].

К сожалению, сопоставлением и более или менее глубоким анализом космонимов у тюркских и финно-угорских народов Урало-Поволжья исследователи занялись относительно недавно. Однако зачастую специалисты вместо выяснения древних названий звезд и созвездий дают переводы на тюркские языки уже существующих международных названий. Так, в статье Г.Р. Абдуллиной и Г.Д. Гайнуллиной в качестве

башкирских астронимов перечисляются созвездия Рыси, Лисы и даже Кита и Жирафа [\[1\]](#).

Практически единственными работами, посвященными астральным представлениям мари, можно назвать статью Ю.А. Калиева [\[18\]](#) и раздел в краеведческом исследовании, выполненном Н.С. Поповым и А.И. Таныгиным [\[31\]](#). Некоторые свои материалы Ю.А. Калиев затем повторил в монографии «Мифы марийского народа» (2019) [\[17\]](#). Ученый верно отметил, что зачастую в качестве собственно марийских, финно-угорских астральных представлений и мифов, в существующих исследованиях воспроизводятся «туркские, мусульманские, христианские и другие заимствованные сюжеты» [\[18, с. 20\]](#). О достаточно слабой изученности марийских космонимов говорит тот факт, что новые материалы по названиям звезд, созвездий и планет обнаруживаются до сих пор [\[19\]](#). По этому поводу краевед В.А. Камилянов справедливо, на наш взгляд, замечает, что, например, астрономические знания предков мари никак нельзя считать пропавшими для потомков или изначально бедными, скучными [\[19\]](#). При этом, к сожалению, какие-то материалы действительно могли быть не зафиксированы или до сих пор не извлечены из архивов этнографических экспедиций.

Говоря о мордовской астральной мифологии, Н.Г. Юрченкова считает, что она в большей степени относится к таким объектам как солнце и луна. Относительно мифологической разработки звезд и созвездий терминология не выделяется богатством и разнообразием. Так, например, кроме солнца и луны мордва знала на небе лишь Млечный путь, Плеяды, созвездия Весов, Большой Медведицы и Лебедя [\[43, с. 120-121\]](#). Сложно согласиться с мнением Н.Г. Юрченковой уже хотя бы потому что исследовательница не упоминает такого важного астрального объекта на «мордовском» небосклоне как Полярная звезда.

Гораздо объективнее, на наш взгляд, в том числе в целом в отношении финно-угорской астральной мифологии, точка зрения Л.Е. Кирилловой. Так, исследовательница отмечает, что «многие удмуртские названия звезд забыты. Не сохранились и легенды, в которых так или иначе объясняется происхождение звездных имен» [\[21, с. 32\]](#). Собственно единственным астральным удмуртским мифом исследовательница считает легенду о девушке на Луне. При этом Л.Е. Кириллова указывает, что собранная ей картотека удмуртских космонимов составила почти полсотни наименований [\[21, с. 32\]](#), хотя последняя часто включает не только оригинальные названия звезд, планет и созвездий, но и их варианты. В целом, сравнивая наименования космонимов у различных финно-угорских народов и их соседей, Л.Е. Кириллова считает, что многие космонимы совпадают, что может быть следствием языковых взаимодействий. Тем не менее даже простое сопоставление названий звезд может помочь реконструировать уцелевшие фрагменты астральной системы [\[21, с. 37-38\]](#). Е.А. Айабина и Л.М. Безносикова, проанализировав около сорока двух названий звезд и созвездий у коми, подчеркнули, что астронимы являются неизученной областью этого этноса [\[2, с. 96\]](#).

Определение и эволюция астральных мифов. Согласно В.В. Иванову, содержанием астральных мифов в узком смысле являются представления и предания о созвездиях, звездах и планетах [\[23, с. 116\]](#).

Как считает исследователь, наиболее ранними астральными мифами следует признать образы звезд, созвездий в виде животных. Г.Р. Абдуллина и Г.Д. Гайнуллина особо отмечают, что у башкир часты астериизмы, связанные с животными и птицами [\[1\]](#). У мари звезды могли называться «медвежьими», «лосинными» [\[24, с. 198; 2, с. 99\]](#). Ю.А. Калиев, со

ссылкой еще на В.М. Васильева, отмечает, что мари помещали на небо самых разных пернатых – лебедей, гусей, бекасов, голубей, ласточек, кукушек [\[18, с. 21\]](#). Что касается сюжетов, то к архаическим мотивам следует отнести те, в которых речь идет об охоте на того или иного зверя [\[24, с. 116\]](#).

Также заметим, как будет видно из дальнейшего, древнейшими мотивами следует признать астральные образы звезд-отверстий и звезд-камней. Особый случай, на наш взгляд, представляют звезды-божества, впрочем, скорее происходящие из прежних зооморфных образов.

С типологической точки зрения астральные мифы посвящены либо несколькими космическим персонажам, олицетворяемым соседними созвездиями, либо одному персонажу. В последнем случае звезды и созвездия могут выступать частями тела некогда единого существа [\[24, с. 116\]](#). Впрочем, данный вопрос выходит за рамки статьи, и мы пока оставим его без рассмотрения.

По мнению В.В. Иванова, видимо опирающегося еще на замечание У. Харвы, для архаических астральных мифологий характерно просто перемещение обычных земных предметов на звездное небо. Так, у ненцев звезды – это «озера» самой нижней из «небесных» земель. У кетов и селькупов звезды – корни растущих на небе деревьев [\[24, с. 116-117\]](#). У западных якутов – наиболее яркие звезды являются огненными озерами, колымские якуты полагают звезды не чем иным как отблесками озер на небе [\[6\]](#). У мари, судя по тому, что термины юмын («небесный») и шудыр («звездный») были взаимозаменяемыми, среди звезд могли помещаться такие объекты как озеро, куст рябины, лестница, качели, огонь, крылья и т.п. [\[18, с. 21-22\]](#).

Позволим себе развить мысль В.В. Иванова. На наш взгляд, более «прогрессивным» явлением следует признать помещение уже живых существ (животных, людей, божеств) на небо и ставших там звездами или созвездиями. Этот мотив стал особенно популярным (или лучше и полнее дошел до нас) в древнегреческой мифологии [\[24, с. 117\]](#). Частными случаями такого сюжета следует признать миф о женах небесного светила (особенно популярный у американских индейцев), а также миф о близнецах, превратившихся в звезды или созвездия. Как считают специалисты, близнечный мотив не обязательно связывать с Кастором и Поллуксом из созвездия Близнецов. Похоже, для народов Северной Евразии Большая и Малая Медведицы выступали такими близнецами, олицетворяя две фратрии первобытного племени [\[24, с. 117\]](#).

По нашему мнению, довольно архаичным представлением (в виду его простой наглядности) является образ звезд в виде отверстий в небесном пологе. Так, северо-западные якуты рассматривали звезды не только как озера, но и как отверстия в небе [\[6\]](#). У мари сохранился миф о подлинном небе, которое просвечивает через прорехи в прозрачном занавесе, висящем на краю мира [\[23, с. 59-60\]](#). Сходное представление, как будет показано ниже, имелось у коми [\[2, с. 96\]](#).

У казахов отмечено предание о том, что звезды представляют собой большие горы (вероятно, макушки гор), сложенные из драгоценных камней. У мордвы сохранилось редкое сравнение звезд с камнями. Согласно мифу, верховный бог Шкай сотворил небо, затем сделал звезды из собранных на земле камней [\[6\]](#).

Наряду с такими объяснениями происхождения звезд у тюрков и финно-угров имелись

другие: например, согласно чувашскому мифу, звезды произошли из осколков одного из двух «лишних солнц» [39, с. 86], прибалтийско-финские народы считали звезды крапинками на мировом яйце [6]. Думается, что чувашский миф (из-за его привязки к солярному культу) мог возникнуть позднее. Финно-угорское представление более архаично, «наглядно» и связано с охотниччьим хозяйством.

Специфические, общие и заимствованные представления о звездах у тюрок и финно-угров как о классе объектов. Тюрки, как правило, даже в том случае если представляли звезды животными или иными объектами их сами по себе не обожествляли. Зачастую для них было характерно даже достаточно утилитарное отношение к звездам как к метеорологическим объектам (яркое свечение звезд к холодам) [33, с. 153]. Такое же отношение имелось у таджиков-ягнобцев к «холодной звезде» Сириус [11, с. 67-68]. Впрочем, вряд ли у индоевропейцев связь звезд с холодами принадлежала к числу их исконных мифологем. Эта связь могла возникнуть только в суровых условиях Сибири и Центральной Азии. Впоследствии ее могли заимствовать у тюрок их соседи иранцы. Для более южных и западных районов куда актуальнее была, по-нашему мнению, отсылка к периодам засухи и разлива рек. Также, как указывает А.А. Хазиева, связь звезд с человеческой судьбой первоначально у древних тюрков отсутствовала [35, с. 384]. Имеющиеся башкирские слова йондо□о һүнеү («погасла чья-то звезда»), вероятно, имеют позднее происхождение.

Напротив, у финно-угров звезды как объекты могли обожествляться. Например, у марий имелось специальное божество звезд. Прежде всего, это Шудыр Ава Юмо (Шудыр Шоочын Ава) – «мать-богиня звезд», «рождающая мать звезд». Она, считалось, покровительствует жизням людей. Шудыр Ава при этом являлась второстепенным божеством под началом Шудыр-шамычым пуйршо куго юмо. Последний предопределял судьбу звезд. В момент появления на свет человека Шудыр Ава зажигала на небе новую звезду [25, с. 28-29]. Когда человек умирал, эта звезда падала: «Много было на небе звезд // Одна звезда сегодня опустилась...» [34, с. 139-140]. Как указывает В.А. Акцорин, марии, мордва, карелы связывали с рождением каждого ребенка зажигание на небе особой собственной звезды, которая оказывает покровительство ему всю жизнь. В обычаях марийских девушек было восклицать при падении метеорита: «Моя звезда на месте, на небе!» [3, с. 11-12]. Схожие представления имелись у русских (разумеется, без отсылок к богам звезд и подчеркивания женского начала), где они были, несомненно, древнее веры в то, что звезды являются душами безгрешных младенцев и святых, взирающих на людей [22, с. 89]. По М.А. Кастрену звезды (Tehti) входили в разряд первой категории божеств после Юмалы, Укко, небесных светил и Большой Медведицы [10].

Согласно В.В. Иванову, в астральной мифологии обнаруживается ряд мифов, которые имели распространение у многих евразийских этносов. Например, к одному такому мифу относится представление о псе, который посажен на цепь, но с цепи пытается сорваться, что чревато гибелью мира. По мнению исследователя, данный мотив является общеиндоевропейским [24, с. 116]. С данным утверждением, конечно, по нашему мнению, невозможно согласиться, поскольку указанный мотив чрезвычайно широко и разнообразно представлен у тюркских народов [36, с. 106].

Как справедливо отмечает У. Харва, мотив звездных веревок, с помощью которых звезды прикрепляются к Полярной звезде, имеет распространение от Норвегии до Индии [36, с. 33]. Киргизы считают три соседних с Полярной звездой и образующих дугу звезды

Малой Медведицы «веревкой». Представлялось, что к ней привязаны «иноходцы» – две большие звезды (белая и голубоватая). Семь звезд Большой Медведицы выступали стражами, охраняющими коней от затаившегося волка. С образом небесных стражей был связан эсхатологический миф о том, что если волк задерет этих животных, то наступит конец света. Некоторые полагают, что и Большая Медведица прикреплена веревкой к Полярной звезде. В случае если этот кол вынуть, то звезды придут в состояние хаоса, и мир погибнет. Минусинские татары верили, что если «семь собак» Большой Медведицы сорвутся с цепей, то наступит вселенская катастрофа. У. Харва указывает, что у славян имеется схожее представление, но одной собакой представляется Малая Медведица. Как только собака сбросит цепи, которые еедерживают, мир исчезнет [\[36, с. 106\]](#).

Праформа для обозначения понятия «звезда». Довольно значимым моментом представляются обозначения для понятия «звезда» в тюркских и финно-угорских языках.

В тюркских языках общее название для звезд стандартно и происходит от праформы *jul-dur: ср. баш. йондоз, тат. юлдыз, тур. йылдыз, хакас. чилтыс, якут. сулус, долг. хулус, балк. жулдыз и т.п. В свою очередь тюркская праформа восходит к алтайской праформе со значением «горящий» и имеет параллели не только в монгольских языках, но и в корейском, японском, а также, предположительно, в финно-угорских языках (прибалтийско-финских и мордовском) [\[7\]](#).

В финно-угорских языках имеется два слова со значением «звезда» и оба они восходят к общей праформе. Первое слово (от праформы *kuns'a) представлено в языках коми, удмуртов, хантов, манси, венгров, а также селькупов [\[8\]](#). Так, Л.Е. Кириллова отмечает, что в удмуртском языке используются слова кизили («звезда») и кизилисюрос («созвездие», т.е. «скопление звезд») [\[21, с. 32\]](#). Второе слово встречается в финском, эстонском, саамском, мордовском и марийском (фин. тяхти «звезда») языках. Правда, в марийском слово тиште ныне означает «знак», «метку». Схожее значение, помимо основного, имеется и у саамского daste (« пятнышко на голове животного») [\[9, с. 520\]](#). Особняком стоит марийское слово шудыр для обозначения понятия собственно звезды. Обычно его считают заимствованием из чувашского салдар (являющегося соответственно татарского юлдыз). Однако, по мнению В.В. Вершинина, данная этимология неубедительна по фонетическим соображениям. По мнению лингвиста, основа -шуд может быть связана с глаголом шуктеш («тлеет, горит» < праур. *saje «гнить»). Кроме того, если поддержать этимологию Д.Е. Казанцева, сходными с марийским шудыр и слова в индоевропейских языках (ср. персид. sitara «звезда») [\[9, с. 690, 692\]](#). Что касается слова шудыр в значении «веретено; ось; стебель», то оно, по мнению В.В. Вершинина, либо восходит к финно-волжскому праязыку (как индоевропейское заимствование) либо является изобразительным (ср. венг. sodorni, эст. ketrata «прясть») [\[9, с. 692\]](#).

Таким образом, в тюркских языках понятие «звезда» обозначается одним словом, а в финно-угорских по меньшей мере двумя. На наш взгляд, это объясняется тем, что тюркскотоводы, создатели могучих империй древности и средневековья (турецких каганатов) издревле были более консолидированы, чем преимущественно охотники финно-угры.

Отражение астральных мотивов в именнике. Редкие и необычные имена, лексические варианты и образные выражения, связанные со звездами как о классе объектов. Названия звезд нашли свое отражение в именнике тюркских народов. Так, у башкир, как отмечают исследователи С.Р. Каранаева и Г.Р. Абдуллина, встречаются имена вроде Таңсулпан («утренняя звезда»), Зухра («блеск, свет, звезда»),

а также популярно имя Сулпан – которым нарекали и мальчиков, и девочек. В башкирской мифологии происхождение имени Зәһрә связывают с именем девушки-сироты по имени Зухра, которую луна забрала от мачехи к себе и превратила в звезду. На основе этих имен возникли новые имена – Гөлзәһрә (Гульзухра), Зәүрә (Заура), Ақсулпан (Аксулпан). Имя Йондоң (Юндуз) на башкирском значит «звезда» и выражает стремление родителей, чтобы дочь сияла, как звездочка [\[20, с. 88\]](#).

С.Р. Каранаева и Г.Р. Абдуллина также приводят тюркское мужское имя Тимерказык «Тимерказык», хотя и не совсем верно трактуют его перевод: «(дословно – тимер (железо) – абыс «ковщик»)», поскольку, как уже упоминалось выше, перевод второго части данного имени связан с общетюркским «кол», «шест», в то время как ковщик переводится в частности на башкирский и татарский языки как «кашык». Имя Тимерказык, по их мнению, также имеет башкирские корни и, безусловно, означает название Полярной звезды [\[20, с. 88\]](#).

У марий было зафиксировано имя Ахтар, через татарское посредство восходящее к персидскому слову, означающему «звезда» [\[40, с. 53\]](#). Также зафиксированы женские имена Кизелет (Кизилат, Кизилет), Кизылви источником которых является удмуртское кизили «звезда» [\[40, с. 215, 216\]](#). Представляет интерес еще одно марийское женское имя Чилека, которое С.Я. Черных сравнивает с саам. чиллк «светлый» и венг. csillag «звезда» [\[40, с. 229\]](#).

Помимо прямого названия звезд звездами, видимо в силу каких-то табу, часто использовались нарицательные имена. Например, по заключению Л.Е. Кирилловой, названия удмуртских звезд могли даваться по их расположению, времени появления на небе; количеству звезд в созвездии; относительной величины объекта; характерному признаку объекта; ассоциации с какой-либо птицей, животным, бытовым предметом [\[21, с. 33-35\]](#). При этом одни космонимы могли иметь один вариант названия, а другие – сразу несколько [\[21, с. 35\]](#). Иногда звезды, как уже отмечалось выше, назывались иносказательно. С «отверстиями», «озерами», «камнями» сравнивались звезды у тюрок якутов, а также у финно-угров марии, мордовы. У башкир «звездой» назывались пятна на теле животных: йондоң кашка («лошадь с белой отметиной в форме звезды») [\[35, с. 384\]](#). В загадках коми звезды – это овцы, дыры в одеяле [\[2, с. 96\]](#).

Таким образом, для тюрок и финно-угров было характерно отражение астральной мифологии в именнике, а также в числе лексических вариантов и выражений. При этом, похоже, что у финно-угров (на примере марии) патриархальные мотивы выражены определеннее, поскольку все имена, связанные со звездами – женские.

Далее мы отдельно разберем два ключевых космонима в представлениях тюрок и финно-угров – Млечный Путь и Полярную звезду, преимущественно в плане специфических, общих и заимствованных представлений.

Млечный Путь. Млечный Путь является самым значимым астральным объектом, поскольку представляет собой часть нашей Галактики. Своей яркостью и величиной он затмевает все созвездия и, конечно, привлекал внимание людей с глубокой древности.

Как отмечает У. Харва, в тюркских языках он носит обычно название Дороги птиц или Пути диких гусей (Кош/каз юлы – у башкир, Киең каз юлы – у татар Поволжья, Кайак хор сулее – у чувашей). У финнов – Птичьего пути, у саамов – Птичьей лестницы [\[36, с. 111-](#)

[\[12; 61\]](#). При этом у казахов Млечный Путь может называться Сабан Холы («мякинной дорогой»), потому что якобы птицы при перелете устилают свою дорогу мякиной. У киргизов зафиксировано также название Зымран күштик жул («дорога птицы Симург») [\[6\]](#).

Раскрывая мифологический смысл данного астеризма, современный исследователь В.Я. Петрухин указывает, что для финно-угорских народов Млечный путь, как дорога, по которой действительно каждую весну перелетные птицы устремлялись к берегам Ледовитого океана, соединял страну мрака на Севере и страну тепла на Юге. При этом для финнов (Линнуунрата), эстонцев (Линунтее) и мордвы-мокши (Нармонь ки) было характерно простое наименование без конкретизирующего сочетания, обозначающего дикого гуся или другую птицу. Иное – для части эстонцев, мари, коми-зырян, мордвы-эрзи, удмуртов: Kuretee, Кайык комбо корно, Дзо-дзог туй, Вирь мацеенъ ки, Луд зазег сюрес («гусиный путь» или «дорога диких гусей») [\[28, с. 8; 29, с. 9-10\]](#). Также мордве было известно наименование Млечного пути как Каргонь ки («дорога журавлей») [\[43, с. 120-121\]](#).

Л.Е. Кириллова отмечает, что название Млечного пути во многих финно-угорских и тюркских языках переводится понятием «путь птиц (гусей, журавлей)», например: эст. Linnutee («путь птиц»), тат. Киек каз юлы («путь диких гусей»); чув. Хуркайнак суле («диких гусей путь»). коми Утка туй, Дзодзог туй, Кай туй, Тури туй (дорога уток, гусей, птиц, журавлей) [\[6\]](#). Тоже самое у русских – Птичий путь и т.д. По мнению исследовательницы, возможно, многие из этих рассмотренных названий возникли самостоятельно в разных языках. Впрочем, совпадение в значении некоторых космонимов могло образоваться и в результате языковых взаимодействий [\[21, с. 37-38\]](#). Так, на наш взгляд, стоит обратить вниманием на популярность журавлей как звездного образа у мордвы, коми и башкир.

Ю.Е. Берёзкин связывает мотив птичьего пути в основном с представителями финно-угорских языков, поскольку, хотя он и знаком чувашам, башкирам, татарам, ногайцам, казахам, киргизам, туркменам и кипчакам (последним по данным XIV в.) совершенно отсутствует у тюрок в Восточном Туркестане и на юге Сибири. Далее «птичий путь» неожиданно всплывает у эвенков и индейцев Северной Америки. Таким образом, исследователь считает, что «дорога птиц» является архаическим североевразийским космонимом, возникшим еще до выделения известных языковых семей, сравнительно поздно занесенным в Америку [\[5, с. 121-123\]](#). Здесь Ю.Е. Берёзкин в общем-то подтверждает еще выводы В.В. Напольских (1991), а также В.Я. Петрухина и Е.А. Хелимского (1988), согласно которым представление о Млечном Пути как «дороге перелетных водоплавающих птиц» отмечено кроме финно-угров у тех народов, которые имели с ними тесное соприкосновение [\[26, с. 74\]](#).

Как отмечают Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова, у коми записано несколько обозначений для Млечного Пути: «путь птиц (уток, гусей)» (коми-пермяцкое Кай туй; коми Чож туй; коми-пермяцкое Дзодзог туй), «лыжный след», «небесный шов», «река», «путь похитителя соломы» и др. [\[2, с. 98\]](#). Исходя из вышеприведенного анализа номенклатуры названий Млечного Пути, мы можем утверждать, что исследователи правы, когда утверждают, что первое наименование является общим для финно-угорских народов [\[2, с. 98\]](#). При этом у коми зафиксировано развернутое определение Млечного Пути, которое, на наш взгляд, скорее отражает уже не просто образ, но является отголоском древнего мифа: Саридзо лэбзян туй («дорога, по которой птицы летят в

теплые края» [\[2, с. 98\]](#). Г.Е. Верещагин записал такое удмуртское поверье о Млечном Пути: «Если бы не было этой дороги, то дикие гуси при перелете с запада на север и с севера на запад могли бы заблудиться и оттого перевелись бы все» [\[21, с. 32\]](#).

Однако Ю.Е. Берёзкин никак не объясняет причину того, что у части финно-угров, а также тюрок Урало-Поволжья, космоним Млечного Пути включает в себя уточняющие наименования. Правда, уточняющие наименования имеются у части эстонцев и у манси (манс. Потлёнг, «диких уток путь»), но основные варианты все же другие, с обозначением просто «птичьего пути» или «пути перелетных птиц» [\[6\]](#). Возьмем на себя смелость высказать предположение, что, возможно, источник данного космизма находился в районе Урало-Поволжья. Отсюда его конкретизация. Эту гипотезу подтверждает то обстоятельство, что у башкир и мари имеются сходные мифы об образовании Млечного Пути: когда-то случился катаклизм, и птицы решили оставлять в небе свои перья, чтобы их более слабые собратья могли добраться до южных стран. Тем не менее имеются различия в ряде важных деталей. Например, в начале башкирского мифа утверждается, что раньше не было ни звезд, ни Млечного Пути. Катаклизмом называется сильная буря. Птицами, оставляющими перья, выступают журавли [\[4, с. 9\]](#). В марийском мифе акцент сделан на наступление в древности сильного холода и тьмы. Только после этого гуси начали свой полет «в теплые края, в сторону полудня» [\[23, с. 55-56\]](#). Еще один вариант мифа о возникновении Млечного Пути сохранился у восточных мари. В нем вместо гусей действуют утки, а холод приобретает антропоморфные черты божества Йушто кугыза [\[32, с. 41-42\]](#). Прибалтийско-финские мифы о «гусином пути», прежде всего финский и эстонский, сохраняют идею о перелетных птицах [\[6\]](#). Однако они, на наш взгляд, осложнены подробностями, по всей видимости, имеющими заимствованный или местный характер. Это особенно видно на примере среднеазиатских вариантов, где идея перелета птиц именно на юг (у казахов, киргизов) выражена достаточно схематично, а иногда даже заменяется «перелетом в Мекку» [\[6\]](#). Также в этой связи характерны удмуртские названия Млечного Пути: Зазегптыты («гусиный след»), Лудзазегкошконсюрес («дорога отлета диких гусей») [\[21, с. 35\]](#). Судя по марийскому варианту мифа о возникновении Млечного пути, на астральную мифологию финно-угров могли оказать какие-то местные палеосибирские представления, связанные с суровыми условиями ледникового периода и долгих полярных ночей.

У. Харва отмечает, что Млечный Путь на северо-востоке Сибири отождествлялся с текущей по небу рекой [\[36, с. 112\]](#). По материалам Ю.Е. Берёзкина, представление о нашей Галактике как о «реке», «небесной воде», «гигантской змее», «дороге душ» было в первую очередь характерно для индотихоокеанского региона. Ученый считает мифологемы «реки-змеи» и «дороги душ» в отношении Млечного Пути древнейшими, которые впоследствии, в эпоху ледникового периода, были заслонены в Северной Евразии другими представлениями: о «пути перелетных птиц», «лыжным следом» [\[5, с. 39\]](#). Кроме того, по мысли ученого, сравнение Млечного Пути с « позвоночником неба», «мировым столпом», «швом» (возможное ответвление мифологемы « позвоночника неба») также следует признать древним, лучше всего сохранившимся у народов крайнего севера Евразии (Таймыр) и индейцев Северной Америки [\[5, с. 110-111\]](#). Что касается сравнения Млечного Пути с трещиной в небе и швом, то она особенно часто встречается в районе Алтая. Вероятнее всего, на наш взгляд, он и был источником данного мотива.

Еще одна мифологема – Млечный Путь как «дорога душ», отмеченная у многих народов Евразии, но часто основная у индейцев Америки. Характерно, что у русских и у чувашей имеется образ радуги как «дороги душ» [\[5, с. 36\]](#). Согласно О. Христофоровой, у алтайцев Млечный Путь на шаманских бубнах изображался в виде радуги («точеч-звезд») [\[38, с. 81\]](#) Ю.Е. Берёзкин высказывает гипотезу о том, что мотив «дороги птиц» мог произойти из мотива «дороги душ» для финно-угров, балтов, отчасти славян и тюрок [\[5, с. 39\]](#).

Мы решимся предположить, что изначальная мифологема «дороги душ» могла развиться (или существовать одновременно) в мифологемы «звездной реки», а также «радуги-змеи» («змея» могла выступать в связке со стихией воды). Так, у води и мари были зафиксированы параллельные мифы о девушки у колодца, которую засосала на луну радуга [\[5, с. 128-129\]](#). Хотя они и имеют отношение в основном к лунарной мифологии, тем не менее, на наш взгляд, нельзя исключать сохранения у тюрок и финно-угров древнего представления о прежнем сравнении Млечного Пути с «радугой-змеей» и «дорогой душ (духов)». Подобное предположение подтверждает то, что, например, представление о Млечном Пути как о небесной, божьей реке (Юмын Энер, Йомшо), связанной с культом духов-йомшо было зафиксировано у мари. Представление о небесной реке, согласно материалам В.Я. Владыкина, имелось также у удмуртов [\[17, с. 387\]](#).

У венгров космоним Млечный Путь может носить название Hadak Utja «путь войск». Он связывается с преданием о принце по имени Чаба, сыне Атиллы. Якобы его отряды через весь небосвод явились на помощь секеям в Трансильвании, которые терпели поражение в битве с врагами. Они обратили супостатов в бегство, а потом по тому же пути вернулись назад. То есть Млечный Путь сложился из следов подков коней войска Чабы [\[2, с. 98\]](#). Кроме того венграм были известны обозначения Млечного Пути, некоторые из которых содержали в основе общее для финно-угров понятие пути: «серебряная дорога», «путь душ», «ночная радуга», «расщелина зари», «борозда Истена (Бога)», «белый ров», «холст красавицы». Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова при этом проводят интересную параллель с коми языком и фольклором. Так, в коми народной поэзии холст, полотно обозначали мост, дорогу, реку, отделяющую и соединяющую разные области и уровни мироздания, а в загадках прямо Млечный Путь [\[2, с. 98\]](#).

Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова оставили без объяснения венгерские наименования Млечного Пути, которые связываются в первую очередь с идеей «пути душ» и «зарей-радугой» [\[2, с. 98\]](#). Между тем они представляют несомненный интерес хотя бы в силу своего семантического разнообразия. Очевидно, что к венгерским данным имеет уже выше отмеченная нами русская и чувашская мифологема радуги как «дороги душ». Сюда же следует отнести водский и мариийский миф о девушке у колодца, которую засосала на луну радуга.

Таким образом, наше предположение о том, что у тюрок и финно-угров сохранилось древнее отождествление Млечного Пути с «радугой-змеей» и «дорогой душ (духов)» получает дополнительное подтверждение.

Еще одна группа венгерских обозначений Млечного Пути как «белого рва», «холста красавицы» может иметь отношение к представлению о небесном занавесе, через который проглядывают нестоящие небеса (звезды), а также к мифу о небесной (звездной) деве. Можно отметить венгерские, коми и мариийские параллели в образе «звездного полотна» таким образом необязательно сводимого в образу «моста, дороги, реки». Согласно Н.С. Попову и А.И. Таныгину, Млечный путь как «дорога птиц» (точнее

даже как «дорога серой утки», летящей из скопления Плеяд), мог еще сравниваться с платком богини рождения (звезд) Шочын Авы [\[31, с. 18\]](#).

Миф о небесной (звездной) охоте был известен тюркам. Так, Н.В. Лукина пересказывает миф чулымских тюрков, согласно которому, семеро охотников догоняли лося; первый – ясновидящий, сзади – трое помощников, прочие трое несли продукты; ударили мороз, они застыли и возник Млечный Путь [\[6\]](#). Наиболее богата мифологема «лыжного следа», как и следовало предположить, у якутов. Так, у последних Млечный Путь – айыы уолун хайыхарын суола – «лыжня, проложенная сыном айыы», «след, оставленный сыном бога, когда тот проходил по небу на лыжах»; «лыжня богатыря Халлан уола (он проложил его, когда преследовал хорошеных женщин и девушек). Наиболее классическим сибирским вариантов здесь выступает якутский астральный миф, согласно которому, Млечный Путь образовался потому, что сын неба Халлаан уола настигал на лыжах оленя и оставил дорогу (след) на небе [\[6\]](#).

Мифологема «лыжного следа» имеется не только у обских угров, но и финнов. Сохранился финский и карельский миф о том, как охотник, упустив добычу, превратился в Полярную звезду, а его лыжня в Млечный Путь [\[28, с. 68\]](#). Миф о «лыжном следе» для Млечного Пути есть у коми (Лямпа туй – след от лыж охотника, гонявшегося за оленем). Ю.Е. Берёзкин отмечает, что сравнение Млечного Пути у русских с «лыжным следом» имеет единичный характер без указания места записи, что свидетельствует в целом сибирском (прауральском?) происхождении данного мифа [\[6\]](#).

К охотничьему обско-угорскому мифу об охоте на шестиногого лося сына небесного бога Нуими-Торума восходят, по мнению У. Харвы, уже рассмотренные выше якутские представления о том, что Млечный Путь является следами ступней Бога. Якобы он оставил их на небе, когда ходил по нему, созиная мир. Иногда якуты называют Млечный Путь «Лыжней сына Бога» [\[36, с. 112\]](#). По мансийскому мифу, Нуими-Торум, сделав землю, отправил на нее шестиногого лося. Простой охотник не смог догнать его. Тогда он обратился к «лешему», сыну Нуими-Торума. Тот кое-как настиг зверя, отрубив ему «лишние» ноги. В результате лось стал Большой Медведицей, у которой можно заметить голову, два глаза, передние, задние и две отрубленные ноги. Млечный Путь – это лыжня сына Нуими-Торума, а Плеяды – его жилище [\[36, с. 112\]](#).

Данный мотив, возможно, присутствовал у мари, если принять во внимание существование у последних духа Кава умбал коштшо (букв. «по небу ходящий»). Этот дух был подчинен, в том числе, мужским божествам-мужу Кугыену и Йомшо, а также женскому водному божеству Вичыудыр («дева реки Вятки») [\[17, с. 386\]](#).

Мифологема Млечного Пути – «упавшего дерева» зафиксирована в основном у прибалтийско-финских народов. По Ю.Е. Берёзкину возможно говорить о существовании связи Млечного Пути с деревом (лесом) у хантов и манси [\[6\]](#). В этой связи, на наш взгляд, стоит обратить внимание на сравнение звезд с корнями деревьев у кетов и селькупов [\[24, с. 116-117\]](#). В целом, хотя данная мифологема редка, ее можно считать вариантом мифологемы «небесного позвоночника» или «небесного столпа».

Собственно сравнение Млечного Пути с молочным следом, так популярное в Европе, среди урало-алтайцев фиксируется только у чувашей и киргизов – Ак Майанынг сюйди (кирг. «молоко белой верблюдицы»). Причем, у чувашей данный астроним, скорее, реконструируется В.Г. Родионовым из обычной для тюрков мифологемы молочного

небесного озера [\[6\]](#).

Якуты называют Млечный Путь – Небесным швом [\[36, с. 111-112\]](#). Возможно, что данная мифологема как-то связана с мифологемой «небесного (звездного) следа», либо выражает простую идею о том, что небо представляет собой сшитые шкуры, образующие крышу жилища. В последнем случае образ можно признать достаточно древним, восходящим к тем временам, когда первобытный человек уподоблял весь окружающий мир своему жилищу и тому, что в нем или рядом находится.

По мнению Ю.Е. Берёзкина, образы Млечного пути как «небесного шва», «трещины в небе» при желании можно вывести из известной у ненцев, ноганасан и североамериканских индейцев мифологемы «позвоночника неба». При этом обозначения Млечного Пути как «небесного шва» характерны для монгольских народов, якутов, а среди тюркских народов зафиксировано у тувинцев, ногайцев и анатолийских турок. Ученый считает, что данный мотив мог быть достаточно давно заимствован тюрками у монголов [\[5, с. 112-113\]](#). На наш взгляд, учитывая наличие мифологемы на таком большом пространстве тюркского мира, направление заимствования, по крайней мере в рамках алтайского ареала, могло быть и обратным.

Сравнение Млечного Пути со снегом, инеем, холодом характерно для китайцев, тюрков (хакасов, алтайцев, шорцев), а также потомков майя (цоциль) в Мезоамерике. Зафиксировано оно и у приморских саамов (где носит, скорее, ситуативный и случайный характер). Согласно хакасскому мифу, записанному В.Я. Бутанаевым, Ак-Кудай заявил, что для Эрлика не будет места на земле, но изъявил согласие оставить ему кусочек земли, на который можно водрузить посох. Эрлик проткнул посохом землю и спустился вниз. Спускаясь, он ободрал себе бока. Кровь Эрлика брызнула на небо и там превратилась в Млечный Путь – Хыро чолы (Дорога инея). С тех пор говорят, что осенью с Млечного Пути валится иней и замораживает землю [\[6\]](#).

Таким образом, судя по наиболее полному мифу (в подробном китайском мифе мифологема снега не кажется сильно мотивированной), источником сравнения Млечного Пути с инеем, снегом является тюркская астральная мифология.

Мифологема «похитителя соломы» (просто «рассыпанной соломы») в отношении Млечного Пути встречается у древних египтян, вообще популярна в Северной Африке, у народов Западной Европы, Передней Азии. Среди тюрков данная мифологема встречается у узбеков, казахов, татар и, вероятно, связана заимствованиями из регионов Средиземноморья и Ближнего Востока. Характерно, что у венгров образ похищенной цыганами соломы вытеснил прежний образ Млечного Пути «как дороги птиц» [\[6\]](#).

Полярная звезда. Полярная звезда расположена вблизи северного полюса и является самой яркой звездой созвездия Малой Медведицы.

Как справедливо отмечает У. Харва, первобытные люди давно обратили внимание на вращение звездного неба вокруг неподвижной Полярной звезды. В Лапландии финны называли Полярную звезду Звездой-пупом Севера. У алтайцев представление о Пупе неба, по мнению ученого, сформировалось раньше представления о Пупе земли [\[36, с. 31\]](#). Скандинавы называли Полярную звезду Вералдарнагли «гвоздем мира» [\[36, с. 31-32\]](#). Саамы – Вааральден чуолд. По мнению У. Харвы, это название они позаимствовали у скандинавов [\[37, с. 31\]](#). Подобные сравнения Полярной звезды с гвоздем были и у славян.

В древнетюркской лексике, а соответственно и в современном словнике тюркских народов название Полярной звезды четко увязано с шестом, колом (казық). Это такие варианты как Алтын казық («Золотой шест/кол»), Тимер казық («Железный шест/кол») и т.д. Казахский исследователь Х.-М.Ш. Илиуф перечисляет в своей работе следующие названия: казах. Temir qazıq, астрахан. тат. Temir qazıq, карачаево-балкарск. Temir qazaq/Temir qazıq, кирг. Temir qazıq jıldızı, баш. Timir qadıq yondodo, туркм. Demir gaziq yıldızı (букв. «звезда Железный кол»), тат. Qazıq yuldız («Кол-звезда», чувашск. Timer chalsa («Железный кол») 615, с. 222]. Башкирские исследователи Г.Р. Абдуллина и Г.Д. Гайнуллина также отмечают, что у караханидских уйголов Полярная звезда – Темур казық, у турков – Демир казук/Демир-казық, у туркменов – Демир газық и т.д. [\[1\]](#).

О древности и исконности мифологемы Полярной звезды – «шеста/кола» для тюрок, на наш взгляд, говорит этиологический и одновременно космогонический древнетюркский миф о возникновении Полярной звезды, приводимый Х.-М.Ш Илиуфом. Когда-то царил страшный хаос из-за того, что небо и земля находились слишком близко друг от друга. Тогда разгневался великий бог неба Тенгри. Он вбил в сердцевину мироздания свой золотой посох, отделив землю от неба. До сих пор сверкающий конец посоха можно увидеть в ночном небе – это Алтын казық («Золотой кол»). Прочие звезды кружат вокруг Алтын казыка, тем самым выражая покорность власти Тенгри [\[16, с. 224\]](#).

Л.Е. Кириллова отмечает достаточно многочисленную номенклатуру названий Полярной звезды у удмуртов: Инкизили («небесная звезда»); Йырыйл кизили («звезда над головой»); Уйкизили («северная звезда»), Кобыкизили («звезда – ковш») [\[21, с. 35\]](#). Как видно, большинство из них является описательным и обычным для неба Северной Евразии. Судя по названию, башкирским заимствованием является у удмуртов обозначение Зедыганкизили («семь звезд» – зедыган < баш. етеген «семь») [\[21, с. 35\]](#).

Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова, говоря о названиях Полярной звезды в коми и удмуртских языках, сравнивают преимущественно пермские и финские материалы. Так, у коми, как и удмуртов, Полярная звезда может определяться как «звезда находящаяся над головой» (Юрвыы кодзуу). У удмуртов, финнов, мордовы-эрзя, саамов Полярная звезда может называться северной или светлой звездой (удм. Уй кизили, Уйшор кизили; фин. Pohjantahti; морд.-эрз. Валго теште, Пелевень теште; саам. Чуввесъ тассът) [\[2, с. 99\]](#). Характерно, что Инкизили, удмуртское название Полярной звезды («небесная звезда»), соответствует марийскому Кава шудыр. Среди многочисленных названий Полярной звезды в венгерском языке учеными отмечается следующее – «пуп неба» [\[2, с. 99\]](#), который, напомним, согласно У. Харве, у алтайцев древнее, чем «пуп земли».

Возможно, что сравнение Полярной звезды с гвоздем это довольно поздняя мифологема, сложившаяся уже в эпоху развития кузнецкого ремесла. Эстонское представление о Полярной звезде, на наш взгляд, объединяет в себе североевразийские и скандинавские представления. Так, эстонцы считали, что Полярная звезда это гвоздь, на котором вращается небесный котел. Сама Полярная звезда называется Пыхьянаел («Гвоздь Севера») [\[36, с. 31\]](#). Соответственно выпадение гвоздя (у саамов) означало гибель мира [\[36, с. 31\]](#). Иногда Полярная звезда называлась просто Севером, Вершиной мира (например, у финнов, саамов) [\[36, с. 32\]](#).

У. Харва полагает, что мифологема гвоздя подтолкнула людей к мысли о необходимости чего-то более крепкого и долговечного как опоры. Так, якобы, родилась идея мирового столпа [\[36, с. 32\]](#). На наш взгляд, идея мирового столпа является более архаической и,

несомненно, предшествовала идея небесного гвоздя. Тот же У. Харва отмечает, что представление о Мировом столпе в начале XX века было известно только глубоким старикам финнам в выражении, что они живут, «чтобы быть Мировым столпом» (Маайльманпатсас, ср. эст. Ильмасамба) [\[37, с. 134\]](#).

Как сообщает У. Харва, саамы верили, что Боахъе-Насте («Гвоздь Севера») крепит небо, а когда в последний день лучник (звезда Арктур) собьет ее стрелой, оно рухнет и мир сгорит в огне мирового пожара [\[37, с. 31\]](#).

Золотым столпом Полярную звезду именовали алтайцы и уйгуры. Железным колом – киргизы, башкиры, сибирские татары [\[36, с. 32\]](#). Судя по тому, что образ «золотого столба» больше распространен в регионе Алтая, его можно признать древнейшим, изначальным. Тем более что первоначально, по нашему мнению, речь могла идти о бронзе, меди, олове, других мягких металлах, либо имела место поэтическая метафора, отождествление Полярное звезды с неким истинным светом, огнем, зарей и т.п. Например, у мари Кава менге («небесный столб») мог также называться огненным, железным, серебряным, золотым и даже медным [\[17, с. 61-62\]](#).

У. Харва полагает, что представления о мировом столпе (деревянном, каменном) у обских угров могло возникнуть под влиянием соседних тюркских народов [\[36, с. 33; 37, с. 194\]](#). На наш взгляд, возможно, что мифологема четырехугольного каменного столба из прозрачного камня посреди железного поля (у хантов) выражает стойкость первобытного представления о более основательной природе камня как материала для строительства и орудий труда.

Североевразийские представления о небесном столпе, возможно, оказали влияние на верования древних саксов, которые еще в VI в. поклонялись Ирминсулю («Большому столбу»), которое «поддерживало все». [\[36, с. 32\]](#).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что представления о Полярной звезде у прибалтийских финно-угров, в отличие от образа Млечного пути, достаточно сложные и многообразные, являющиеся сплавом как древних азиатских, так и более поздних европейских мифов.

Для тюрков, как для специализированных скотоводов, было характерно представление о Полярной звезде как о коновязи. Якуты называли Полярную звезду «Господином столбом» [\[36, с. 33\]](#). Сибирские татары полагали, что боги живут на небе в юртах и, подобно людям, привязывают своих коней к золотой коновязи – Небесному столпу [\[36, с. 33\]](#). По мнению К. Карьялайнена, обские угры заимствовали у тюркскихnomadov представление о Железном столбе, к которому привязывались ездовые животные [\[36, с. 33\]](#).

Как уже указывалось выше, у мари основу вертикального строения мироздания представляет Шудыр, Полярная звезда, которая также отождествляется с мировым, небесным столбом (Кава менге), находящимся на вершине высокой горы или дерева. Вокруг этого столба врачаются созвездия Лося, небесного лебедя и небесного барана [\[18, с. 20\]](#). Иногда название Полярной звезды у мари уточняется: Кава шудыр («Небесная звезда»), Маска шудыр (Медвежья звезда) [\[12, с. 198\]](#). Е.А. Айабина и Л.М. Безносикова отмечают марийское Шор шудыр («лосинная звезда») [\[2, с. 99\]](#).

Как уже отмечалось выше, особенностью марийских названий звезд является то, что в языке мари слово шудыр («звезда») одновременно обозначает собственно «звезда» и «веретено; стержень». При этом последний термин также многозначен, выражая идею вращения вокруг оси и также связывания уровней пространства.

Особенностью марийских и мордовских наименований Полярной звезды является то, что они могут прямо соотносится с птицей, сидящей на вершине мирового столба или даже звездной богиней вроде Юмынудыр у мари и Анге-Патяй у мордвы (у мордвы сюжет реконструируется). Например, в марийской песне значимость весеннего языческого праздника Сюрема сравнивается со значимостью Полярной звезды, выступающей символом Юмынудыр [27, с. 59]. Как отмечает Г.Е. Шкалина, Кава ме[□]ге (Небесный столп) у мари означал Полярную звезду. Последняя называлась Шудыр (веретено/звезда) на которой (на золотом, медном или серебряном столбе) восседает Юмынудыр и прядет свою звездную нить [42, с. 73]. Кроме того, как указывает С.В. Пивкина, четыре звезды созвездия Большая Медведица соотносились с богиней рождения Анге-Патяй [30, с. 92]. Позволим себе высказать предположение, что, по аналогии с Юмынудыр, вероятно, в прошлом Полярная звезда могла также отождествляться с мордовской богиней.

С чем может быть связана последняя специфика представлений о Полярной звезде у финно-угров? Говоря об эволюции астральных представлений, мы выше уже указывали, что особый случай представляют звезды-божества. Нет ничего удивительного в том, что марийская, возможно, мордовская и венгерская звездные богини стали результатом развития прежних зооморфных, точнее даже орнитоподобных, образов птиц-totемов, птиц – олицетворений душ.

Таблица 1. Сравнительная таблица основных общих и специфических астронимов у тюрок и финно-угров

Основные астральные мотивы	Тюрки/этносы/другие этносы	Финно-угры/этносы
«Звезды-отверстия»	Якуты	Мари, коми
«Звезды-камни»	Казахи	Мордва
Млечный Путь – «иней, снег»	Хакасы, алтайцы, шорцы Не тюрки: китайцы, потомки майя (цоциль)	Приморские саамы (образ ситуативный, возможно случайный)
Млечный Путь – «дорога птиц»	Башкиры, татары, чуваши, казахи, киргизы, ногайцы, туркмены, кипчаки (XIV в.) Не тюрки: эвенки, индейцы Сев. Америки	Обские угры, удмурты, мари, мордва, коми, саамы, финны, эстонцы, венгры (редкий вариант) Не финно-угры (индоевропейцы): русские
Млечный Путь – «дорога гусей (журавлей, уток)»	Башкиры, татары, чуваши	Часть эстонцев, мари, коми-зыряне, мордва-эрзя, удмурты, обские угры (манси)
Полярная звезда – «Золотой/Железный кол и «коновязь»	Казахи, астраханские татары, балкарцы, карачаево-балкарцы, киргизы,	Обские угры (результат заимствования у тюрков)

	башкиры, татары, чуваши, уйгуры, туркмены, Поволжья, караханидские турки.	
Полярная звезда «мировой столб» «гвоздь» (только прибалтийско-финских финно-угров)	-Якуты, алтайцы и уйгуры, икиргизы, усибирские татары, татары Поволжья. Не тюрки: (саксы)	Обские угры, мари, башкиры, саамы, финны, эстонцы
Полярная звезда «мировой столб (птица на вершине столба)», «богиня»	--	Мари, мордва, венгры (?) сюжет реконструируется)

Заключение. Таким образом, рассмотрев мифы тюрков и финно-угров в отношении звезд в целом и конкретно таких значимых космонимов как Млечный Путь и Полярная звезда, мы можем сделать следующие выводы.

Мы не можем согласиться с мнением У. Харвы о «бедности» номенклатуры названий звезд у тюркских народов. Нам ближе точка зрения Ю.Е. Берёзкина о том, что Сибирь, где сформировались урало-алтайские народы, в 12-11 тыс. до н.э. была мировым центром развития космонимии. Мы также поддерживаем мнение многих современных исследователей проблемы о том, что астральная мифология тюрков и финно-угров, несмотря на накопленный материал, является в целом малоизученной.

Опираясь на мнение ученых о том, что эволюция астральных представлений начиналась с простого помещения земных объектов на звездное небо, нами было выдвинуто предположение о том, что дальнейшее развитие астральной мифологии заключалось в вознесении уже живых существ на небо, которые становились там звездами и созвездиями. При этом из-за своей простоты и наглядности наиболее архаичными мифологемами о звездах у тюрков и финно-угров стали представление их в качестве «отверстий в небе» или камней (якутов, казахов; мари, коми).

Следующее наше предположение заключается в том, что специфическими представлениями о звездах как о классе объектов у тюрков и финно-угров явились возврения о том, что первым они представлялись преимущественно в форме метеорологических объектов, а вторым – самими по себе уже божествами. Также характерным именно для тюрков, а не для индоевропейцев, вопреки мнению исследователей, был сюжет о том, что звезды-собаки или волки прикреплены некими путями к Полярной звезде. Общим представлением о звездах как о классе объектов для финно-угров и индоевропейцев явилось, по-видимому, подчеркивание связи людских судеб и звезд, изначально не характерное для древних тюрков. Однако у финно-угров, например у мари, со звездами преимущественно связывались судьбы девушек и женщин. В целом следует признать заимствованной, по крайней мере славянами, тюркскую мифологему о «звездной привязи».

Далее нами было выяснено, что в тюркских языках понятие «звезда» обозначается одним словом. В финно-угорских имеется по меньшей мере два варианта. Это можно объяснить тем, что тюрки-скотоводы, создатели могучих империй древности и средневековья, были более консолидированы, чем преимущественно охотники финно-угры.

Еще одним нашим наблюдением является вывод о том, что отражение астральной мифологии в именнике имело место и у тюрок, и у финно-угров. При этом, похоже, что у последних (на примере мари) патриархальные мотивы выражены определенее, поскольку все имена, связанные со звездами – женские.

Проведенный отдельный разбор таких важнейших космонимов тюрок и финно-угров как Млечный Путь и Полярная звезда, с точки зрения специфических, общих и заимствованных моментов, позволил нам отметить, что сравнение Млечного Пути с молочным следом среди тюрков, как оказалось, фиксируется только у чувашей и киргизов. Более популярен у тюркских народов космоним «небесного шва» (у якутов, тувинцев, ногайцев, турок). Собственно тюркской мифологемой Млечного Пути видится сравнение его со снегом, инеем. На это указывает довольно подробно записанный хакасский миф, а также маргинальность роли снега в китайском мифе. Несмотря на то, что сравнение Млечного Пути с «дорогой птиц» исследователи связывают преимущественно с финно-угорскими народами, нами было выяснено, что наиболее полные и разнообразные сюжеты о Млечном Пути как «дороге перелетных птиц» (с конкретизацией породы) были зафиксированы в Урало-Поволжье (у башкир, мари). Это говорит о том, что именно данный регион стал источником указанного мифа. Также мы выяснили, что мифологема Млечного Пути как «дороги душ», признаваемая более древней, могла возникнуть из общих для индотиоокеанской и североевразийской областей мифологем «звездной реки», а также «радуги-змеи». Об этом говорят мифологические представления, зафиксированные как у тюрков (чувашей), так и у финно-угров (води, мари). Специфичным финно-угорским (венгерским, мари) космизмом в отношении Млечного Пути может быть названо его уподобление полотну (платку) звездного божества. Мифологема Млечного Пути как «лыжного следа» наиболее популярна у финнов и обских угров. Тем не менее, возможно, данный мотив присутствовал и у мари. Безусловным заимствованием из регионов Средиземноморья и Ближнего Востока у узбеков, казахов, татар и венгров следует счесть сравнение Млечного Пути с «рассыпанной соломой».

Нами было высказано мнение, что о древности мифологемы Полярной звезды «шеста/кола» (казық) для тюрок свидетельствует этиологический и одновременно космогонический древнетюркский миф о возникновении Полярной звезды, согласно которому последняя образовалась из золотого посоха бога неба Тенгри. Также мы выдвинули предположение о том, что для прибалтийско-финских народов более распространенной мифологемой стало, видимо, общее с европейскими народами сравнение Полярной звезды с гвоздем. Тем не менее как и у других финно-угров, у них сохранилось представление о мировом столпе, которое, на наш взгляд, является более древней североевразийской чертой. В данном случае особенностью финно-угорских представлений явилось то, что Полярная звезда могла соотноситься с птицей, сидящей на вершине мирового столба, или даже звездной богиней (у мари, возможно, у мордвы). Последняя специфика представлений о Полярной звезде у финно-угров, по всей видимости, объясняется результатом развития прежних зооморфных, точнее даже орнитоподобных, образов птиц-totemов, птиц – олицетворений душ, в образы звездных богинь.

Таким образом, выводы, к которым мы в совокупности пришли, позволяют выдвинуть и пока в общих чертах обосновать гипотезу об определенной урало-алтайской общности в области астральной мифологии, которая представляет собой еще достаточно ранний этап в развитии мифологических представлений тюрков и финно-угров. При этом у тюрков уже наблюдались новации, связанные со специфической скотоводческой формой

хозяйства, а у финно-угров продолжали сохраняться традиции, определяемые охотничьим обществом.

Исходя из этого, стоит прийти к общему заключению о том, что астрономические воззрения тюрков и финно-угров, вопреки некоторым, имеющимся в науке точкам зрения, в своей основе не являются «бедными» или большей частью заимствованными из авраамических религий, а также у соседних народов (преимущественно индоевропейцев: иранцев, славян и т.д.) или друг у друга.

Библиография

1. Абдуллина Г. Р., Гайнуллина Г. Д. Наименования небесных тел (на материале башкирского языка) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1141–1145. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54492.htm> (дата обращения: 01.12.2024)
2. Айбабина Е. А., Безносикова Л. М. О некоторых народных космонимах и астронимах в коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 2(14). Сыктывкар, 2013. С. 96–100.
3. Акцорин В. А. Мировоззренческие представления финно-угорских народов по данным фольклора // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Выпуск IX. Йошкар-Ола, 1994. С. 5–19.
4. Башкирские предания и легенды. Составление, вступительная статья, комментарии Ф. Надшиной: Уфа, Башкирское книжное издательство, 1985. 288 с.
5. Берёзкин Ю. Е. Рождение звездного неба. Мифология космоса. М.: Издательство АСТ, 2022. 288 с.
6. Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 01.12.2024)
7. Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных. / Сост. С. Старостин, Г. Старостин. Алтайские этимологии. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=dataaltaltet> (дата обращения: 01.12.2024)
8. Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных. / Сост. С. Старостин, Г. Старостин. Уральские этимологии. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=dauralicuralet> (дата обращения: 01.12.2024)
9. Вершинин В. И. Марий мут-влакын күшеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стилинг», 2018. Т. II. Н – Я., 2018. 741 с.
10. Вольтер Э. Финская мифология. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. URL: https://gufo.me/dict/brockhaus/Финская_мифология (дата обращения: 01.12.2024)
11. Гуломшоев С., Дубова Н. А., Никифоров М. Г., Полякова М. К. Календарно-астрономические представления жителей долины реки Я gnob // Восток (Oriens), 2023, 3, 60–73.
12. Данилов О. В. Языческие культуры древнего населения Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2016. 336 с.
13. Журакузиев Н. И. Космогоническая мифология в древнетюркских письменных памятниках. Автореферат диссертации на соискание степени доктора философии. Ташкент, 2018. URL: https://www.academia.edu/63330559/Cosmogony_mythology_in_the_ancient_Turkic_written_monuments (дата обращения: 01.12.2024)
14. Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в лунарных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 5. С. 26–41. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.5.43977 EDN: XMZINY URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_43977.html

15. Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в солярных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 6. С. 112–134. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69212 EDN: RTGGPU URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_69212.html
16. Илиуф Х.-М. Ш. Диффузия образов крылатых коней из прототюркской мифологии // Диалог культур: поэтика локального текста. Материалы VI Международной научной конференции. / Под ред. П.В. Алексеева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 221–237.
17. Калиев Ю. А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство». 2019. 447 с.
18. Калиев Ю. А. Об астральных представлениях марийцев // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Выпуск IX. Йошкар-Ола, 1994. С. 18–26.
19. Камилянов В. Каким был древний марийский календарь. URL: <https://promishkino.ru/articles/kultura/2021-12-17/kakim-byl-drevniy-mariyskiy-kalendar-2623689> (дата обращения: 01.12.2024)
20. Каранаева С. Р., Абдуллина Г. Р. Отражение наименований небесных тел в башкирских личных именах // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 8 (50). 2015. Ч. 1. С. 87–89.
21. Кириллова Л. Е. Удмуртская космонимия // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. 2 (31). С. 31–40.
22. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. Москва: Астрель АСТ, 2003. 528 с.
23. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 285 с.
24. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 1. А – К. 671 с. 26.
25. Муравьева Т. Мифы Поволжья. От Волчье владыки и Мирового дерева до культа змей и птицы счастью. М.: Манн, Иванов и Фербер. 328 с.
26. Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.
27. Песни луговых мари. Ч. I. Обрядовые песни / Свод марийского фольклора. Сост. Н.В. Мушкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 592 с.
28. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
29. Петрухин В. Я. Финно-угорская мифология: по следам «Калевалы». Москва: Эксмо: Язуа: Институт славяноведения РАН, 2024. 480 с.
30. Пивкина С. В. Образ богини Анге-Патяй-паз в мордовском фольклоре: К вопросу о мифологической природе персонажа // Центр и периферия. 2014. № 4. С. 92–96.
31. Попов Н. С., Таныгин А. С. Юмын йула (Основы традиционной марийской религии). Йошкар-Ола: Марий Эл Республикаын туwyra да калык кокласе кыл шотышто министерство, Республикасында усталык рудер, 2003. 272 с.
32. Путешествие к восточным мари. К 100-летию первого всероссийского съезда мари / Отв. за выпуск Иванова О.М. Уфа: Изд-во «Башкортостан», [без год. изд.]. 54 с.
33. Салихов Г. Г., Галимов Б. С. Мифы в картине мира башкир. Уфа: Китап, 2018. 208 с.
34. Ситников К. И. Словарь марийской мифологии. Т. 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
35. Хазиева А. А. Названия космических объектов в словаре М. Кашгари «Дивану люгат иттюрк» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 383–387.
36. Харва (Хольмберг) У. Верования алтайских народов / пер. с англ. отв. ред. А.В. Головнев. Росс. акад. наук, Уфимский федер. исследовательский центр, Ин-т

- этнологических исслед. им. Р.Г. Кузеева. Москва: Castalia, 2022. 314 с.
37. Харва (Хольмберг) У. Верования и мифология народов Северной Евразии / пер. с англ. отв. ред. А.В. Головнев. Росс. акад. наук, Уфимский федер. исследовательский центр, Ин-т этнологических исслед. им. Р.Г. Кузеева. Москва: Castalia, 2022. 354 с.
38. Христофорова О. Мифы северных народов России. От творца Нума и ворона Кутха до демонов кулей и злых духов канна. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 288 с.
39. Черепенчук В. С. Мифы Урала и Поволжья. М.: Эксмо, 2024. 256 с.
40. Черных П. Я. Словарь мариийских личных имен (Марий ең лўум-влак мутер). Около 16000 имён. Йошкар-Ола: Мариийский гос. университет, 1995. 626 с.
41. Шаряфетдинов Р. Х. Мифопоэтические образы животного мира как отражение картины мира тюркских народов в современной татарской литературе // Наука и школа. 2024. № 3. С. 18–28. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-3-18-28.
42. Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 208 с.
43. Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации / Н.Г. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2009. 412 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Параллели в астральных мифах тюрков и финно-угров: на примере мифологем Млечного Пути и Полярной звезды» предполагает проведение сравнительно-сопоставительного анализа проявлений астериизма в мифологии тюркских и финно-угорских народов.

Применен комбинированный метод, включающий историографический анализ, сравнительный анализ мифов, лингвистический анализ. Вместе с тем необходимо представить более четкое описание методики исследования в соответствии с заявленными в названии статьи задачами сравнительно-сопоставительного анализа параллелей в астральных мифах, конкретизировать применяемые методы сравнения – метод противопоставления, метод совпадений, экспертный метод, эвристический и т.д. Тематика публикации актуальна. Статья носит междисциплинарный характер, сочетает в себе элементы исторических, этнографических, лингвистических, религиоведческих исследований, фольклористики и мифологии.

Несомненно, работа оригинальна. Однако необходимо более четко определить, в чем заключается новизна исследования, представить авторские новые гипотезы, развивающие или опровергающие существующие точки зрения, аргументировать свой вклад в проблему типологизации различных проявлений астериизма.

Структура текста представляется достаточно логичной. В то же время статья носит описательный характер и явно нуждается в систематизации. Содержание статьи информативно, но местами избыточно. Необходимо более четко структурировать материал, выделив основные проблемы и вопросы. Например, автор последовательно дает описание обозначений для понятия «звезда», Млечный путь, Полярная звезда в тюркских и финно-угорских языках, но проведения параллелей, сравнительного анализа не наблюдается. Между тем, содержание изложенного напрашивается на более глубокое структурирование и выделение ключевых элементов для сравнения по таким позициям, как проформа, заимствование, мотивы, лексические варианты, отражение в именнике, редкие имена, табуированные и т.д. Все это логично было бы сопроводить

сравнительными таблицами, визуализировать картографически, графически. Кроме того, в тексте конкретно не называются те тюркские и финно-угорские народы, мифы которых лег в основу сравнительного анализа, .заметно бессистемное, случайное обращение к фольклорному и историко-этнографическому материалу различных народов. Отсутствует привязка ко времени существования мифов, сведения о сохранении и трансформации астральных представлений у тех или иных народов, о вытеснении астральных представлений другими. Известно, что астерилизм, знания о звездном небе существенно влияли на бытовые традиции, обязательно учитывались при проведении сельскохозяйственных работ – данный аспект не получил отражения в статье.

Внушительная библиография свидетельствует о глубоком погружении автора в тему. Очевидным при этом является обращение к различным работам как к источникам информации и отсутствие явного диалога с другими исследователями. Автор недостаточно обращается к исследованиям современных авторов, таких как Гуломшоев С.А., Дубова Н.А., Никифоров М.Г., Полякова М.К. и др. - публикации за последние 5 лет составляют менее 20% общего списка примечаний.

Выводы расплывчаты. В Заключении автор вместо конкретных выводов по сравнению астральных мифологем тюркских и финно-угорских народов вновь приводит различные мнения, используя формулировки «как считают ученые», «по нашему мнению», «по мнению авторов». Автору следовало более четко обозначить свою позицию по отношению к существующим теориям и гипотезам.

Не смотря на замечания, работа может представлять интерес для этнографов, историков, культурологов, специалистов в области гуманитарных наук в целом. Рекомендуется переработать статью с учетом замечаний: усилить методический арсенал исследования; обосновать научную новизну; структурировать текст, сопроводив его таблицами, схемами, картами; расширить библиографию за счет публикаций за последние 5 лет; конкретизировать выводы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Начиная со второй половины XVI векаmonoэтническое Московское государство начинает постепенную трансформацию в полигетническое государство Российское, в котором на пространствах 1/6 части суши проживали народы, отличающиеся языком, культурой, конфессиональной принадлежностью, хозяйственным укладом. Вопреки расхожим домыслам именно многонациональность является силой России. При этом помимо традиционного славянского этноса заметную роль в истории нашей страны сыграли тюрки и финно-угры. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов истории и культуры тюрков и финно-угров.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются астральные мифы тюрков и финно-угров. Автор ставит своими задачами проанализировать степень изученности проблемы, а также сопоставить основные образы и сюжеты астральной мифологии тюрков и финно-угров.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: на основе проведенного сравнительного анализа астральных представлений тюрков и финно-угров, выдвинута гипотеза "об определенной урало-алтайской общности в области астральной мифологии,

которая представляет собой еще достаточно ранний этап в развитии мифологических представлений тюрков и финно-угров".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 43 различных источника и исследования, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на башкирские предания и легенды и марийский фольклор. Из используемых исследований отметим труды В.Я. Петрухина, В.И. Вершинина, В.В. Напольских, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения мифологии народов России. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как мифологией, в целом, так и астральной мифологией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структуры работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что для сопоставления основных образов и сюжетов астральной мифологии тюрков и финно-угров в работе используются "преимущественно мифы башкир и мари, а также тех этносов, которые в первую очередь имеют отличные от других астронимические представления". В работе показано, что

"специфическими представлениями о звездах как о классе объектов у тюрков и финно-угров явились воззрения о том, что первым они представлялись преимущественно в форме метеорологических объектов, а вторым – самими по себе уже божествами". Автор приходит к выводу о том, что "мифологема Млечного Пути как «дороги душ», признаваемая более древней, могла возникнуть из общих для индотихоокеанской и североевразийской областей мифологем «звездной реки», а также «радуги-змеи».

Главным выводом статьи является то, что

"астрономические воззрения тюрков и финно-угров, вопреки некоторым, имеющимся в науке точкам зрения, в своей основе не являются «бедными» или большей частью заимствованными из авраамических религий".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках дальнейшего изучения мифологии этносов, населяющих Россию.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Англоязычные метаданные

Pastoral culture in the economic space of the Kolyma region of Yakutia based on historical and ethnographic observations in the early twentieth century.

Grigorev Stepan Alekseevich

PhD in History

Senior Researcher, Yakut Scientific Center Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Population of the North SB RAS

677027, Russia, republika Sakha (Yakutiya), g. Yakutsk, ul. Petrovskogo, 1, kab. 403

 DeTample@yandex.ru

Abstract. The main idea of the presented publication is to highlight the processes of spreading pastoral practices as a separate element of traditional Yakut culture in the Kolyma region of Yakutia in the first half of the twentieth century. The object of the study is the data of historical and ethnographic studies conducted in the 1950s by the staff of the Institute of Language, Literature and History of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The materials they have collected are an important source on the ethnocultural history of the region, requiring a modern interpretation of the scientific data they have obtained. The subject of the study of this article is the reflection in these sources of the processes of expansion of pastoral practices to the northeast of Yakutia in the first half of the twentieth century and their adaptation to local natural, cultural and socio-economic conditions, which had not previously been considered in such a perspective and did not become the object of a separate study. The methodological basis of the article was the historical method of analyzing archival data and scientific literature related to the research topic. The use of historical-comparative, historical-systemic, problem-chronological and statistical methods allowed the most complete analysis of the studied processes. It has been revealed that studies conducted in the north-east of Yakutia in the middle of the twentieth century make it possible to more clearly understand the history and culture of its inhabitants, as well as identify the features of their daily life, traditions and customs. The works of scientists of that time are undoubtedly a valuable source of information about life and social relations in Kolyma. At the same time, the processes affecting the interaction of northern cultures in the conditions of adaptation and the formation of new economic models still remain insufficiently studied. Based on the collected materials, the main results of the ongoing integration economic processes in the north-east of Yakutia in the first half of the twentieth century were identified and it was noted that the modernization processes that took place during this period had an even more significant impact on the ethnic composition and economic activities of the indigenous population, accelerating the transition of local aboriginal ethnic groups to new, previously unusual for this region.

Keywords: the traditional way of life, migration, scientific study, traditional farming, Indigenous peoples, pastoral practices, Kolyma region, Yakutia, transformation of the ethnocultural landscape, adaptation

References (transliterated)

1. Kiselev L.E. Sever raskryvaet bogatstva: Iz istorii promyshlennogo razvitiya sovetskogo Krainego Severa. M.: Mysl', 1964. 110 s.

2. Slavin S.V. Osvoenie Severa. M.: Nauka, 1975. 110 s.
3. Slavin S.V. Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR. M.: Ekonomizdat, 1961. 302 s.
4. Timoshenko A.I. Gosudarstvennaya politika formirovaniya i zakrepleniya naseleniya v raionakh novogo promyshlennogo osvoeniya Sibiri v 1950–1980-e gg.: plany i real'nost'. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2009. 174 s.
5. Traektorii proektov v vysokikh shirotakh. Novosibirsk: Nauka. 2011. 440 s.
6. Rossiya v Arktike: gosudarstvennaya politika i problemy osvoeniya. Novosibirsk: Parallel', 2017. 494 s.
7. Atlasov S.V. Istorya razvitiya skotovodstva i konevodstva v Yakutii (1917–1928 gg.) Yakutsk: YaNTs SO RAN, 1992. 152 s.
8. Tarasov I.A. KPSS organizator sotsialisticheskikh preobrazovanii khozyaistva malykh narodnostei Severa 1930–40 gg. Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1967. 175 s.
9. Kovlekov S.I. Sel'skoe khozyaistvo Yakutii (1971–1985 gg.). Yakutsk, YaNTs SO RAN. 1993. 120 s.
10. Vinokurova L.I. Kadry sel'skogo khozyaistva Yakutii. 1961–1985 gg. Yakutsk: Izd-vo YaNTs SO RAN, 1993. 100 s.
11. Vinokurova L.I. Aborigenne etnosy v moderniziruyushchemsya obshchestve// Etnosotsial'noe razvitiye Respubliki Sakha (Yakutiya): potentsial, tendentsii, perspektivy. Novosibirsk: Nauka, 2000. S. 163–188.
12. Sannikova Ya.M. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva v Yakutii (1929–1940 gg.). Yakutsk: Bichik, 2007. 134 s.
13. Sannikova Ya.M. Traditsionnoe khozyaistvo Severa Yakutii v usloviyakh transformatsii KhKh veka: olenevodstvo na Kolyme cherez prizmu vremeni // Nauchnyi dialog. 2016. № 7(55). S. 215–229.
14. Sannikova Ya.M., Vinokurova L.I. G.G. Kolesov i ego rukopisi ob ekonomiceskem polozhenii Kolymskogo okruga Yakutii v 1920-e gody // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2018. № 3(24). S. 43–52.
15. Boyakova S.I. Glavsevmorput' v osvoenii i razvitiyu Severa Yakutii (1932 iyun' 1941 g.). Novosibirsk: Nauka, 1995. 128 s.
16. Boyakova S.I. Osvoenie Arktiki i narody severo-vostoka Azii (KhIKh v. 1917 g.) Novosibirsk: Nauka, 2001. 160 s.
17. Vinokurov I.I. Evenki zony Baikalo-Amurskoi magistrali: istoriko-demograficheskii aspekt (1976–1990 gg.): Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Yakutsk, 1994. 22 s.
18. Nikolaev S.I. Obychay naroda Sakha. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 1996. 45 s.
19. Nikolaev S.I. Proiskhozhdenie naroda sakha. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 1995. 111 s.
20. Nikolaev S.I. Narod sakha. Yakutsk: Yakutskii krai, 2009. 299 s.
21. Nuvano V.N., Etylin O.V. Olenevodstvo Chukotki v period perestroiki ekonomiceskikh otnoshenii // Novosti olenevodstva. 2000. Vyp. 4. S. 61–69.
22. Vasil'kova T.N., Evai A.V, Martynova E.P., Novikova N.I. Korennye malochislenные narody i promyshlennoe razvitiye Arktiki (etnologicheskii monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge). 2011. Moskva Shadrinsk: Izdatel'stvo OGUP «Shadrinskii Dom Pechati». 268 s.
23. Etnosotsial'naya adaptatsiya korennyykh malochislenykh narodov Severa Respubliki Sakha (Yakutiya). Novosibirsk: Nauka, 2012. 363 s.
24. Sever i severyane. Sovremennoe polozhenie korennyykh malochislenykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii. / otv. red. N.I. Novikova, D.A. Funk. M: Izdanie

IEA RAN, 2012. 204 s.

25. Argunov I.A. Sotsial'noe razvitiye yakutskogo naroda (istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie obraza zhizni). Novosibirsk: Nauka, 1985. 319 s.
26. Podoinitsyna I.I. Etnokul'turnye stereotipy trudovogo povedeniya v sfere proizvodstva. Novosibirsk: Nauka, 1995. 142 s.
27. Suleimanov, A.A. Akademiya nauk SSSR i issledovanie arkticheskikh raionov Yakutii v kontse 1940-kh – 1991 gg. Kniga pervaya: Sotsiogumanitarnye napravleniya. Novosibirsk: Nauka, 2021. 348 s.
28. Suleimanov, A.A. Nauchnoe izuchenie korennykh malochislennykh narodov Severa v arkticheskikh raionakh Yakutii v 50-e gg. KhKh v // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2022. № 78. S. 161-171.
29. Suleimanov, A.A. Yakutskie kompleksnye ekspeditsii Akademii nauk SSSR i issledovanie arkticheskikh raionov Yakutii v 1950-e gody // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12. № 8. S. 472-490.
30. Suleimanov, A.A. Iz istorii geokriologicheskikh issledovanii v arkticheskikh raionakh Yakutii v 60-70-e gg. KhKh v. // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2023. № 4. S. 152-157.
31. Maidel' G.L. Puteshestvie po Severo-Vostochnoi chasti Yakutskoi oblasti v 1868–1870 godakh. SPb: Izd. Imperatorskoi Akademii nauk, 1894. 600 s.
32. Bogoraz V.G. Lamuty (iz nablyudenii v Kolymskom krae) // Zemlevedenie. 1900. № 1. S. 59-72.
33. Bogoraz V.G. Chukchi. Ch. 1. L.: INS TsIK SSSR, 1934. 191 s.
34. Iokhel'son V. I. Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 s.
35. Ermolaeva Yu.N. Etnograficheskie issledovaniya yakutskoi ekspeditsii AN SSSR 1925–1930 gg. // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4. S. 54-57.
36. Spiridonov N.I. Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga. Yakutsk: Severoved, 1996. 140 s.
37. Gurvich I.S. Etnograficheskaya ekspeditsiya v Nizhne-Kolymskii i Sredne-Kolymskii raiony Yakutskoi ASSR v 1951 godu // Sovetskaya etnografiya. 1952. № 3. S. 200-209.
38. Gurvich I.S. Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri. M.: Nauka, 1966. 276 s.

The problem of periodization of the Russian cooperative movement of the late XIX – early XX centuries in the works of historians of the 2000s.

Bolotova Elena

Doctor of History

Professor; Department of National History and Local History Education; Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenin Ave., office 13-11, Volgograd region, Volgograd, 400005, Russia

 eubolotova@yandex.ru

Abstract. Based on the historiographical analysis of the studies of the 2000s devoted to the history of various aspects of the Russian cooperative movement of the pre-revolutionary period, the authors' approaches to determining the stages in the development of the movement and their key characteristics are considered. In the 2000s, more than 500 researches were published, revealing both all-Russian trends and regional peculiarities in the

development of cooperation in the late XIX – early XX centuries. Based on the achievements of Russian historiography of previous periods and the accumulated broad factual basis, modern authors expand the thematic field of research based on the modernization approach also in the discourse of civil society, introducing documentary material of predominantly regional nature into scientific circulation. On the basis of the study of modern publications, the authors' approaches to the periodization of cooperation are determined. It is established that in most regional works the problems of periodization are not considered as a scientific task, however, the author's approaches are obvious from the structure of the works and the explanation of the factors of development of cooperation. Using the example of regional documentary material, the authors specify the periodization, based on the specifics of the socio-economic and socio-political development of the region under study. Modern authors propose different criteria for periodization and, when analyzing the process of cooperative construction on the example of certain types of cooperation and the activities of cooperative organizations as well as in the framework of regional studies, they also focus on the time of the origin of the movement, on the starting points of quantitative growth of cooperative organizations and strengthening their legal and organizational foundations.

Keywords: consumer cooperation, credit cooperation, modernization approach, regional studies, modern Russian historiography, periodization, Russian cooperative movement, cooperation, the first Russian Revolution, workers' cooperation

References (transliterated)

1. *Baldin K.E. Rabochee kooperativnoe dvizhenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: monografiya.* – Ivanovo: Ivanovskii gos. un-t, 2006. – 312 s.
2. Bolotova E.Yu. «V edinenii – sila». *Potrebitel'skaya kooperatsiya v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.: monografiya.* – Volgograd: Peremeny, 2003. – 330 s.
3. Bolotova E.Yu. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya rossiiskogo kooperativnogo dvizheniya kontsa XIX – nachala XX vekov: regional'nye aspekty issledovanii // Nauchnyi dialog. 2019. № 10. S. 365–379.
4. Budkina Yu.B. *Kreditnaya kooperatsiya v Ryazanskoi gubernii: 1870 – oktyabr' 1917 g.: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / Budkina Yuliya Borisovna.* – M., 2010. – 23 s.
5. Burnasheva N.I. *Kooperatsiya v sotsial'no-ekonomicheskikh razvitiyakh Yakutii (1870–1980-e gody).* M.: Izd-vo MBA, 2011. – 368 s.
6. Gabriel' N.L. *Potrebitel'skaya kooperatsiya v Permskoi gubernii : vtoraya polovina XIX v. – 1917 g. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Gabriel' Natal'ya Leonidovna.* – Perm', 2010. – 242 s.
7. Zaporozhchenko G.M. *Gorodskaya potrebitel'skaya kooperatsiya v Sibiri v nachale XX v. Poisk identichnosti i opyt grazhdanskogo samoupravleniya.* – Novosibirsk: Sibprint, 2015. – 540 s
8. Zaporozhchenko G.M. *Kooperatsiya v usloviyakh rossiiskoi modernizatsii nachala XX v.: novye issledovatel'skie podkhody // Gumanitarnye nauki v Sibiri.* – 2021. – T. 28. № 2. – S. 56–62.
9. Korelin A.P. *Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg.* – M.: ROSSPEN, 2009. – 391 s.
10. Lubkov A.V. *Solidarnaya ekonomika. Kooperativnaya modernizatsiya Rossii (1907–1917 gg.).* – M.: MPGU, 2019. – 272 s.
11. Nikolaev A.A. *Osnovnye vidy kooperatsii v Rossii: istoriko-teoreticheskii ocherk.* –

Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2007. – 280 s.

12. Popov C.Yu. Stanovlenie i razvitiye kooperativnogo dvizheniya Rossii v usloviyakh sotsial'no-ekonomiceskikh reform kontsa XIX – nachala XX veka: Na primere vostochnykh gubernii: dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02. / Popov Sergei Yur'evich. – Moskva, 2001. – 199 s.
13. Rynkov V.M. Sibirskaya kooperatsiya v gody Pervoi mirovoi voiny: problemy i itogi izucheniya // Kooperatsiya Sibiri: problemy sotsial'noi i ekonomicheskoi istorii: sb. nauch. tr. Vyp.7. – Novosibirsk, Sibprint, 2013. S. 27–52.
14. Sokolovskii A.V. Kooperativnyi kredit v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka : dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.02 / Sokolovskii Aleksandr Vladimirovich. – Ivanovo, 2007. – 402 s.
15. Fain L.E. Rossiiskaya kooperatsiya: istoriko-teoreticheskii ocherk. 1861–1930. – Ivanovo: Ivanovskii gos. un-t, 2002. – 600 s.
16. Furman E.L. Kooperativnoe dvizhenie v nemetskikh koloniakh Povolzh'ya (1906 – nachalo 1930-kh godov): monografiya. 2-e izd., dop. – Volgograd: Izd-vo VolGU, 2011. – 320 s.

It all started in 1989. 35 years of the crisis of national and religious identity in France

Osipov Evgeny Aleksandrovich

PhD in History

Senior Scientific Associate, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

119334, Russia, Moscow, ul. Leninsky Prospekt 32a, 26

✉ eaossipov@gmail.com

Abstract. The article examines the origins of the crisis of national and religious identity in France caused by the gradual spread of Islam in the country and the religious radicalization of young people. Among other things, the author examines the socio-economic factors that contributed to the change in the structure of the French economy in the 1970s, the end of the so-called "glorious thirty years", the growth of youth unemployment, which eventually led to the fact that the "zones of priority urbanization" created in the years of post-war economic growth in the suburbs of large cities turned into "zones of sensitive urbanization" with a predominant migrant population. Attention is also paid to the sharp rise in oil prices in the 1970s, which, on the one hand, changed the state of the European economies for the worse, and, on the other hand, brought additional revenues to oil-producing countries and allowed Saudi Arabia to invest in the Muslim communities of Europe, primarily France. The article is based on modern French historiography and documents from the archive of the French Foreign Ministry, which allow us to trace the genesis of the formation of the crisis of national and religious identity in modern France. The author concludes that the main events took place in 1989. First of all, we are talking about Ayatollah Khomeini's fatwa calling for the murder of British writer of Indian origin Salman Rushdie. Up to this point, it was believed that fatwas issued in different parts of the Islamic world apply only to the territory to which the spiritual authority of its author extends. However, Ayatollah Khomeini made his fatwa universal. Europe was named a territory where Islam is spreading, and Muslims in it ceased to be migrants and, accordingly to the Ayatollah's logic, received the full right to demand the extension of Sharia law to European territory. And the subsequent scandal with the wearing of religious clothing at the college of the city of Creil in September-October 1989 caused a wide

discussion in France about the spread of Islam in the country and for the first time put this issue at the center of the political agenda, thus becoming the starting point for the formation of a full-fledged crisis of national and religious identity in modern France.

Keywords: Creil, Religion, School, Fifth Republic, Ayatollah Khomeini, Islam, Identity, France, Muslim headscarf, Crisis

References (transliterated)

1. Kepel G. La Revanche de Dieu: Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde. Paris, Seuil. 1991. 288 p.
2. Kepel G. La laïcité contre la fracture. Paris, Privat. 2017. 105 p.
3. Finkelkraut A. L'identité malheureuse. Paris, Folio. 2013. 218 p.
4. Glazov A. A. Vnutrennyaya otsenka SEV sostoyaniya mirovogo rynka chernogo zolota nakanune pervogo neftyanogo shoka 1973–1974 gg. // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». – 2022. – T. 13. – Vypusk 12 (122). Chast' II. URL: <https://history.jes.su/s207987840024084-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840024084-1
5. Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/376. Direction des affaires politiques. Afrique du Nord et Levant. Note. 5 janvier 1977.
6. Osipov E. A. Otkrytie ofisa Vsemirnoi islamskoi ligi v Parizhe v 1977 g. Po dokumentam arkhiva MID Frantsii // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». – 2023. – T. 14. – Vypusk 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028700-9
7. Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/380. Note de R. Richard. Traditionnalisme et modernisme en Arabie Saoudite. 17 octobre 1978.
8. Augustin M. La vraie histoire de la marche des beurs. Lyon, 2013.
9. Osipov E.A. Frantsuzskii dekret o vossoedinenii semei 1976 g. v kontekste migrantsionnogo voprosa // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2023. № 11. S. 1-9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68982 EDN: CKAJPM URL: https://e-notabene.ru/hr/article_68982.html
10. Cohen M. Contradictions et exclusions dans la politique de regroupement familial en France (1945–1984) // Annales de démographie historique. № 128. 2014/2. P. 187–213.
11. Bergeaud-Blackler F. Le Frériste et ses réseaux, l'enquête. Préface de Gilles Kepel. Paris, Odile Jacob. 2023.
12. Gaspard F., Khosrokhavar F. Le foulard et la République. Paris, 2006.
13. Badinter E., Debray R., Finkelkraut A., Fontanay de E., Kintzler C. Foulard islamique: «Profs, ne capitulons pas!» // Le Nouvel Observateur. 2 Novembre 1989. P. 4-6.
14. Osipov E.A. «Poka vse khoroshoo. No glavnoe prizemlenie». 15 let zakonu o zaprete nosheniya religioznoi odezhdy vo frantsuzskoi shkole // Politika i Obshchestvo. 2019. № 3. S. 1-7. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.3.29533 URL: https://e-notabene.ru/psmag/article_29533.html

The tribal structure and localities of the Tungus nomads of the Department of the Kangalas Tungus clans in the XIX-early XX century

Vinokurov Aleksandr Danilovich

Junior research fellow at IHRISN SB RAS

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovsky str., 1, office 410

✉ ad.vinokurov@yandex.ru

Vinokurova Olga Egorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Institute of Physical Culture and Sports; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677013, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 48, office 284

✉ olgin@mail.ru

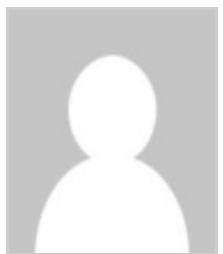

Gogoleva Daiana Aisenovna

Junior Researcher; Department of Encyclopedistics; GBU 'Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Ordzhonikidze str., 10, office 405

✉ creta12@mail.ru

Prokopieva Nyurguaana Innokentyevna

Junior Researcher; Department of Encyclopedistics; GBU 'Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Ordzhonikidze str., 10, office 405

✉ nyurtolii@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the generic composition of the Tunguses (Evenks) of the Department of the Kangalas Tungus clans in the XIX – early XX century. The purpose of the study is to identify and study documentary and statistical sources in the collections of the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), which contain information about the administrative-territorial structure, ancestral composition, demography and places of nomadism. General scientific methods (analysis, systematic approach) were used in the study so are special methods (historicism, historical-genetic, archival heuristics) of research. The place of the Administration in the system of administrative and territorial administration, its functions and tasks were studied by the method of analysis. The systematic approach allowed us to identify the characteristic principles of the management structure. The principle of historicism allowed us to consider the Administration in the dynamics of development, the prospect of changing historical events. The historical-genetic method requires an approach to Management as a phenomenon that naturally arose in a certain historical setting. The method of archival heuristics made it possible to identify the affairs of the Board in an array of documents from other funds. The method of archival heuristics made it possible to identify the affairs of the Board in an array of documents from other funds. As a result of the work carried out, a nomenclature of the generic composition, a list of nomadic Kangalas Tunguses on the territory of the Aldan, Amginsky, Gorny, Neryungrinsky and Khangalassky districts of the RS(Ya) was compiled. The novelty lies in the introduction into scientific circulation of previously unpublished archival documents on the declared topic. Based on the results of the work, it was concluded that further research is necessary due to the presence of a large number of unpublished documents.

Keywords: statistical documents, population census documents, review of documents, administrative and territorial structure, Kangalas Tunguses, clan, tunguses, evenki, Aldan district, Yakutia

References (transliterated)

1. Burykin A.A. Istoriko-etnograficheskie i istoriko-kul'turnye aspekty issledovaniya onomasticheskogo prostranstva regiona: (toponimika i etnonimika Vost. Sibiri) / A.A. Burykin; Ros. akad nauk, In-t lingvist. issled. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006.
2. Varlamov A.N. Rannie stadii etnogeneza i migratsii tungusov v epicheskikh traditsiyakh evenkov // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya "Eposovedenie". 2020, N 3 (19). S. 30-41.
3. Vasilevich G. M. Evenki : etnograficheskaya monografiya / G. M. Vasilevich; sostaviteli i otvetstvennye redaktory: L. I. Missonova, V. N. Davydov, A. M. Pevnov, E. N. Romanova; avtor lingvisticheskikh kommentariev A. M. Pevnov ; retsenzenty: S. V. Bereznitskii, S. S. Savoskul ; Rossiiskaya akademiya nauk, Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera), Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya, Institut gumanitarnykh issledovanii i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya, Natsional'naya biblioteka Respubliki Sakha (Yakutiya). Novosibirsk: Nauka, 2023.
4. Gurvich I.S. Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov. K voprosu o pozdnikh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda / I. S. Gurvich; Akad. nauk SSSR, In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Moskva: Nauka, 1977.
5. Dolgikh B.O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. / B. O. Dolgikh. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.
6. Istoricheskie predaniya i rasskazy yakutov. Ch. 2. = Sakha bylyrgy sehennere uonna kepseennere Ch. 2. / Akad. nauk SSSR, Yakut fil. Sib. otd-nya, In-t yaz., lit. i istorii; izd. podgot. G. U. Ergis; pod red. A. A. Popova ; [otv. red. N. V. Emel'yanov]. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.
7. Mainov I.I. Naselenie Yakutii / I. I. Mainov. Leningrad: Izd. Akademii nauk, 1927.
8. Mainov I. I. Nekotorye dannye o tungusakh yakutskogo kraja. Irkutsk: Tipolitografiya P. I. Makushina, 1898.
9. Mainov I.I. Russkie krest'yane i osedlye inorodtsy Yakutskoi oblasti Sankt-Peterburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1912.
10. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F. I12 Op. 1. D. 2284.
11. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F. I12. Op. 4. D. 100.
12. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I12. Op. 2. t. 5. D. 5686.
13. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I15 Op.10 t.2 D.994.
14. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I15 Op.10 t.8 D.4833.
15. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I158 Op.1 D.16.
16. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I236 Op.1 D.13.
17. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.1 D.3095.
18. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.1 D.5997.
19. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.4 D.332.
20. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I39 Op.2 D.146.
21. Natsional'nyi arkiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.R35 Op.1 D.33.

22. Nikolaev S.I. Eveny i evenki Yugo-Vostochnoi Yakutii; [otv. red. d. ist. n. B. O. Dolgikh]. Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1964.
23. Patkanov S.K. Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov: (s prilozheniem k II ch. trekh plemennykh kart) / S. Patkanov. Sankt-Peterburg: Tipografiya Sibirskogo aktsionernogo obshchestva "Slovo". Ch. 1, vyp. 2: Tungusy sobstvenno. 1906.
24. Patkanov S.K. Statisticheskie dannye pokazyvayushie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev: (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) / S. Patkanov. Sankt-Peterburg: Tipografiya "Sh. Bussel". T. 3: Irkutskaya gub., Zabaikal'skaya, Amurskaya, Yakutskaya, Primorskaya obl. i o. Sakhalin. 1912.
25. Popov G.A. Sochineniya / G. A. Popov ; [sost. i otv. red.: k. i. n. L. N. Zhukova, k. i. n. E. P. Antonov]. Yakutsk: YaGU: IGI AN RS(Ya), 2005.-T. 2: Yakutskii krai; Nauchnye stat'i. 2006.
26. Safronov F.G. Yakuty. Mirskoe upravlenie v XVII-nach. XX veka / F. G. Safronov ; [otv. red. d. ist. n. V. N. Ivanov] ; Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie, Yakut. fil., In-t yaz., lit. i istorii. Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1987.
27. Sokolov M.P. Yakutskaya guberniya po perepisi 1917 goda / Vyp. 1: Organizatsiya perepisi. Kratkiy statistiko-ekonomicheskii ocherk gubernii. Poulusnye itogi. Irkutsk : Izdanie Gubernskogo Statisticheskogo byuro, 1917.
28. Spisok naseleynykh zimnikh punktov 4-kh yuzhnykh okrugov Yakutii: materialy Vsesoyuznoi demograficheskoi perepisi naseleniya 1926 g. (predvaritel'nye itogi) / TsSU RSFSR, Stat. Upr. YaASSR. Yakutsk: Izd. YaSU, 1928.
29. Tugolukov V.A. Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri / V. A. Tugolukov; Akad. nauk SSSR, In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Moskva: Nauka, 1985.
30. Turov M.G. Evenki. Osnovnye problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii. Irkutsk: Izd-vo «Amtera», 2008.

Disappeared Herds: The Loss of Reindeer Herding in the Evenki Community of Western Yakutia During the Soviet Era

Belyolubskaya Galina Stepanovna

PhD in Politics

Researcher, Department 'Human in the Arctic Region', Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

677027, Russia, respublika Sakha, g. Yakutsk, ul. Petrovskogo, 1

 gbelolubskaya@gmail.com

Abstract. The impact of Soviet modernization on the lives of Indigenous peoples of the North remains a key topic for researchers. Of particular interest is how these projects transformed the traditional way of life and cultural foundations of Indigenous communities. This article examines the transformation of reindeer herding during the Soviet period and how Soviet policies and large-scale industrial programs reshaped the lives of nomadic communities in the North. Specifically, the study focuses on the history of the loss of reindeer herding in the Sadinsky National Evenki nasleg of the Mirninsky District in the Republic of Sakha (Yakutia). The article examines how reindeer herding was organized in the 1960s and the conditions that herders in the nasleg faced at that time. It also analyzes the social, economic, and other factors that influenced the industry's decline in the 1970s and investigates the reasons behind

the collapse of traditional reindeer herding in the Sadynsky nasleg. This study is based on archival documents from the Sadynsky National Evenki nasleg, held in the Municipal Archive of the Mirninsky District of the Sakha Republic (Yakutia) in Mirny town, as well as the memoirs of local residents and field materials collected by the author between 2019 and 2021. While most studies on nomadic communities focus on those where reindeer herding persists, this article shifts the focus to a community that has completely lost its primary traditional livelihood and for which the revival of reindeer herding is important. The novelty of this study lies in its focus on communities where reindeer herding has been lost, a perspective often overlooked in other research. This research deepens our understanding of the impact of Soviet modernization projects on Indigenous peoples.

Keywords: Indigenous peoples, industry, Arctic, traditional economy, Sakha Republic, Mirninsky District, Western Yakutia, Evenki, reindeer herding, loss

References (transliterated)

1. Pika A. (ed.). Neotraditionalism in the Russian North: Indigenous peoples and the legacy of Perestroika. Canadian Circumpolar Institute (CCI) Press, 1999. 256 p.
2. Kasten E. (ed.). People and the land: pathways to reform in post-Soviet Siberia. Dietrich Reimer Verlag, 2002. 257 p.
3. Habeck J. O. What It Means to Be a Herdsman: The Practice and Image of Reindeer Husbandry among the Komi of Northern Russia. Scott Polar Research Institute: University of Cambridge, 2003. 240 p.
4. Vitebsky P. Reindeer people: Living with animals and spirits in Siberia. Harper Collins Publishers, 2005. 496 p.
5. Stammler F. Reindeer Nomads meet the market: culture, property and globalization at the 'End of the Land'. Lit Verlag Berlin, 2005. 379 p.
6. Brandisauskas D. Leaving footprints in the taiga: Luck, spirits and ambivalence among the Siberian Orochen reindeer herders and hunters. Berghahn Books, 2017. 305 p.
7. Nikolaev S.I. Eveny i evenki Yugo-Vostochnoi Yakutii. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. – 204 s.
8. Tugolukov V.A. Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1985. – 286 c.
9. Fondahl G. Gaining Ground? Evenkis, land, and reform in Southeastern Siberia. Allyn and Bacon, 1998. 146 p.
10. Anderson D. Identity and ecology in Arctic Siberia: The number one reindeer brigade. Oxford University Press, 2000. 270 p.
11. Sirina A. Katanga Evenkis in the 20th century and the ordering of their Life-world. Canadian Circumpolar Institute (CCI) Press, 2006. 240 p.
12. Dutkina V.A., Belyanskaya M.Kh. Evenki Verkhneket'ya: istoriko-etnograficheskii ocherk. Sankt-Peterburg: Almaz-Graf, 2014. – 111 s.
13. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic indigenous knowledge system of landscape, climate, and human interactions: Evenki reindeer herders and hunters. Furstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.
14. Boyakova S.I. Bragatskie evenki: istoriya, rasselenie, khozyaistvo, sovremennyi status // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2024. № 3 (48). S. 57-68.
15. Vecherin P.P. Ot tresta do kompanii, ot palatok do gorodov: Khronologiya «Yakutalmaza» 1957–1992 gg. Mirnyi: Mirninskaya gorodskaya tipografiya, 1997. – 296

s.

16. Stepanov S.A. «ALROSA»: Proshloe i nastoyashchee. M.: OOO «Izdatel'skii dom «Polyarnyi krug», 2002. – 544 c.
17. Sannikova Ya.M. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva v Yakutii (1929–1940 gg.). Yakutsk: Bichik, 2007. – 136 s.
18. Statistika 2023: Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Sakha (Yakutiya). Chislennost' naseleniya po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2020–2024 gg. URL: https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (data obrashcheniya: 14.12.2024).
19. Ignat'eva E.P. Iстория Byrangatskogo roda: Syuryunda. Sadyn. Syul'dyukar. Yakutsk: IP Timofeeva, 2019. – 256 s.
20. Munitsipal'nyi arkhiv (MA) Mirinskogo raiona RS(Ya), f. 39, op. 1, d. 29. Otchet o sostoyanii zhivotnovodstva na 1 sentyabrya 1965 goda.
21. MA, f. 39, op. 1, d. 46. Otchet o sostoyanii zhivotnovodstva na 1 avgusta 1968 goda.
22. MA, f. 39, op. 1, d. 20, l. 24. Sessiya Sadynskogo naslezhnogo Soveta deputatov trudyashchikhsya ot 1964 goda.
23. MA, f. 39, op. 1, d. 49. Ob itogakh raboty olenevodstva za 1968 god i zadachi na 1969 god.
24. BSE: Yakutskaya Avtonomnaya Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika // Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. V 30 tomakh. Tom 30: Ekslibris-Yaya. Izd. 3-e. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1978. S. 490-496.
25. MA, f. 39, op. 1, d. 57, l. 12-14. Protokol obshchego sobraniya rabochikh i sluzhashchikh otdeleniya № 3 sovkhoza «Novyi».
26. MA, f. 39, op. 1, d. 57, l. 31. Protokol obshchego sobraniya grazhdan poselka Syul'dyukar ot 12 dekabrya 1970 goda.
27. MA, f. 39, op. 1, d. 55, l. 37-40. Protokol № 12 ocherednoi sessii dvenadtsatogo sozyva Sadynskogo sel'skogo soveta deputatov trudyashchikhsya ot 10 dekabrya 1970 goda.
28. MA, f. 39, op. 1, d. 64, l. 14–17. Shestaya sessiya trinadtsatogo sozyva Sadynskogo sel'skogo soveta deputatov trudyashchikhsya. Protokol № 6 ot 14 aprelya 1972 goda.
29. MA, f. 39, op. 1, d. 64, l. 40-49. Otchet raboty Sadynskogo sel'skogo soveta na 1972 god.
30. MA, f. 39, op. 1, d. 71, l. 1-3. Protokol № 11 sessii trinadtsatogo sozyva Sadynskogo sel'skogo soveta deputatov trudyashchikhsya ot 19 fevralya 1973 goda.
31. MA, f. 39, op. 1, d. 81, l. 77-80. Protokol № 5 ocherednoi sessii Sadynskogo sel'skogo soveta deputatov trudyashchikhsya ot 26 dekabrya 1975 goda.
32. MA, f. 39, op. 1, d. 81, l. 85-87. Spravka o vypolnenii uslovii Vserossiiskogo sotsialisticheskogo sorevnovaniya za 1974 god.
33. MA, f. 39, op. 1, d. 82, l. 25-28. Protokol 11-go zasedaniya sessii Sadynskogo sel'skogo soveta ot 23 dekabrya 1976 goda.
34. MA, f. 39, op. 1, d. 84, l. 34-38. Otchet o rabote ispolkoma Sadynskogo sel'skogo soveta narodnykh deputatov za 1977 god.

Trials against admirals in France under Napoleon I: on the role of the Investigative Council

Krichevtsев Михаил Владимирович

PhD in History

Associate professor, Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management

630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya Street 52/1

✉ cm.martellus@gmail.com

Abstract. The proposed article examines the little-studied institute of the Investigative Council in France under Napoleon I. It was established as the "Fleet Council" by imperial decree of July 22, 1806, to investigate the behavior of senior naval officers if it aroused suspicion and could be considered criminal. The purpose of the work is to determine the role of the investigative council in the system of investigative bodies and the court of the French Navy during the First Empire. For this purpose, an analysis of the regulatory regulation of the Institute of the Investigative Council and its functioning was carried out using the example of the trials of two admirals of the imperial era – Rear Admiral Dumanoir and Vice Admiral Villare de Joyeuse (1809-1810). The subject of the study is the history of the formation of this institute in the era of Napoleon I. Published primary sources and handwritten materials (photocopies) from archival collections and the National Library of France were used in the work on the topic. When studying the material, methods of concrete historical and comparative analysis were used, and a structural and functional analysis of investigative councils was carried out. The following observations were made during the study. The Investigative Council can be defined both as a pre-trial investigation body and as an indictment body. Unlike the indictment jury, it consisted of appointed officers and conducted the preliminary investigation of the criminal case itself. He also evaluated the evidence gathered and made an accusation, which was submitted to the monarch for consideration. Based on the cases of Dumanoir and Villare de Joyeuse, the council appears as an organ of personal imperial power in France. It was created on the initiative of the monarch, the emperor determined its composition and the place of convocation. The sovereign considered the final conclusions of the investigation on the existence of evidence of a crime and decided to organize a trial of the accused. The use of the institute of the Investigative Council was not carried out in every case. In fact, it was seen as a special favor from the monarch, who allowed for a preliminary investigation of the sufficiency of evidence to bring charges and create some kind of pre-trial guarantees against arbitrariness. However, as the practice of using the institute shows, the council did not always cope with the task of uncompromising investigation.

Keywords: Battle of Trafalgar, First French Empire, indictment jury, War Council, Marine Council, admirals, Investigative Council, preliminary investigation, Naval Justice, Martinique island

References (transliterated)

1. ANOM. COL C8 A 118 F 177.
2. Bibliothèque nationale de France (BnF). Collection MARGRY, relative à l'histoire des Colonies et de la Marine françaises. Lettres et journaux de Bougainville.
3. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. Par M. C. Mullié. P.: Poignavant et Cie, éditeurs, s./d. T. 1.
4. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. Par M. C. Mullié. P.: Poignavant et Cie, éditeurs, s./d. T. 2.
5. Biographie des hommes vivants... . P.: Chez L.-G. Michaud, libraire-éd., 1819. T. 5.

6. Biographie universelle, ancienne et moderne. P.: Chez L.-G. Michaud, libraire-éd., 1826. T. 45.
7. Biographie universelle, ancienne et moderne. P.: Chez L.-G. Michaud, libraire-éd., 1838. T. 65.
8. Biographie universelle (Michaud) ancienne et moderne. P.: Chez madame C. Desplaces, éd.-propriétaire, et chez M. Michaud, 1856. T. 14.
9. Bulletin des lois de l'Empire français. Sér. 4. P.: De l'Imprimerie impériale, an 1807. T. 5. Bull. 110. № 1804.
10. Code de la Martinique. Nouv. éd., continuée par M. Dufresne de St-Cergues. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1814. T. 5.
11. Correspondance de Napoléon Ier. P.: Imprimerie impériale, 1865. T. 19.
12. Gazette nationale ou le Moniteur universel. 7 Décembre 1809. № 341.
13. Gazette nationale ou le Moniteur universel. 5 Janvier 1810. № 5.
14. Johnson K. G. Louis-Thomas Villaret de Joyeuse: Admiral and Colonial Administrator (1747-1812). A Dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy. Florida State University, 2006.
15. Journal de Lyon et du département du Rhône. 17 Avril 1810. № 46.
16. Jurien de La Gravière E. Guerres maritimes sous la République et l'Empire. 6e éd. P.: G. Charpentier, éd., 1879. T. 2.
17. Muffat S. Les marins de l'Empereur. S./l.: Éditions SOTeca, 2021.
18. Odier P.-A. Cours d'études sur l'administration militaire. P.: Anselin et Pochard, libraires, 1824. T.4.
19. Ortholan H. L'Amiral Villaret-Joyeuse des Antilles à Venise 1747-1812. P.: Bernard Giovanangeli Éditeur, 2005.
20. Poyen H., de. Les guerres des Antilles de 1793 à 1815. P.-Nancy: Berger-Levrault et Cie, éditeurs, 1896.
21. Roy J.-J.-E. Bougainville. Tours: A. Mame et fils, éditeurs, 1879.
22. Tous les codes officiels français y compris les Codes militaire et maritime. P.: H. Plon, imprimeur-éd., 1866.
23. Troude O. Batailles navales de la France. P.: Challamel Ainé, éd., 1867. T. 3.
24. Vovard A. La mort de l'amiral Villeneuve et le sergeant Guillemand // Feuilles d'histoire du XVIIe au XXe siècle / sous la dir. de A. Chuquet. P.: Librairie R. Roger et F. Chernoviz, 1910. T. 4. P. 40-49.

Documenting the population records of the Department of the Kangalas (Leno-Aldan) Tungus clans for 1768-1917.

Vinokurov Aleksandr Danilovich

Junior research fellow at IHRISN SB RAS

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovsky str., 1, office 410

✉ ad.vinokurov@yandex.ru

Vinokurova Olga Egorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Institute of Physical Culture and Sports; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

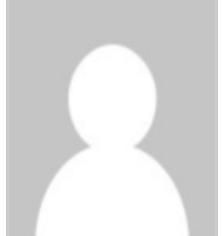

677013, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovsky str., 48, office 284

✉ olgvin@mail.ru

Gogoleva Daiana Aisenovna

Junior Researcher; Department of Encyclopedistics; GBU 'Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

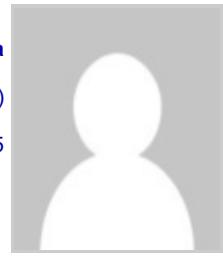

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Ordzhonikidze str., 10, office 405

✉ creta12@mail.ru

Prokopieva Nyurguaana Innocentyevna

Junior Researcher; Department of Encyclopedistics; GBU 'Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Ordzhonikidze str., 10, office 405

✉ nyurtolli@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the organization of documenting the population registration of the Kangalas Tungus Clans Administration Department for 1768-1917. The purpose of the study is to identify a set of archival documents on the registration of the Kangalas Tungus population preserved during the period 1768-1917, to clarify the type, time and specifics of their creation and to reveal their information capabilities. The geographical scope of the study is limited and corresponds to the area of residence of the clans subordinate to the department of the Kangalas Tungus clans. The methodological basis of the study is the principles of historicism, scientific and objectivity. A systematic approach made it possible to consider the entire set of documents of generic departments as a whole. The method of source analysis made it possible to assess the information value and practical significance of the identified documents. As a result of our work, we have identified a set of documents on the registration of the population of the Kangalas Tungus clans, identified the specifics of their formation and practical use in the activities of the Council, prepared an electronic database containing information about the generic composition and places of nomads. The scientific novelty of the study consists in conducting a source analysis of the identified set of documents of the Kangalas Tungus clans, their information capabilities in recreating the demographic and socio-cultural appearance of the Tungus clans. Based on the results of the work, it was concluded that further research is necessary due to the presence of a large number of unpublished documents. The research materials can be used in the process of teaching historical disciplines, developing textbooks, conducting separate and generalizing studies on the history of the indigenous peoples of the North.

Keywords: administrative and territorial structure, Kangalas Tunguses, clan, tunguses, evenki, Aldan district, Yakutia, review of documents, population census documents, statistical documents

References (transliterated)

1. Konev, A. Yu. «Inorodtsy» Rossiiskoi imperii: k istorii vozniknoveniya ponyatiya / A. Yu. Konev // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014, № 13. – S. 117-120.

2. Materialy po istorii Yakutii XVII veka : (dokumenty yasachnogo sбora) : Ch. 1. [v 3 chastyakh] / Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie, In-t istorii, filologii i filosofii. – Moskva : Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1970.
3. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.1 D.5997.
4. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.1 D.666.
5. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.1 D.1295.
6. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.1 D.3095.
7. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I349 Op.4 D.332.
8. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I158 Op.1 D.1.
9. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya). F.I158 Op.1 D.16.
10. Patkanov S.K. Optyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov: (s prilozheniem k II ch. trekh plemennykh kart) / S. Patkanov. Sankt-Peterburg: Tipografiya Sibirskogo aktsionernogo obshchestva "Slovo". Ch. 1, vyp. 2: Tungusy sobstvenno. 1906.
11. Patkanov S.K. Statisticheskie dannyе pokazyvayushie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev: (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) / S. Patkanov. Sankt-Peterburg: Tipografiya "Sh. Bussel". T. 3: Irkutskaya gub., Zabaikal'skaya, Amurskaya, Yakutskaya, Primorskaya obl. i o. Sakhalin. 1912.
12. Pashinin, A. V. Revizskie skazki Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya kak istochnik po genealogii kreshchenykh inorodtsev // Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 2018, № 3(31). – S. 77-95.
13. Sokolov M.P. Yakutskaya guberniya po perepisi 1917 goda / Vyp. 1: Organizatsiya perepisi. Kratkii statistiko-ekonomiceskii ocherk gubernii. Poulusnye itogi. Irkutsk : Izdanie Gubernskogo Statisticheskogo byuro, 1917.

Understanding the political and legal category of "Empire" in legal science

Danilov Igor

PhD in Law

Head of the Department of Jurisprudence, Siberian State University of Geosystems and Technologies

630108, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Plahotny str., 10, office 437

✉ 0615222@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the fundamental concept of "empire" in legal science, its essence, nature and semantic content. In the Russian legal doctrine, which was formed under the long-term influence of Marxist-Leninist postulates, this category is not used in the scientific circulation of the classical theory of state and law. At the same time, the ambiguity of this term, its obvious relevance to the characteristics of the state structure and the extensive historical experience of the existence of imperial states make its legal analysis and comprehension extremely promising. The identification of the essence of the imperial factor will allow us to form new approaches to the study of states and the analysis of their forms. The article examines the category of "empire" both from the point of view of its legal content and from the point of view of its philosophical, political and socio-cultural content. The methodology of scientific research is based on the application of general scientific methods of cognition (dialectical method of universal cognition, systemic, structural and

functional), general logical (analysis, synthesis, abstraction, comparison); private scientific (formal legal, historical). The application of the historical method made it possible to comprehend the patterns of evolution of the concept of empire in legal, political and sociological science. Based on the conducted research, various ideas about the essence and nature of the empire have been identified. The scientific positions identifying the empire with the historical type of state based on the establishment of certain principles, values and ideals as dominants for the organization of the most just and organic life of peoples under its rule; with the method of territorial organization of multinational states; with the form of state-territorial structure are revealed.

The article compares the presented positions. The correlation of the legal content of this concept, philosophical-political and socio-cultural is carried out. It is concluded that the legal projection of the empire category consists in its definition as a form of state, which determines the specifics of the form of government, state-territorial structure and political regime. The key features of the empire in these aspects are highlighted.

The presented results can be used both in conducting a historical analysis of the structural and functional features of specific imperial states within the framework of the history of state and law, and in developing a general conceptual and categorical apparatus for studying states and their forms within the framework of the theory of state and law.

Keywords: nationalities, political regime, form of government, form of state-territorial structure, type of state, form of state, multinationality, imperial factor, empire, indirect rule

References (transliterated)

1. Dal' V. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. II. I-O. M., 1881.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M., 2006.
3. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. A. M. Prokhorov. 4-e izd. M., 1988.
4. Rubakin N. A. Rossiya v tsifrakh: Strana. Narod. Sosloviya. Klassy: Opyt statisticheskoi kharakteristiki soslovno-klassovogo sostava naseleniya russkogo gosudarstva (na osnovanii ofitsial'nykh i nauchnykh issledovanii). SPb.: Vestnik Znaniya (V. V. Bitnera), 1912.
5. Solodova G. S. Formy gosudarstvennogo ustroistva: terminologicheskii aspekt ponyatiya imperii // Vestnik KemGU. Ser.: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2019. № 4 (4). S. 361–366.
6. Khardt M., Negri A. Imperiya. M., 2004.
7. Miller A. Istorya imperii i politika pamyati // Rossiya v global'noi politike. 2008. T. 6. № 4. S. 118–134.
8. Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva. 990–1992 gg. M., 2009.
9. Krasnyakov N. I. Rossiiskaya imperiya: opyt upravleniya natsional'nymi regionami (seredina XVII – nachalo XX v.) monogr. / N. I. Krasnyakov. Novosibirsk: IPTs NGU, 2023.
10. Grachev N.I. Imperiya kak forma gosudarstva: ponyatie i priznaki // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Yurisprudentsiya. 2012. № 2 (17). S. 18–28.
11. Isaev I. A. Topos i nomos: prostranstva pravoporyadkov. M., 2007.

Collective agreements as a factor of labor regulation in

industry during the NEP period (based on the materials of the Vladimir Province)

Yumatova Elena Aleksandrovna

PhD in History

Associate Professor; Department of Social Sciences and Humanities; Madimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

59a Gorky Street, Madimir, Madimir Region, 600017, Russia

✉ yumatova-ea@ranepa.ru

Abstract. The subject of the study is the implementation of the policy of collective agreements between trade union organizations and the administration of industrial enterprises in the public and private sectors during the 1920s. The new economic policy – NEP has led to new approaches in the work of not only the economy (agriculture, industry, etc.), but also the areas of work of trade unions. An acute problem arose for discussion – the participation of workers in the management of production. The purpose of the research is to study the regional features, to identify positive and negative indicators in the activities of trade union organizations in protecting workers' rights in industrial enterprises. The problem of strengthening the party's control over the trade union movement is considered using the example of provincial professional bodies. The geographical scope of the study is limited to the territory of Vladimir Province, which was part of the Central Industrial Region in the 1920s. The methodological basis of the research is the principles of historicism, scientific approach and objectivity. A systematic approach allowed us to consider the management staff of trade unions and their tasks on the ground. This made it possible to identify the advantages and disadvantages of collective bargaining in the region. The method of source analysis made it possible to assess the information value and practical significance of archival and statistical documents. The scientific novelty of the research lies in the fact that, based on local history material, statistical data and documents from the archives of the Central (State Archive of the Russian Federation) and regional levels (State Archive of the Vladimir region), a description of the situation on the ground, at enterprises is given; the dynamics of the formation of staff and members of the trade union movement is outlined; the directions of trade union work on the implementation of collective contracts. As a result of the conducted research, a set of problems has been identified that the trade union movement system has faced at the regional level: the training of qualified personnel in its own staff, the participation of workers in the formation of collective agreement provisions, wage equalization in various sectors and industries, and the organization of strikes. The research materials can be used in the process of teaching historical subjects, developing textbooks, and conducting general research on the history of the trade union movement in the Vladimir Province within the framework of the Central Industrial Region, dedicated to the NEP period.

Keywords: conditions, settlement, strike, party, administration, workers, industry, collective agreement, new economic policy, trade unions

References (transliterated)

1. Aluf A.S. Profsoyuzy i polozhenie rabochego klassa v SSSR 1921–1925 gg.. M., 1925. 96 s.
2. Biryukov K. Khozyain «skryvaetsya» (na vyazal'noi fabrike Byvshego Germana) // Prizv. 1922. 27 iyulya.
3. Velikin, B. Profsoyuzy SSSR pri diktature proletariata. L., 1927. 72 s.

4. Voronin I. Byt rabochikh metallistov Novosel'sko-Vachskogo raiona Muromskogo uezda // Prizv. 1922. 30 maya.
5. Gavrilov B. Diskussiya o profsoyuzakh 1920–1921gg. // Propaganda i agitatsiya. 1939. № 15. S. 2-7.
6. Gindin Ya.I. Professional'nye soyuzy i bezrabititsa 1917–1927 gt. M., 1927. 43 s.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. P-1. Op. 1. D. 561.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 908. Op. 2. D. 2222.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii: F. 908. Op. 2. D. 2440.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 908. Op. 2. D. 2610.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1429. Op. 1. D. 156.
12. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1429. Op. 1. D. 314.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1429. Op. 1. D. 735.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1431. Op. 4. D. 192.
15. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1431. Op. 4. D. 198.
16. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1431. Op. 4. D. 199.
17. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1431. Op. 4, D. 203.
18. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1431. Op. 4. D. 205.
19. Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskei gubernii. F. 1431. Op. 4. D. 212.
20. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 5451. Op. 10. D. 253.
21. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 5451. Op. 10. D. 372.
22. Dyatlova N. Pervye shagi NEPa // Politicheskaya agitatsiya. 1989. № 10.
23. Dyatlova N. Povorot k NEPu // Prizv. 1989. 22 aprelya.
24. Zimichev. Plenum Gubkoma R.K.P. professional'noe dvizhenie v gubernii // Prizv. 1924. 26 oktyabrya.
25. Zinov'ev G.E. Profsoyuzy i tekushchie zadachi: Rech' na VI s"ezde profsoyuzov Leningradskoi gubernii. M., 1925. 30 s.
26. Isaev V. I. Mezhdu vlast'yu i rabochimi: sovetskie profsoyuzy v period nepa// EKO. 2021. № 4. S. 71-89.
27. Ismil. Kak rabotaet nash fabkom (fabrika im. Sverdlova) // Prizv. 1925. 28 fevralya.
28. Istorya profsoyuzov SSSR. Ch. I (1905–1937 gody) / Pod obshch red. G.V. Sharapova. M., 1977. 256 s.
29. Itogi raboty profsoyuzov Vladimirskei gubernii za 1926 god. – Vladimir, 1927. 157 s.
30. Kaziev M. Zabota profsoyuzov o zdrorov'e trudyashchikhsya. M., 1969. 157 s.
31. Kak zhivut rabochie (Sudogodskii uezd) // Prizv. 1922. 4 fevralya.
32. Kak shakhtery, uchitelya, dal'noboishchiki i vrachi borolis' za svoi trudovye prava // Vedomosti.2024. 9 oktyabrya. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/galleries/2024/10/08/1067260-zabastovki#140737497313948> (data obrashcheniya 21.11.2024).
33. Kiselev P. Zhilishchnyi golod tekstilei // Prizv. 1925. 8 yanvarya.
34. Korovina M.N. Rol' partorganizatsii v rukovodstve proizvodstvennymi soveshchaniyami v kontse vosstanovitel'nogo perioda 1924–1925 gg. M., 1957. 30 s.
35. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. Ch. I. 1898–1925. M, 1953. 494 s.
36. Krasil'shchik. Na bumage est', a na dele net // Prizv. 1927. 5 yanvarya.
37. Kosior S.V. Nashi raznoglosiya o roli i zadachakh profsoyuzov. M., 1921. 32 s.

38. Lobok D. V. Profsoyuzy Sovetskoi Rossii v usloviyakh novoi ekonomiceskoi politiki (1921–1928 gg.) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2006. Ser. 2. Vyp 4. S. 155-168.
39. Magaziper, L.A. Chislennost' i sostav profsoyuzov. M., 1926. 53 s.
40. Matyugin A.A. Rabochii klass SSSR v gody vosstanovleniya narodnogo khozyaistva 1921–1925 gg. M., 1967. 364 s.
41. Matyugin A.A., Chugaev D.A. SSSR v period vosstanovleniya narodnogo khozyaistva 1921–1925 gg.: Istoricheskie ocherki / Pod red. A.P. Kuchkina, S.M. Yakubovskoi i dr. M., 1952. 596 s.
42. Mironov N. Diskussiya v partii o profsoyuzakh // Propagandist. 1940. № 2. S. 16-24.
43. Neobkhodimo rassledovat' (Sudogodskii uezd) // Prizv. 1922. 25 fevralya.
44. Otchet Vladimirovskogo Gubernskogo Soveta professional'nykh Soyuzov VI-mu Gubernskomu S"ezdu profsoyuzov (17 oktyabrya 1923 g.). Vladimir, 1923.
45. Otchet o godovoi rabote Vladimirovskogo Gubernskogo profsoyuznogo Soyuza Tekstil'shchikov s sentyabrya 1923 goda po sentyabr' 1924 goda k VII-mu Gubernskomu S"ezdu Soyuza. Vladimir, 1924.
46. Otchet o godovoi rabote Pravleniya Vladimirovskogo Gubernskogo Otdela Professional'nogo Soyuza Tekstil'shchikov (oktyabr' 1924 goda – oktyabr' 1925 goda) k VIII-mu GubS"ezdu Soyuza. Vladimir, 1925.
47. Otchet o godovoi rabote Pravleniya Vladimirovskogo Gubernskogo Otdela Profsoyuza Tekstil'shchikov (oktyabr' 1925 goda – oktyabr' 1926 goda) k IX-mu GubS"ezdu Soyuza Tekstil'shchikov. Vladimir, 1926.
48. Otchet o godovoi rabote Pravleniya Vladimirovskogo Gubotdela V.P.S. Tekstil'shchikov (noyabr' 1926 goda – yanvar' 1928 goda). Vladimir, 1928.
49. Ofitserova N.V. Rol' profsoyuzov v bor'be s rabochim aktivizmom v zavodskom soobshchestve v 1920-e gody // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2011. – № 3. S. 165-169.
50. Petrova L.I. Sovetskie profsoyuzy v vosstanovitel'nyi period 1921–1925 gg. M., 1962. 96 s.
51. Profsoyuzy SSSR 1905–1963 gg.: Sb. dokumentov i materialov / Pod obshch. red. T.V. Bagaevi. M., 1963. T. 2. 775 s.
52. R. Ekspluatator rabochikh (Sobinka) // Prizv. 1923. 21 yanvarya.
53. Razve tak zaklyuchayut kollektivnye dogovory // Prizv. 1922. 25 iyulya.
54. Semagin I.N. Sostoyanie profraboty i blizhaishie zadachi soyuzov (K 20-i Gubpartkonferentsii) // Nashe khozyaistvo. 1926. № 11-12.
55. Sozinov E.M. Partiinoe rukovodstvo profsoyuzami Verkhnevolzh'ya (1926–1937 gg.). Yaroslavl', 1977. 384 s.
56. Staryi tekstil'shchik. Strashnoe nakazanie // Prizv. 1922. 3 iyunya.
57. Tezikov V.M. Desyat' let profsoyuzov Vladimirovskoi gubernii (Kratkie itogi) // Nashe khozyaistvo. 1927. № 10-11.
58. Tomskii M.P. Sovremennoe dvizhenie rossiiskikh profsoyuzov. M, 1923. 31 s.
59. Udalova T.A., Sovetskie profsoyuzy v gody novoi ekonomiceskoi politiki: 1921–1927 gg. (na materialakh Ivanovo-Voznesenskoi, Yaroslavskoi, Kostromskoi i Vladimirovskoi gubernii). Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Ivanovo, 2004. 19 s.
60. Urazova S.A. Izmenenie funktsii soyuzov v nachal'nyi period NEPa // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Istoryia. – 2010. – № 1

(17). S. 36-42.

61. Fabrichnyi. Kak zhivut i rabotayut metallistov // Prizv. 1924. 29 marta.
62. Yuzenkov Ya. Okhrana truda u torfyanikov (Kovrovskii uezd) // Prizv. 1923. 13 yanvarya.
63. Yumatova E.A. Gosudarstvennaya politika v promyshlennosti v period NEPa (na materialakh Vladimirskei gubernii). Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Vladimir, 2010. 21 s.
64. Yakovlev Yu.F. Vladimirskei rabochie v bor'be za vosstanovlenie promyshlennosti i ukreplenie soyusa s krest'yanstvom v 1921-1925 godakh. Vladimir, 1963. 56 s.

Industrial heritage as a felicitous factor of the well-being of the population of the Urals in the 1970s and 1980s.

Lakhtionova Elizaveta Sergeevna □

PhD in History

Associate Professor; Doctoral student; Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

620034, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Opalkinskaya str., 16, sq. 109

✉ elza1982@yandex.ru

Abstract. The object of the study are scientists, teachers, local historians and other progressive-minded residents of the Urals. The subject of the study is their perception of the well-being of their region through the activities of various actors to preserve monuments of industrial heritage. The chronological framework – the 1970s and 1980s – was not chosen by chance. During this period, the desire of a part of the Soviet population to identify and preserve the monuments of the industrial past of their region was emerging, which was expressed not only in publishing activities, but also in extensive practical work. The author identifies a number of functions that were laid down in Soviet times in the process of preserving monuments of industrial heritage: educational, cognitive, aesthetic, image-forming. The relevance and practical significance of the study lies precisely in the fact that these functions can and should be updated at the present time in order to preserve the remaining objects of the industrial heritage of the Urals. The research used materials stored in the central and regional archives, as well as published sources. The complex of scientific methods that were used to achieve the research goal consists of general scientific (analysis, synthesis, induction, analogy) and special historical (problem-chronological, historical-comparative). The author concludes that in the 1970s and 1980s, individual residents of the Urals (scientists, engineers, local historians, teachers) did not in vain begin to attract the attention of the general public to the need to preserve monuments of industrial heritage. They believed that these objects could be used to implement several functions: educational, cognitive, aesthetic and some others. The combination of these functions, or each one individually, can allow a person to feel happy. And this will contribute to the formation of a favorable image of the region. The author believes that the industrial heritage has a huge potential for shaping and maintaining the attractiveness of the region, and therefore the well-being of its happy residents through feelings of demand in the profession, pride in the history and achievements of previous generations. And this factor must be developed and strengthened at the present time, until the remnants of the industrial heritage of the Urals are finally lost.

Keywords: Ural, Sverdlovsk region, museumification, monuments, image of the region, well-being, felicitous factor, industrial heritage, industrial architecture, factories

References (transliterated)

1. Kiseleva L.S. Faktory blagopoluchiya rossiiskogo naseleniya: regional'nye osobennosti // Sotsiodinamika. 2020. № 5. S. 69-78. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32984 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_32984.html
2. Zaparii V. V., Zaitseva E. V. Industrial'noe nasledie kak vazhneishaya sostavlyayushchaya imidzha promyshlennogo regiona (sotsiologicheskii analiz) // Ekonomicheskaya istoriya. 2017. № 1. S. 31-35.
3. Dobreitsina L. E. Promyshlennyi turizm v Sverdlovskoi oblasti: osnovnye vektorы razvitiya (na materiale ofitsial'nykh dokumentov) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2020. T. 26, № 1(195). S. 200-209. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.022.
4. Lakhtionova E. S. Deyatel'nost' obshchestvennykh i politicheskikh aktorov po okhrane ob'ektov industrial'nogo naslediya v Sverdlovskoi oblasti (1960-1980-e gody) // Nauchnyi dialog. 2022. № 11 (3). S. 439-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-439-455.
5. Dobreitsina L. E. Muzei-zavody na Srednem Urale: osmyslenie proshlogo i indikator nastoyashchego v kul'ture industrial'nogo Urala // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii. 2014. № 1. S. 27-37.
6. Kuzovenkova Yu. A. Paradigmy muzeefiksatsii industrial'nogo naslediya // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii. 2015. № 5/6. S. 6-16.
7. Kadyrov R.V. Potentsial istoriko-industrial'nogo naslediya Respubliki Tatarstan dlya razvitiya promyshlennogo turizma // Aktual'nye problemy razvitiya turizma i industrii gostepriimstva: sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kazan': Izd-vo OOO «Pechat'-servis XXI vek», 2018. S. 49-56.
8. Lysikova O. V. Industrial'nyi turizm v gorodskom prostranstve: keis-stadi Saratova // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii. 2014. № 1. S. 38-48.
9. Lakhtionova E. S. Teoreticheskie podkhody k voprosu ob opredelenii ponyatiya «pamyatnik industrial'nogo naslediya» v SSSR // Istorya i sovremennoe mirovozzrenie. 2023. T. 5. № 3. S. 30-36. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-30-36.
10. Zagrebin, S. I. Moi otchii dom. Chelyabinsk: Poligraficheskoe ob'edinenie «Kniga», 2000. 222 s.
11. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti. F 250. Op. 1. D. 72.
12. Lakhtionova, E. S. Istorya spaseniya pamyatnika industrial'nogo naslediya «Severskaya domna» v 1960-1980-e gg. // Istorya i sovremennoe mirovozzrenie. 2023. Tom 5. № 2. S. 113-119. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-2-113-119.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-501. Op. 3. D. 937.
14. Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti. F. R-233. Op. 1. D. 13.
15. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-639. Op. 1. D. 258.
16. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-639. Op. 1. D. 595.
17. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-639. Op. 1. D. 815.

Historical and legal evolution of concepts of legal harm

Lecturer; Department of Theory of State and Law; Saratov State Law Academy
Postgraduate Student; Department of Theory of State and Law; Saratov State Law Academy

410056, Russia, Saratovregion, Saratov, Chernyshevsky str., 104, office 212

 kor.e.s@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the consideration of changes in the understanding and definition of legal harm from antiquity to the present, as well as the historical and legal evolution of the concepts of legal harm and its consequences for the subject of law, the analysis of approaches in this area. The article analyzes the historical roots of the term, its development in various legal systems, the influence of philosophical, social, political and cultural aspects on the formation and development of the concept. In addition, a comparison of the legal regulation of legal harm in different countries and approaches to this concept is carried out, criteria for determining legal harm in different eras are noted, which will help to assess current trends in this area and their reflection in practice. The methodological basis of the study was the comparative historical method, which made it possible to systematize the information available in the literature on legal harm at different stages – from ancient civilizations to our time. The analysis of changing perceptions of the negative consequences of offenses allows us to better understand modern approaches to assessing and compensating for legal harm, as well as to view the relationship with other concepts of legal liability. In ancient times, the concept was based on the following: if one caused damage to another, then he should be responsible for it, thus the ideas of justice and compensation for the damage caused to the victim were the basis. The Medieval era is characterized by the close connection of the concept of good and evil with Christian ethics and morality. Then there is the need to affirm the value of the individual, to recognize the dignity of a person. And subsequently, the term "harm" becomes, first of all, a social concept, and responsibility for its infliction presupposes the operation of the law and compensation for damage to the victim.

Keywords: Renaissance, Enlightenment, justice, compensation, biblical concept, medieval law, ancient times, concept of harm, evil, good

References (transliterated)

1. Aristotel'. Nikomakhova etika // Aristotel'. Sochineniya: v 4-kh t. M., 1983. T. 4. 834 s.
2. Atmurzaeva F.I. Problema sootnosheniya dobra i zla v istorii filosofii (antichnost') // Vostochno-evropeiskii nauchnyi zhurnal. 2015. T. 4. № 2. S. 5-6.
3. Bentam I. Vvedenie v osnovanie nравственности i zakonodatel'stva. M. 1998.
4. Borzova E.P., Burdukova I. Kul'tura i politicheskie sistemy stran Vostoka: uchebnik dlya vuzov / E.P. Borzova, I.I. Burdukova, A.A. Kovalev. M. 2025. 363 s.
5. Vasil'ev V.A., Lobov D.V. Avgustin o dobre zle, dobrodeteli // Sotsial'no-gumanitarnye znania. № 5. 2008. S. 255-265.
6. Vil'nova V.A. Poznanie vreda kak yavlenie gosudarstvenno-pravovoi deistvitel'nosti: mezhdisciplinarnyi podkhod // Vtorye mezhdunarodnye teoretiko-pravovye chteniya imeni professora N.A. P'yanova. Irkutsk: Mezhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Mezhregional'naya assotsiatsiya teoretikov gosudarstva i prava», 2021. S. 16-22.
7. Voplenko N.N. Ponyatie, osnovnye priznaki i vidy pravonarushenii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. Seriya 5. S. 6-17.

8. Kant Immanuil. Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. T. 5. Metafizika nравов. Ch. 1. Metafizicheskie pervonachala ucheniya o prave / per. N.V. Motroshilovoi. M., 2014. 1020 s.
9. Kempbell Dzh. Mify dlya zhizni. Spb., 2019. 384 s.
10. Levchuk S.V. Sovremennaya interpretatsiya teologicheskoi teorii obrazovaniya gosudarstva i prava s pozitsii filosofii sovremennoykh khristiansko-demokraticheskikh idei evolyutsii gosudarstva // Istorya gosudarstva i prava. № 20. 2013. S. 10-15.
11. Lukyanova Yu.A. Sofizm kak sposob mnimogo ubezhdeniya / Yu. A. Lukyanova // Studentcheskie nauchnye issledovaniya. Penza. 2024. S. 126-132.
12. Malein N.S. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennosti. M., 1985. 193 s.
13. Mark Tullii Tsitseron. O predelakh blaga i zla. Paradoksy stoikov / perevod s latinskogo N.A. Fedorova. Kommentarii B.M. Nikol'skogo. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2000. 241 s.
14. Mill' D.S. O svobode / D. Mill'. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2024. 128 s.
15. Piletskii S.G. Avrelii Avgustin o mesti i vozmezdi / S. G. Piletskii // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2013. T. 14. № 4. S. 109-118.
16. Pratsko G.S., Zelinskii V.E. Estestvennoe pravo i printsip spravedlivosti: voprosy sootnosheniya // "Yurist" – pravoved". 2014. № 5 (66). S. 42-44.
17. Foma Akvinskii. Summa teologii. Chast' I. Voprosy 44-74 / perevod, obshchaya redaktsiya i primechaniya S.I. Eremeeva. Kiev, 2003. 337 s.
18. Shpaltakov V.P. Uchenie Makiaveli ob upravlenii gosudarstvom // Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo. № 1 (19). 2018. S. 87-97.
19. Shcheglov A.P. Priroda zla i lozhnoe znanie v drevnerusskikh predstavleniyakh // Istorya filosofii. 2011. № 16. S. 79-90.

Parallels in the astral myths of the Turks and Finno-Ugrians: on the example of the mythologies of the Milky Way and the Polar Star

Ilikaev Aleksandr

PhD in Politics

Associate Professor, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

Zaki Validi str., 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia

 jumo@bk.ru

Sharipov Renart Glyusovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71

 externet@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is a comparison of the astral mythology of the Turks and Finno-Ugrians using the example of key mythologems-astronomers of the Milky Way and the Polar Star. The main research method was the analysis of the available ethnographic literature on the astral mythology of the Turks and Finno-Ugric peoples. As we have found out, the eschatological myth of the dog stars (wolves), which are tied with ropes to the Pole Star, is

very popular among the Turks. The comparison of the Milky Way with the "road of birds" was known to the Turks and Finno-Ugrians, but, according to experts, it arose mainly among the Uralic peoples. Nevertheless, we assumed that the basis of the myth of the emergence of the "bird's road" as a path of migratory birds most likely originated in the Ural-Volga region. The comparison of the Milky Way with a "ski trail" (or just a trail in the sky) was common among the Finno-Ugrians. It probably went back to the Siberian myth of the heavenly hunt. The likening of the Milky Way to snow, rather, as we see it, has a Turkic origin. In our opinion, the comparison of the Polar Star with the "nail" was preceded by the mythologeme of the "world pillar", celebrated by all Turks and Finno-Ugrians. The original mythologeme of the "world pillar" among the Turks was the idea of a Golden Pillar. In addition, the Turks, as specialized cattle breeders, were characterized by the idea of the Polar Star as a hitching post. The peculiarity of the Finno-Ugric names of the Polar Star is that they can directly relate to a bird sitting on top of a world pillar, or even a star goddess.

Keywords: Northern Eurasia, Finno-Ugric Peoples, Turks, world pillar, world axis, Polar Star (Polaris), Milky Way, stars, astronyms, astral mythology

References (transliterated)

1. Abdullina G. R., Gainullina G. D. Naimenovaniya nebesnykh tel (na materiale bashkirskogo yazyka) // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept». 2014. T. 20. S. 1141–1145. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54492.htm> (data obrashcheniya: 01.12.2024)
2. Aibabina E. A., Beznosikova L. M. O nekotorykh narodnykh kosmonimakh i astronimakh v komi yazyke // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Vypusk 2(14). Syktyvkar, 2013. S. 96–100.
3. Aktsorin V. A. Mirovozzrencheskie predstavleniya finno-ugorskikh narodov po dannym fol'klora // Sovremennye problemy razvitiya mariiskogo fol'klora i iskusstva. Vypusk IX. Ioshkar-Ola, 1994. S. 5–19.
4. Bashkirskie predaniya i legendy. Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii F. Nadrshinoi: Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 288 s.
5. Berezkin Yu. E. Rozhdenie zvezdnogo neba. Mifologiya kosmosa. M.: Izdatel'stvo AST, 2022. 288 s.
6. Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (data obrashcheniya: 01.12.2024)
7. Vavilonskaya Bashnya. Proekt etimologicheskoi bazy dannykh. / Sost. S. Starostin, G. Starostin. Altaiskie etimologii. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=dataaltaltet> (data obrashcheniya: 01.12.2024)
8. Vavilonskaya Bashnya. Proekt etimologicheskoi bazy dannykh. / Sost. S. Starostin, G. Starostin. Ural'skie etimologii. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=datauralicuralet> (data obrashcheniya: 01.12.2024)
9. Vershinin V. I. Marii mut-vlakyn kushech liimysht: etimologii muter. Proiskhozhdenie slov mariiskogo yazyka: etimologicheskii slovar': v 2 t. Ioshkar-Ola: OOO IPF «Stiring», 2018. T. II. N – Ya., 2018. 741 s.
10. Vol'ter E. Finskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. URL: https://gufo.me/dict/brockhaus/Finskaya_mifologiya (data obrashcheniya: 01.12.2024)
11. Gulomshoev S., Dubova N. A., Nikiforov M. G., Polyakova M. K. Kalendarno-astronomicheskie predstavleniya zhitelei doliny reki Yagnob // Vostok (Oriens), 2023,

- 3, 60–73.
12. Danilov O. V. Yazycheskie kul'ty drevnego naseleniya Mariiskogo Povolzh'ya. Ioshkar-Ola, 2016. 336 s.
 13. Zhurakuziev N. I. Kosmogonicheskaya mifologiya v drevnetyurkskikh pis'mennykh pamyatnikakh. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni doktora filosofii. Tashkent, 2018. URL:
https://www.academia.edu/63330559/Cosmogony_mythology_in_the_ancient_Turkic_written_monuments (data obrashcheniya: 01.12.2024)
 14. Ilikaev A.S., Sharipov R.G. Parallel'i v lunarnykh mifakh tyurkov, mongol'skikh narodov i vostochnykh finno-ugrov // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2023. № 5. S. 26–41. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.5.43977 EDN: XMZINY URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_43977.html
 15. Ilikaev A.S., Sharipov R.G. Parallel'i v solyarnykh mifakh tyurkov, mongol'skikh narodov i vostochnykh finno-ugrov // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2023. № 6. S. 112–134. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69212 EDN: RTGGPU URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_69212.html
 16. Iliuf Kh.-M. Sh. Diffuziya obrazov krylatykh konei iz prototurkskoi mifologii // Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. / Pod red. P.V. Alekseeva. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2018. S. 221–237.
 17. Kaliev Yu. A. Mify mariiskogo naroda. Ioshkar-Ola: Izdatel'skii doma «Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo». 2019. 447 s.
 18. Kaliev Yu. A. Ob astral'nykh predstavleniyakh mariitsev // Sovremennye problemy razvitiya mariiskogo fol'klora i iskusstva. Vypusk IX. Ioshkar-Ola, 1994. S. 18–26.
 19. Kamilyanov V. Kakim byl drevniy mariiskii kalendar'. URL:
<https://promishkino.ru/articles/kultura/2021-12-17/kakim-byl-drevniy-mariyskiy-kalendar-2623689> (data obrashcheniya: 01.12.2024)
 20. Karanaeva S. R., Abdullina G. R. Otrazhenie naimenovanii nebesnykh tel v bashkirskikh lichnykh imenakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, № 8 (50). 2015. Ch. 1. S. 87–89.
 21. Kirillova L. E. Udmurtskaya kosmonimiya // Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii. 2016. 2 (31). S. 31–40.
 22. Levkievskaya E. E. Mify russkogo naroda. Moskva: Astrel' AST, 2003. 528 s.
 23. Mariiskii fol'klor: Mify, legendy, predaniya. Sost. V.A. Aktsorin. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1991. 285 s.
 24. Mify narodov mira. Entsiklopediya. V 2 t. / Pod red. S.A. Tokareva. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2003. T. 1. A – K. 671 s. 26.
 25. Murav'eva T. Mify Povolzh'ya. Ot Volch'ego vladyki i Mirovogo dreva do kul'ta zmei i ptitsy schast'yu. M.: Mann, Ivanov i Ferber. 328 s.
 26. Napol'skikh V. V. Drevneishie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoi yazykovoi sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif). M.: Institut etnologii i antropologii AN SSSR, 1991. 190 s.
 27. Pesni lugovykh mari. Ch. I. Obryadovye pesni / Svod mariiskogo fol'klora. Sost. N.V. Mushkina. Ioshkar-Ola: MarNIIYaLI, 2011. 592 s.
 28. Petrukhin V. Ya. Mify finno-ugrov. M.: Izd-vo AST: Tranzitkniga, 2003. 463 s.
 29. Petrukhin V. Ya. Finno-ugorskaya mifologiya: po sledam «Kalevaly». Moskva: Eksmo: Yauza: Institut slavyanovedeniya RAN, 2024. 480 s.

30. Pivkina S. V. Obraz bogini Ange-Patyai-paz v mordovskom fol'klore: K voprosu o mifologicheskoi prirode personazha // Tsentr i periferiya. 2014. № 4. S. 92–96.
31. Popov N. S., Tanygin A. S. Yumyn iula (Osnovy traditsionnoi mariiskoi religii). Ioshkar-Ola: Marii El Respublikyn tuyvyrda kalyk kolkase kyl shotyshto ministerstvo, Respublikyse ustalyk ruder, 2003. 272 s.
32. Puteshestvie k vostochnym mari. K 100-letiyu pervogo vserossiiskogo s"ezda mari / Otv. za vypusk Ivanova O.M. Ufa: Izd-vo «Bashkortostan», [bez god. izd.]. 54 s.
33. Salikhov G. G., Galimov B. S. Mify v kartine mira bashkir. Ufa: Kitap, 2018. 208 s.
34. Sitnikov K. I. Slovar' mariiskoi mifologii. T. 1. Bogi, dukhi, geroi. Ioshkar-Ola, 2006. 160 s.
35. Khazieva A. A. Nazvaniya kosmicheskikh ob"ektov v slovare M. Kashgari «Divanu Iyugat ittyurk» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2018. № 2(80). Ch. 2. C. 383–387.
36. Kharva (Khol'mberg) U. Verovaniya altaiskikh narodov / per. s angl. otv. red. A.V. Golovnev. Ross. akad. nauk, Ufimskii feder. issledovatel'skii tsentr, In-t etnologicheskikh issled. im. R.G. Kuzeeva. Moskva: Castalia, 2022. 314 c.
37. Kharva (Khol'mberg) U. Verovaniya i mifologiya narodov Severnoi Evrazii / per. s angl. otv. red. A.V. Golovnev. Ross. akad. nauk, Ufimskii feder. issledovatel'skii tsentr, In-t etnologicheskikh issled. im. R.G. Kuzeeva. Moskva: Castalia, 2022. 354 c.
38. Khristoforova O. Mify severnykh narodov Rossii. Ot tvortsya Numa i vorona Kutkha do demonov kulei i zlykh dukhov kanna. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2023. 288 s.
39. Cherepenchuk V. S. Mify Urala i Povolzh'ya. M.: Eksmo, 2024. 256 s.
40. Chernykh P. Ya. Slovar' mariiskikh lichnykh imen (Marii eñ lým-vlak muter). Okolo 16000 imen. Ioshkar-Ola: Mariiskii gos. universitet, 1995. 626 s.
41. Sharyafetdinov R. Kh. Mifopoeticheskie obrazy zhivotnogo mira kak otrazhenie kartiny mira tyurkskikh narodov v sovremennoi tatarskoi literature // Nauka i shkola. 2024. № 3. S. 18–28. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-3-18-28.
42. Shkalina G. E. Traditsionnaya kul'tura naroda mari. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 208 s.
43. Yurchenkova N. G. Mifologiya mordovskogo etnosa: genezis i transformatsii / N.G. Yurchenkova; NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. Saransk, 2009. 412 s.